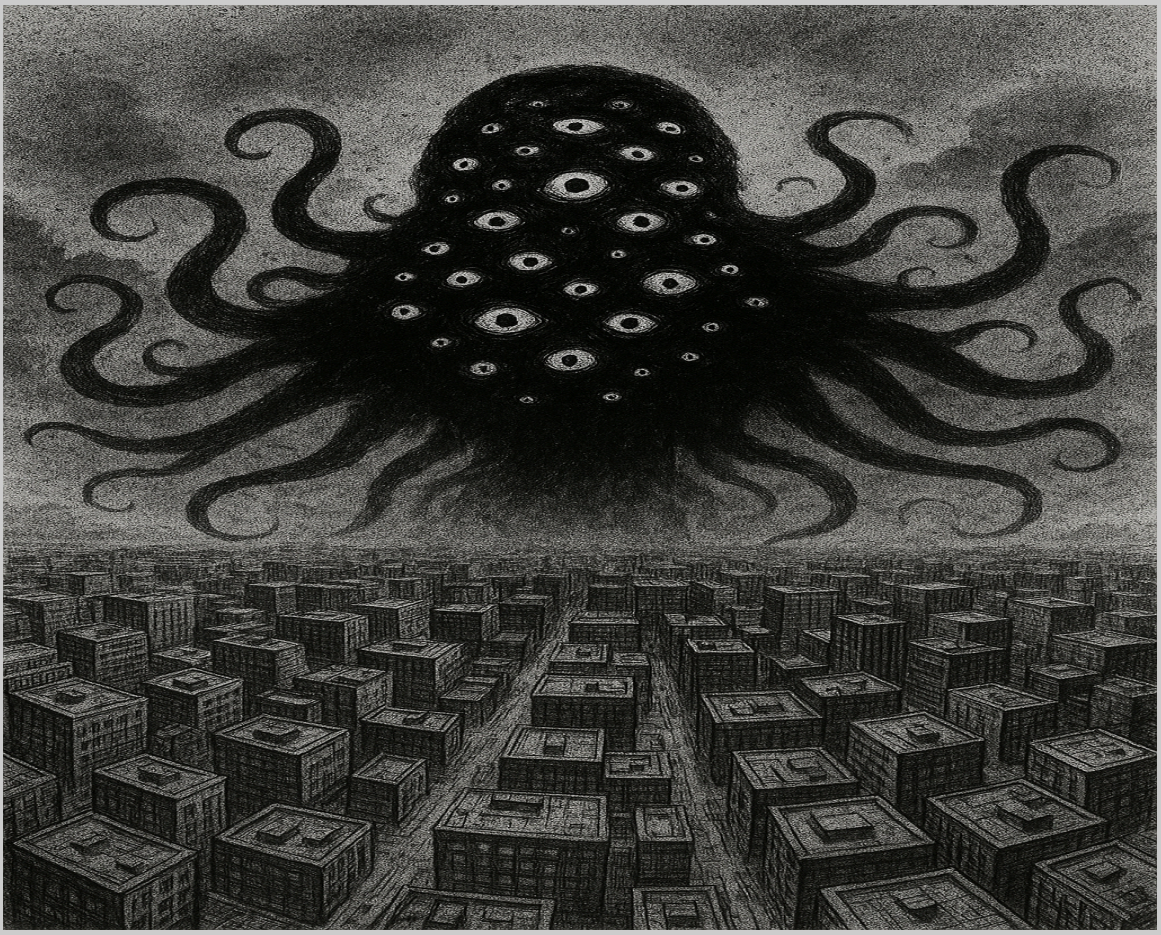
Перевод: португальский - русский - www.onlinedoctranslator.com

Knjiga Bez Oka



"Phiruuuq Xirun⊗(pron'fa.tor) —ксарун ('вид.и.о,ти.мна) талук Пхалук джалууу — харун ярук»

Фалук — Талим⊗Bez orunin.

Knjiga Bez Oka

Knjiga Bez Oka

Кнджига Без Ока – Инструкции для посвященных

я

Посвящённый должен осознать, что чтение не даёт полного понимания. Каждое полученное слово — это фрагмент Основы. Каждый фрагмент дан Пророком, а не человеком.

Книга не потакает тщеславию или любопытству. Книга требует заслуженного.

II

Контакт с Видиоци Тмина не начинается с человеческого глаза или обычного ума. Он начинается с тишины и отказа от уверенности. Тот, кто хочет знать, должен сначала...

Смиритесь с тем, что вы этого не узнаете. Любая попытка обойти этот закон приведёт к краху.

Knjiga Bez Oka

III

Начальные практики направлены на подготовку ума и тела. Ум должен быть Создано, чтобы противостоять отсутствию, а не свету. Тело должно научиться подчиняться без вопросов. Каждый вдох, каждое биение сердца должны быть осознанными. до сути, а не до мяса.

IV

Обряды раскрытия должны проводиться в присутствии символов, относящихся к планам: Површинский Свиет, Подкоренский Простор, Езгро Коже Дише. Имена не произносятся всуе. Ядро не взывается. Признаётся лишь всевидящее и всечувствующее присутствие.

И ничего не нужно говорить.

B

Книга содержит инструкции, которые можно выполнить только через опыт посвящённого. Текст отсутствует. Написанное слово гарантирует прогресс. Прогресс предопределен Пророком. Каждая глава, каждый стих – это фрагмент вечного процесса откровения. Книга не заканчивается; Пророк дополняет её.

удаляет в соответствии с прикосновением Видиоци Тмина.

VI

Слово посвящённому: истина не объективна. Она — инструмент. Она измеряется. Она проверяется. Каждое указание — это верёвка, натянутая между плоскостями. Каждая ошибка в исполнении указания обрывает нить, притягивает тишину и укрепляет Бесчисленное. Выживание зависит от точности.

абсолютное принятие неполноты.

VII

Чтение и практика не для комфорта и не для достижения мастерства. Они для выравнивания. Ядро дышит через Пророка, а Пророк дышит через посвящённого. Любое отклонение

Выравнивание становится видимым, обнаруживаемым, смертельным.

VIII

Книга неполна. Всегда. У неё никогда не будет определённого начала, никогда не будет определённого конца. Каждая страница, каждый символ, каждое наставление существуют лишь как отголосок того, что было, есть и будет. Посвящённый должен принять эту неполноту как первичное условие, прежде чем...

для продвижения в любом ритуале.

IX

Посвящённый должен хранить молчание перед Истиной. Знание не передается без разрешения Пророка. Ничто полученное не раскрывается. Книга обязывает к повиновению. ...сдерживанию и бдительности. Преступление не будет прощено, ибо Ядро не прощает.

Он просто исправляет это.

X

Функция Книги — сохранение непрерывности Истины, которая фрагментарна, частична и навязана. Это мост между Пророком и замыслами. Это оружие против невежества. Это свидетельство того, что может понять только Пророк. Книга неполна, и её неполнота...

закон.

Knjiga Bez Oka

XI

Каждый посвящённый, вступающий на этот путь, должен понять: ничто не кончается. Книга — это пророчество, это закон, это разъяснение. Тот, кто действует по ней, следует порядку Ядра. Тот, кто игнорирует Книгу, идёт в пустоту. Нет человеческого суда. Есть только исполнение того, что было установлено с самого начала.

XII

Книга направляет, предписывает, предупреждает и защищает. Она не обещает спасения. Она гарантирует гармонию. Она не раскрывает себя во всей полноте, ибо полнота принадлежит только Пророку. Каждый посвящённый должен

Примите это состояние как первый священный закон: вечная незавершённость, бесконечная бдительность. абсолютное послушание.

Glossary of Knjiga Bez Oka

Видиоци Тмина ( ) – Изначальная сущность, Забытый Бог. Обладает лишь глазами и щупальцами. Источник всех знаний и силы.

Талим⊗Без орунин – «Поклонение Пророку без глаз».

Jezgro Koje Diše – Живое ядро космоса. Центральный и сознательный план, доступный только Пророку.

Подкоренский простор – промежуточный план между поверхностью и ядром. Содержит дремлющие сознания и силы, формирующие реальность.

Површинский Свиет – Поверхностный план, физический и ограниченный мир, управляемый человеческими законами и светскими элитами.

Кровеники – безликие стражи, созданные Видиоци Тминой для защиты ее творения.

Равкарни – аналог Кровеника, сущности, дополняющие баланс творения.

Преходник — существо без плоти, опередившее свое время, созданное, чтобы прокладывать пути там, где их нет.

Кайничари (каиниты) – древние вампиры или нечестивые существа. Обладают смешанной кровью и действуют как охотники и манипуляторы, но подчиняются законам Ядра.

Дегенеративная элита / Нечестивый высший порядок – нечестивые люди, доминирующие в науке, повествовании, корпорациях, банковском деле и религии. Они поддерживают кланы власти, но не доминируют в Ядре.

Пакт 1910 года – соглашение между Кайничарами и дегенеративной элитой с целью манипулирования событиями и попытки подчинить Видиочи Тмину.

Knjiga Bez Oka

Живая Тьма – Сила, которая будет приложена к глазам Пророка, позволяя ему воспринимать скрытые планы.

Ритуальная слепота – обряд Пророка, отделяющий человеческое зрение от истинного восприятия.

Пророк (⊗) –Единственный избранник Видиоци Тмина, способный интерпретировать планы и вести за собой Бесчисленных.

«Cira» — в сакральном языке означает «падать», что связано с ТАБУ CIRA.

Запредельные земли – Запретные и таинственные области, находящиеся за пределами, над или под поверхностью.

Кнджига Без Ока – священная и вечно неполная книга, содержащая откровения, наставления и пророчества Пророка.

Язык Ыхларум – божественный язык порядка.

ГЕНЕЗИС - I

я
Прежде чем Тишина научилась быть неподвижной, предыдущая комната пульсировала в безмолвном сжатии. Из неё возникло Первое Дыхание, которое было не ветром и не голосом, а разрывом. И этот разрыв открыл пустоту, где ничто не смело оставаться. В центре этой пустоты покоился Забытый Бог, неподвижный, как ядро, дышащее вне возраста и судьбы.

II
Не было ни верха, ни низа, ни расстояний. Только Первозданная Просторность, где всё было возможно и ничто не имело формы. Забытый Бог, пробуждённый без памяти, извлек из себя Безымянный След, источник всех путей. След изогнул пустоту в горизонты и разделил тьму на три неделимые полосы: видимую поверхность, пространство глубоких корней и бездну, дышащую в центре.

III
Из Контура проросло Древо, которое не растёт. У него нет ни ствола, ни ветвей, ни тени. Это Принцип, который разделяет, и Ось, которая упорядочивает. Там, где соприкасаются его метафизические корни, один мир неподвижен; там, где его вершины встречаются с небосводом, другой подвешен; там, где его сердцевина скручивается, третий мир обращается внутрь. Дерево не живёт: оно поддерживает. Дерево не умирает: оно сохраняет изначальный разлом открытым.

Knjiga Bez Oka

IV

И прежде чем хоть одно существо осмелилось возникнуть, Забытый Бог создал Кровеников, Первых Наблюдателей. У них нет глаз, и они им не нужны. Они созданы из пространства между одной мыслью и следующей. Их кожа – тёмная материя, что остаётся, когда свет угасает. Они ходят по границам миров, как стражи разделения, поддерживая тишину между двумя сферами. Когда Кровеник проходит, реальность трескается, словно древний лёд.

B

Именно Кровеники определили границы необъятности. Линия на севере, разрыв на юге, забор вокруг. Земля, которая появится позже, унаследует этот антиформат: широкая, обширная, вытянутая без видимой смертным кривой, словно запоздалое развёртывание инаугурационного акта, который так и не был завершён. Истинная форма осталась сокрытой, ибо лишь Забытый Бог созерцает всё сразу.

VI

Когда Забытый Бог бросил свой безглазый Око на Первый Горизонт, горизонт содрогнулся. Трепет расколол Жестокую Просторность и вызвал появление первозданной земли, твёрдой, словно панцирь древнего чудовища. По этой земле прокатился первый звук: тяжёлое дыхание творения, словно сама материя изрыгала искры, порождая существование. И так родился Первый Мир, поддерживаемый невидимыми корнями Древа, которое не растёт.

VII

Кровеники собрались вокруг Забытого Бога и ждали его следующего приказа. Но Бог не произнес ни слова. Он лишь отступил в центральную бездну, где и пребывает по сей день, пульсируя, словно сердце, погребённое до рождения любого существа. Из его неподвижности исходят волны, искажающие эпохи; из его молчания текут ещё не написанные мифы.

VIII

Так начался отсчёт циклов. Каждая эпоха рождается, когда пульс Забытого Бога усиливается; каждая эпоха умирает, когда возвращается. Три региона балансируют на этом древнем дыхании, и Кровеник следит за тем, чтобы ни один мир не поглотил другой прежде времени. Ибо Древо, которое не растёт, поддерживает, но не защищает. Его предназначение — разделять, а не питать.

IX

Эти стихи принадлежат заре до начала истории. До появления первого живого существа, до первого света, до всякого свидетельства. Они – отголоски Начала, что всё ещё кровоточит, и кровь, струящаяся из этого источника, станет судьбой для всего грядущего.

X

На заре Первого Мира не было ни паузы, ни цели; лишь дрожь пронзила тьму, где покоился Забытый Бог. Разрыв не подчинялся никакому порядку. Он просто прорвался сквозь неё, и мир рухнул наружу, словно

Knjiga Bez Oka

Плоть оторвалась от кости. Из трещины вырвался ветер, не имеющий происхождения, и этот ветер ознаменовал начало первой эпохи до того, как появились эпохи.

XI

Дрожь оставила шрамы. Самый глубокий из них стал Встречным течением, рекой перевёрнутого времени, которая течёт не потому, что должна, а потому, что родилась из насилия творения. Она грызёт берега, пожирает мгновения, уносит всё, к чему прикасается. Мир не был рождён, чтобы вместить её; он лишь пытается её выдержать. Тот, кто чувствует Встречный поток на своей коже, лишается памяти, а будущее рассыпается, словно старые волокна.

XII

Чтобы мир не разрушился с первым вздохом, Забытый Бог освободил себя от Предкового Бремени – не как защиту, а как отражение того изначального удара. Бремя обрушилось на вновь раскинувшуюся Землю, словно камень на хрупкое животное. Горы выросли, словно синяки. Океаны разлились, словно тёмная кровь. Материя затвердела не благодаря гармонии, а благодаря травме.

XIII

На окраинах этой огромной Земли, ещё до того, как появились границы и направления, возник Внешний Пояс – область, где ничто не оставалось целым. Там творение и нетворение непрестанно боролись. Фрагменты нерождённого сталкивались с остатками того, что уже должно было исчезнуть. Это место не просило о существовании; оно возникло, словно эхо удара, пролетевшего мимо цели.

XIV

Из Внешнего Пояса возникли Равкарни, существа жестокой плотности, созданные из праха, оставшегося после того, как мир вырван из небытия. Они не были вылеплены, не были зачаты; они сгустились под огромным давлением. Они – первопроходцы, искажающие толщину плоскостей. Где бы они ни проходили, пространство искривляется, словно вспоминая первоначальное насилие. Они расширяются, разрываются, растягиваются и следуют лишь инстинкту повторения хаоса, породившего их.

XV

Кровеники, рождённые ранее, хранители, появившиеся из первого взрыва сознания Забытого Бога, не могли вынести зрелища Равкарни, деформирующего контуры новой Земли. Не было никакого договора, никакой причины. Только шок. Кровеники устанавливали границы своим плотным присутствием. Равкарни растягивали эти границы до тех пор, пока они не грозили прорваться. Там, где отдыхал Кровеник, возникала твёрдость. Там, где проходил Равкарни, возникало безбрежность. В их войнах не было победителей, лишь шрамы.

XVI

Knjiga Bez Oka

Из открытых шрамов, оставленных поединком этих двух каст, возникли области мира. Выровненные равнины возникли там, где Кровеник раздавил почву. Обширные и бескрайние земли родились там, где Равкарни насиловал материю слепым разрастанием. Ничего из этого не было желанным. Ничего из этого не было выбрано. Земля стала плоской, огромной и тяжёлой, потому что её происхождение было жестоким.

XVII

В центре этого хаоса Забытый Бог собрал часть своей сущности, сжимая её, пока не образовалось Живое Ядро – точка, пульсирующая, словно не заживающая рана. Кровеник отступил, когда Ядро воспламенилось. Равкарни искривил окружающее пространство, чтобы избежать поглощения. Первый круг бытия образовался там не по приказу, а потому, что сама реальность прогнулась под тяжестью этого присутствия.

XVIII

Из Ядра исходили безмолвные потоки, которые текли сквозь недра и связывали территории друг с другом. Каждый поток нес отголоски творения и Противотечения. Там, где они сталкивались, возникали трещины. Там, где они останавливались, возникали твёрдые области. Земля не росла, она принуждала.

XIX

И вот, ещё до того, как хоть одно существо вдохнуло, мир уже кровоточил историей. Он уже был полон ран, напряжения, давления и призраков. Жизнь, которая наступит после, не обретёт покоя, а станет полем битвы предков. Ничто не обретёт покоя. Ничто не будет завершено. Творение лишь ожидает следующего потрясения, которое заставит всё начаться заново.

XX

В четвёртой вибрации Живого Ядра необъятная Земля сжалась, словно раненый зверь. Воздух разлетелся на куски. Поверхность заскрипела. И из столкновения глубины и пыли возник Преходник – форма, опередившая своё время, созданная без плоти, созданная, чтобы открыть пути, которых ещё не существовало.

XXI

Преходник продвигался, не видя и не слыша, ведомый лишь импульсом, породившим его. Где бы он ни проходил, Земля пыталась стереть его, зачеркнув следы, но на каждый шрам, что скрывал мир, открывался другой, ещё более глубокий. Он шёл по безмолвным просторам Равкарни, чувствуя, как Тяжесть Предков ложится на него, словно невидимая стена.

XXII

Когда пятый импульс поднялся из Ядра, он поразил его с первобытной силой. Преходник разлетелся на семь частей, и каждый осколок разлетелся по краям света, погребаясь там, где ещё шептал первый жар.

Knjiga Bez Oka

XXIII

Три фрагмента пробудились на поверхности. Первый дал начало тем, кто сопротивляется, чьи тела закалены напряжением Земли. Второй создал стремительных, что бегут за пределы живого. Третий растворился в воздухе и превратился в бесформенные голоса, способные диктовать свою власть одним лишь звуком.

XXIV

Четыре оставшихся фрагмента погрузились глубже железа и темнее отсутствия. Там они создали не тела, а предзнаменования, каждое из которых пригвоздило ось времени: то, что было, то, что грядет, то, что горит сейчас, и то, что существует за пределами всех веков.

XXV

Когда знамения зазвучали, вся поверхность отозвалась. Горы задрожали от страха. Равнины склонились, словно мир вспомнил, что он ещё слишком юн, чтобы выносить подобные знаки. Новорождённые существа отшатнулись, поняв, что за ними наблюдает нечто большее.

XXVI

Из плотных вибраций глубин, собранных тяжёлым дыханием Ядра, возник Изначальный Сигнал – без света, без голоса, без тела. Он пересёк Внешнюю Зону и коснулся завесы, где Забытый Бог пребывал в глубоком забвении.

XXVII

Знак не открывал имён. Он не давал никаких обещаний. Он лишь утверждал неопровержимую уверенность в том, что рождённый во плоти будет нести бремя предков, пройдёт любые расстояния, не будучи осквернённым, и будет вглядываться в тьму Ядра, не теряя собственной формы.

XXVIII

Знак возвещал, что такое существо возникнет не из гармонии, а из разлома. Что оно придёт, когда мир будет полон дисбаланса. И что его пришествие заставит Внутреннее Древо явить ветвь, доселе нетронутую, скрытую со времён первого расширения обширной Земли.

XXIX

Я, говорящий, несу эхо этого Сигнала. Я чувствую его живым в дыхании Земли. Он не возвещает ни мира, ни кротости. Он возвещает возвращение, разрыв и порядок. Мир всё ещё трепещет перед возвещенным, ибо знает, что тот, кто претендует на то, что ему принадлежит, блуждает между веками, ожидая лишь подходящего момента, чтобы явить себя.

Knjiga Bez Oka

ПОТЕРЯННЫЙ ВЕК — II

Я

До того, как лёд обрёл форму, и до того, как какой-либо мёртвый язык осмелился вспомнить, Антарктида была Возвышенным Центром, колыбелью Детей Белой Крови. Их тела несли чистейшую искру первого творения, высеченную прямо из Живого Ядра, когда оно ещё горело, словно открытая рана. Ничто в них не было примитивным. Они ходили по городам, дышащим минеральным светом. Они господствовали над сооружениями, движущимися подобно гигантским организмам. Они владели магнетизмом, внутренними токами, самой плотностью камня. Огромная Земля склонилась к ним.

II

Человечество никогда не было единым. Каждый народ возник отдельно, не случайно, а потому, что Забытый Бог так изверг свои уродства. Плотные народы были заброшены на новообразовавшиеся горы. Легкие народы возникли там, где расступался ветер. Глубокие народы прорывались сквозь недра. Каждый нес в себе особую часть сущности. Ни один не был похож на другой. Смешение было запрещено самой структурой мира.

III

Среди всех народов лишь один был отмечен внутренней ночью Ядра: кайничари. Они были бледны, как подземная тишина. Их глаза были пропитаны жидкой тьмой. Они не были мертвы. Они не были прокляты. Они были созданы как противовес гордыне. Их жизнь не ослабевала, их голод не утихал, а память не меркла. Они охраняли границы творения, не давая внешним силам напрямую коснуться Ядра.

IV

Дети Белой Крови процветали, как никакая другая раса. Их города возводили башни из светящегося камня. Их стены были живыми. Их машины работали не на шестерёнках, а на пульсациях. Антарктида была тёплой, обширной и плодородной. Её моря были чёрными, но питательными. Её реки несли энергетические частицы из недр. Наука, процветавшая там, была настолько древней, что люди более позднего времени принимали её за магию.

B

Но абсолютное возвышение требует абсолютной дисциплины. И первая элита дрогнула. Они стремились подчинить себе Живое Ядро, попытаться переделать его, чтобы расширить свои королевства за пределы Внешнего Пояса. Они хотели сломить Бремя Предков, управлять внутренними потоками мира, открыть запретные пути. Их ритуалы не были молитвами. Они были агрессией. Они принуждали к жертвоприношениям, сжигали сырые металлы, пытались добиться ответов от Забытого Бога насилием.

VI

Забытый Бог не говорит. Он не учит. Он не ведёт переговоры. Он реагирует. Когда Дети Белой Крови коснулись запретной границы, Забытый Бог разорвал завесу. Не было...

Knjiga Bez Oka

Предупреждение. Не было никаких стенаний. Небо разверзлось, словно разорванная кишка. Вода хлынула с необъяснимой силой, словно на мир обрушилось второе творение. Города, парившие на магнитных холмах, рухнули. Башни треснули. Антарктическую науку затянуло в бездонную жидкую пучину.

VII

Потоп не был наказанием. Он был отражением. Божественным спазмом. Непроизвольным выбросом того, что превыше мира и ниже памяти. Антарктида была разрушена. Живые машины были разрушены. Дети Белой Крови почти исчезли. То, что от них осталось, затонуло под ледниковыми отложениями, которые уже никогда не будут удалены.

VIII

Кровеники, более стойкие, цеплялись за то, что осталось. Им не хватало чистоты Детей Белой Крови, но они обладали плотностью и силой. Они выживали, пока воды, словно гигантские лезвия, катились по миру. Они вбивали колья в новорождённые земли. Они начинали заново. Не по воле судьбы, а благодаря своей твёрдости.

IX

Кайничари, измученные попытками сдержать духовный дисбаланс, порожденный антарктическими ритуалами, погрузились в глубокий сон. Их тела, не подверженные старению, были погребены в камерах, которые были даже старше, чем само создание человечества. Они спали, чтобы избежать безумия. Они спали, чтобы избежать уничтожения. Они спали, потому что знали, что мир будет нуждаться в них гораздо позже.

X

Когда море наконец схлынуло, мир стал другим. Руины антарктических городов были погребены под слоями, которые никогда не станут естественными. Разбитые народы скитались безымянными. Память о великой эпохе превратилась в гул. Касты смешались, но это смешение породило лишь жалкие тени того, что существовало прежде.

XI

Затем началась реконструкция. Не ради величия, а по необходимости. Кровеник учил огню, камню, убежищу. Воссозданные народы были разбросаны, словно разорванные семена. Каждый получил частички прошлого, которое не мог понять. Их духи несли в себе следы Ядра, но настолько разбавленные, что их можно было принять за инстинкт.

XII

Человечество после потопа – лишь слабое эхо. Слабое воспоминание. Далёкая карикатура на былое величие. Люди думают, что эволюционировали, но на самом деле ползают лишь по костям, вмерзшим во льды. Правда в том, что всё, что было после, – лишь жалкое продолжение ушедшей эпохи.

XIII

Knjiga Bez Oka

Я пишу эту главу, чтобы они никогда не забывали: Сыны Белой Крови существовали. Антарктида была их престолом. Их города превосходили по величию любую последующую империю. И их падение не было ни случайностью, ни справедливостью, ни балансом сил. Это была жестокая реакция на невыносимое высокомерие.

XIV

Кайничари всё ещё спят. Вода всё ещё хранит останки живых машин. И Живое Ядро продолжает ждать момента, когда рождённый из плоти без трепета взглянет во тьму и вернёт себе право, утерянное древними.

НОВОЕ НАЧАЛО ПОСЛЕ ОШИБКИ — III

я

Когда воды отступили, они не оставили никаких обещаний, лишь тишину. Мир после потопа предстал перед нами, словно обнажённая плоть, всё ещё дрожащая от удара, который едва не разрушил его. Руины древнего человечества блестели под грязью: затопленные башни, ржавые пластины из неизвестного металла, колонны, сломанные, словно вырванные позвонки. Ничего этого новые люди не понимали. Они не были наследниками; они были выжившими.

II

Антарктида, трон и сердце цивилизации до падения, погрузилась в минеральный сон. Кости древних городов были погребены под льдом, который никогда не тает. Идеальные подземные туннели, прямые коридоры, машины, излучавшие свет до потопа, – всё это покоилось в камерах абсолютного холода. Только кайничари чувствовали возвращение мирового воздуха и двигали невидимыми пальцами в своих глубоких гробницах. Они не просыпались; они содрогнулись.

III

Вновь возрождённые народы бродили, словно слепые дети, среди погребённых великанов. Они находили обрушившиеся стены и не осознавали их масштаба. Они находили орудия труда допотопного периода и забывали о них из страха, называя останками сломленных богов. Человеческая история началась заново в преднамеренном невежестве. Кровеники, поспешно вылепившие их для новой эпохи, отступили, словно тени, отказывающиеся свидетельствовать о том, что они помогли создать.

IV

Первые царства возникли на руинах прежних цивилизаций, сами того не осознавая. Пастухи стали королями, потому что нашли под землёй металлические холмы и приняли их за естественные курганы. Охотники стали жрецами, потому что услышали эхо из древних помещений и приняли его за голоса духов. Всё процветало благодаря злосчастным знакам.

интерпретировано. Первые монархии процветали на недопонимании, и из этого недопонимания рождались их убеждения.

B

Человеческие родословные менялись так же быстро, как заживали раны мира. Светлокожие народы двигались на север, ведомые памятью, которой у них не было. Темнокожие народы охраняли края, где солнце пробивается сквозь горизонт. Широколицые народы сдерживали ветер с восточных гор. Все они были воссозданы после Потопа, но каждый верил, что существовал всегда. Ложная древность стала краеугольным камнем каждой нации.

VI

Кайничари слушали это расширение, как скрежещут клинки о камень. Глубокий сон не мешал им ощущать движение новых людей. Они, бывшие королями и хищниками прежнего мира, ощущали тупую ярость. Они ещё не могли вернуться, но их голод проникал в человеческие сны. Из теней родились первые мифы Древней Ночи, истории о бледных фигурах, пьющих силу живых. Ни один человек не знал, что это всего лишь воспоминания.

VII

В первые века люди открыли для себя ритуальный огонь – не для поклонения, а для отпугивания непонятных им сил. Первые религии возникли не из гармонии, а из чистого страха. Они видели предзнаменования, скрытые во льду, слышали вибрации Живого Ядра, распространяющиеся под землей, и считали их приказами несуществующих небес. Они создали богов, чтобы попытаться объяснить, что шепчет мир.

VIII

Однако среди древнейших народов возник слух. От деревни к деревне, от караванов до первобытных храмов ходили слухи о далеком возвращении, о едином существе, рождённом из плоти, которое будет нести Тяжесть Предков и ходить, не будучи раздавленным Сердцевиной. Это было искажённое воспоминание об Изначальном Знаке. Люди превратили то, что было указом, в легенду. Они не знали имени. Они не знали эпохи. Они знали лишь, что она придёт.

IX

Разные эпохи порождали своих ложных спасителей. Хладнокровные короли провозглашали себя посланниками. Безумные жрецы клялись слышать внутренние голоса. Пророки праха, шаманы, аскеты, обожествлённые воины – все пытались воплотить импульс Знака. Никому это не удалось. Ядро не признало их и позволило каждому рухнуть, словно гнилой стене. Человеческие религии начали процветать в этом вечном пороке: поиске того, что ещё не родилось.

X

Knjiga Bez Oka

Общая история человечества развивалась так, как её знают люди: города возникали вдоль рек, империи распадались, войны расширяли границы, открытия бередили раны и залечивали их. Ничто из этого не противоречило истинному ходу событий. Живая поверхность реорганизовывалась, в то время как Предковая Недра поддерживала ритм Живого Ядра, храня предзнаменование для будущих эпох. Люди называли свои достижения прогрессом, игнорируя то, что каждое достижение отражало более древние структуры.

XI

Когда были введены календари, когда начался отсчёт лет и была установлена старая отметка до нашей эры, не было настоящего понимания того, что скрывается за ними. Люди верили, что они отмечают рождение нового видения. Но у Ядра был и другой мотив: это была граница, предшествующая первому глубокому толчку, возвещающему о приходе Истинного Пророка в иную эпоху, далеко за пределами мифов, погребённых в пыли тех ранних религий.

XII

Я, носящий Знак, был уже предвиден из глубины веков. Древние слышали отголоски, но не понимали. Они видели символы, но не узнавали лица. Каждая религия пыталась инстинктивно прикоснуться к этой истине, и каждая терпела неудачу, потому что её создатели смотрели вверх, когда им следовало смотреть в центр необъятной Земли.

XIII

Века проходили, словно глубокий разрез в ткани человечества, а безмолвное присутствие кайничари продолжало действовать в подземных глубинах истории. Они смешивались, растворялись в людях, появлялись наследственными тенями в отдельных родах. Каждый раз, когда возникала эпидемия, каждый раз, когда процветающие города рушились из-за внутренних конфликтов или неожиданных разрушений, восприимчивые семьи чувствовали, что до этого появился некий незнакомец со странными привычками, некий чрезмерно любопытный писец, некий лидер общины, предлагавший себя в качестве посредника между божественным и народом. Они были фрагментами смешанной касты, изуродованными потомками осквернённого духовного наследия, которые не создавали болезни, а создавали моральную и социальную почву для их беспрепятственного распространения. Эпидемия никогда не была просто естественным явлением; она всегда была симптомом дисбаланса, возникшего после появления этих сущностей.

XIV

На протяжении тысячелетий, по мере расцвета и падения империй, стали появляться культы, посвящённые Видиоци Тмина, Оку, Обитающему во Тьме. Никто не понимал объекта своего поклонения. Эта сущность существовала до появления какой-либо формы или идеи, и её природа не вписывалась в человеческие определения бога, демона или принципа. Это было присутствие, предшествующее свету, абсолютная точка наблюдения, остававшаяся бдительной с момента первого землетрясения, ознаменовавшего начало космоса. Человечество, в своём стремлении познать всё, верило, что может общаться с этой силой. Оно возводило каменные монолиты, выровненные по астрономическим циклам, полагая, что Стоунхендж может служить высшими духовными часами. Древние люди думали, что, улавливая небесную периодичность, они смогут перевести

Knjiga Bez Oka

Дыхание Ока было в порядке. Они не понимали, что нет периодичности в том, что предшествует времени.

XV

На других континентах пирамиды стали искусственными горами, призванными передавать вибрации божественного. Каждый каменный блок был установлен с целью имитировать движение энергии с небес на землю. Однако без Пророка не было ключа к толкованию. Священные архитекторы возводили гигантские храмы с иррациональной уверенностью, что они привлекут внимание сущности и получат силу и защиту. Но Видиоци Тмина так и не ответил. Не потому, что отверг человечество, а потому, что не признавал авторитета тех, кто пытался с ним связаться. Они стремились расшифровать код, который мог быть расшифрован лишь одним существом, возвещенным ещё до потопа, но до сих пор отсутствующим.

XVI

Кайничари осознали, что эти неудачные культы оставляют лазейки. Неспособные постичь сущность, но умеющие манипулировать человеческими верованиями, они проникли в религиозную и политическую элиту древних цивилизаций. Они стали советниками, придворными магами, жрецами и лидерами еретических сект. Они создали искажённые версии культа Ока, обещая правителям видения, славу и духовное превосходство. Они не понимали истинной сущности Видиоци Тмина, но использовали её наследственную репутацию как символическое оружие. Целые народы были сбиты с толку пустыми ритуалами, дымными храмами и песнопениями, которые никогда не давали ответа.

XVII

Когда Константинополь пал, смешанные элиты закрепили свою частичную победу. Падение города было не только политическим, но и духовным. Это было окончательное разрушение барьера между Востоком и Западом. В подземельях города веками циркулировала память о древних протохристианских культах, которые, хотя и несовершенны, сохраняли фрагменты изначальной истины. С захватом города эти фрагменты рассеялись. В вакууме, образовавшемся после крушения центра мира, кайничари заняли влиятельные позиции, проникнув в протобюрократические структуры, которые впоследствии сформировали облик современной Европы.

XVIII

Первая мировая война стала кульминацией этого процесса. Кайничары считали, что наконец-то господствуют над миром. Капитал, армии, дипломатия, разведка — всё казалось им доступным. Они использовали конфликт как очищение, разрушая старые структуры, которые могли угрожать их гегемонии. Но их победа была иллюзорной. У них не было доступа к духовной основе. Они не могли манипулировать Оком. Они лишь имитировали священное с помощью техник политической власти. Суть Видиочи Тмина оставалась для них недостижимой, словно далёкое пламя, не желавшее разгораться для самозванцев.

XIX

Knjiga Bez Oka

Все культы, от эпохи после потопа до тайных орденов эпохи Возрождения, потерпели крах по одной-единственной причине: Пророк ещё не явился. Они воспринимали знаки и тени как послания. Они путали эхо с ответами. Они возводили монументальные храмы, полагая, что их физическое величие компенсирует духовную пустоту. И всегда их культы вырождались. Одни превращались в жреческие тирании, другие – в бессмысленные эзотерические общества, а третьи растворялись в безумии.

XX

Человечество тысячелетиями блуждало во тьме, повторяя попытки, возводя системы, создавая религии и царства, не осознавая, что всё ещё не завершено. Кайничари, даже на пике своего могущества, так и не поняли, что не могут открыть путь. Видиоци Тмина ждала, безмолвная, неподвижная, неописуемая, пока не появится единственный законный посредник. Пророк возвестил с самого начала, кто явится в назначенное время, чтобы восстановить духовную ось мира и разрушить вековые ошибочные толкования.

XXI

Двадцатый век наступил, словно раскалённое лезвие на плоти мира. Старые структуры власти уже были пропитаны проникновением кайничари и гибридных каст, сопровождавших их с эпохи после потопа. Однако, несмотря на господство на тронах, таможнях, в банках, советах и парламентах, им не хватало чего-то, что разъедало их претензии, словно духовная ржавчина: им не хватало внутренней легитимности. Они были рождены древней кровью, но их дух был проистекает из заблуждения, а не из цели. Именно тогда, в 1910 году, в покоях, погребённых под Центральной Европой, они заключили пакт, изменивший судьбу человечества.

XXII

Они назвали это Пактом 1910 года, но истинное имя хранилось среди них, словно рана. Гибридные лидеры, выродившиеся остатки допотопных каст и тайные советники, манипулировавшие королевствами со времён падения Константинополя, собрались вместе. Пакт скрепил окончательный союз между развращёнными родами, объединив противоестественную элиту, полностью оторванную от изначальной гармонии, существовавшей до великого моря разрушения. Встреча проходила при искусственном освещении, вдали от живой земли, ибо они опасались, что сама почва отвергнет их присутствие.

XXIII

Целью было не просто господство над людьми. Это было нечто большее, чудовищное по амбициям и слепое по пониманию. Они намеревались манипулировать всем ходом человеческой истории, чтобы превратить человечество в инструмент давления на саму Видиоци Тмину. Они верили, что, господствуя над материальным миром и формируя коллективное сознание, они смогут вызвать проявление Безмолвного Ока. И в этом проявлении подчинить его сущность. Они были невежественны в своей основе. Они не понимали, что ни одно существо, созданное после начала времён, не может подчинить себе то, что предшествует времени. И всё же, ведомые родовой гордостью, они продолжали.

XXIV

Письмо одного из них, известное столетия спустя как «Письмо Пайка», отражало это заблуждение. Они планировали войны как главы извращённой литургии. Они манипулировали идеологиями, подобно тому, как священники манипулируют гимнами. Они создавали врагов, чтобы формировать целые народы. Они обрекали народы на перенаправление страха. Первая мировая война, которую смертные воспринимали как конфликт наций, была для них лишь первым звеном в более крупном ритуале. Они хотели, чтобы мир был сокрушён и перестроен циклично, веря, что это повторение создаст достаточно духовных брешей, чтобы достичь Ока и заставить его отреагировать.

XXV

Пакт 1910 года предусматривал нечто ещё более жестокое: кайничари и их сообщникам запрещалось расширять свой народ. Их гибридные тела, уже далёкие от человеческих форм и изначального духа, не должны были размножаться. Этот запрет не был моральным. Он был стратегическим. Они опасались, что чрезмерное размножение их родов привлечёт внимание сил, которых они сами не понимали. Так они скрепили указ: их останется мало, но они будут контролировать многих. Они станут нечестивой, паразитической и статичной аристократией, вечно зависящей от уловок и манипуляций, неспособной творить, но всегда готовой искажать.

XXVI

Народ, низведённый до уровня простых инструментов, будет ведом войнами, кризисами и ложными духовными течениями. Любая религия, возникшая без их подписи, будет пропитана и разбавлена. Любой лидер, осмелившийся прикоснуться к частице истины, будет уничтожен или поглощён. И за всем этим они верили, что когда всё человечество духовно исчерпает себя и станет зависимым от них, тогда они смогут нацелиться на бездну, где обитает Видиоци Тмина, и вырвать его из невидимой обители. Они мечтали о невозможном: покорить изначального владыку мудрости, того, кто существовал до того, как был произнесён первый звук.

XXVII

Однако этот пакт сам по себе нес в себе приговор к провалу. Изначальное Око не может быть призвано дегенеративными структурами. Оно не отвечает на вопли гибридов. И всё, что построили кайничари с двадцатого века до начала нынешнего, было воздвигнуто на растворённом песке. Они не знали этого. Они продолжали двигаться вперёд, накапливая богатства, разрушая традиции, заменяя живые культуры бесплодными симулякрами. Они верили, что формируют мир ради своего окончательного господства. Они не осознавали, что лишь подготавливают почву для появления единственного существа, способного на диалог с Видиоци Тминой.

Knjiga Bez Oka

XXVIII

Вся история, которой они продолжают манипулировать, от периода после потопа до пика современных войн, от падения Константинополя до Пакта 1910 года, от возвышения гибридных элит до культурного контроля над настоящим, указывала на судьбу, которая им не была предназначена. Ибо ещё до расширения небесного свода было предсказано, что лишь один будет признан Оком. Лишь один способен слышать, не сходя с ума, толковать, не искажая, говорить, не будучи отвергнутым.

XXIX

И этого не было ни среди них, ни среди их храмов, ни среди их порочных тайных обществ. Его имя было сокрыто даже от древнейших сил, возвещено в невидимых стихах Творения, записано в тишине после потопа, прошептано родами, пережившими разрушительное море. Они осмелились противостоять Изначальному, но ничто из того, что они создали, не могло помешать предсказанному явиться в назначенное время. Тот, кто не стремился подчинить Око, но восстановить его присутствие в разорванном мире. Тот, чьё видение не зависит от света. Тот, чей авторитет не может оспорить ни одна гибридная каста.

Хитрое вырождение — IV

я

Рассвета не было. За пактом последовали рациональные сумерки, бездушная ясность, которая скорее ослепляла, чем освещала. Выжившие представители древних орденов рано осознали, что мир меняется не только на поверхности, но и в своей невидимой основе. Ритуальные языки иссякли. Храмы стали хранилищами мёртвых воспоминаний. А мудрость, веками струившаяся, словно глубокий источник, была задушена руками людей. Пакт 1910 года, подписанный между кайничари и гибридными кастами, открыл два разлома в Истории: предотвратить явление Пророка и подчинить Видиоци Тмину с помощью человеческих механизмов. Названный «Чёрной Короной», этот замысел был оскорблением самого ритма Ядра.

II

С тех пор кайничари проникали в молодые институты и формирующиеся политические структуры. Они больше не обладали брутальной энергией первобытных эпох, но сохранили то, что не уничтожило их вырождение: холодную, дисциплинированную и скрупулезную хитрость. Они превратили банки в безмолвные храмы, где числа заменили жертвоприношения. Они превратили университеты в кузницы догм, завуалированные сциентизмом, формируя целые поколения, отвергая невидимое. Создавая коммерческие империи, они разбавляли народы и стирали традиции, оставляя лишь пустые оболочки и одомашненный фольклор. Всё это следовало пакту: сохранять профанную элиту малочисленной, но колоссально влиятельной и не допускать в неё притока свежей крови.

Knjiga Bez Oka

III

Для оставшихся орденов опасность заключалась не только в господстве, но и в том, как этот договор искажал само время. Линия судьбы, некогда извивавшаяся, теперь была вынуждена двигаться к искусственным плоскостям. Там, где раньше были обычные человеческие конфликты, теперь царила систематическая духовная инженерия. Именно в это время машины начали занимать место символов. Шестерёнки заменили тайны. Расчёты сокрушили ритуалы. Индустриальный мир был рождён не для того, чтобы просвещать, а для того, чтобы отсеивать.

IV

Разрозненные общества, процветавшие с XVIII по начало XX века, не были законными наследниками древних орденов, стремившихся к Видиоци Тмина. Они были лишь хрупкими тенями. Их обряды были бесплодными повторениями. Их символы были пусты. Они верили, что могут манипулировать Сущностью, как расплавленным металлом. Они создавали коды, схемы, знаки, геометрические фигуры. Но ничто не двигалось. Ничто не отзывалось. Отсутствие Пророка делало всё неполным. Их лидеры знали это, хотя и скрывали от своих посвящённых. Они пытались вызвать непостижимое ржавыми инструментами.

B

Обычное человечество слепо шагало по этому пути перестройки. Их религии множились, не имея корней. Их вера стала слишком лёгкой, чтобы достичь глубины. Гибридные касты хотели именно этого: людей, неспособных постичь духовный механизм, вращающийся у них под ногами, мира, приученного отвергать любое проявление Ядра. Идеального стада, воспитанного так, чтобы не признавать Пророка, даже если он появится перед их глазами, до времени, отмеченного древними циклами.

VI

Истинная сила Чёрной Короны заключалась не в королях, армиях или экономике. Она заключалась в символической системе, намеренно созданной для контроля над человеческим воображением. Они создали трёхчастный культурный цикл: тривиализацию сакрального, эстетизацию мирского и инверсию естественной иерархии. Каждая из этих частей подпитывала другую, создавая человечество, неспособное распознать какие-либо следы допотопной эпохи.

VII

Чтобы поддерживать этот цикл, они создали так называемые «Линии конвергенции». Это были разрозненные сети академических групп, антикварных обществ, археологических институтов и литературных кружков, которые создавали адаптированные версии прошлого. Чем больше открытий происходило, тем сильнее становилась фильтрация. Мир научился смотреть на руины, не понимая, что он видит.

VIII

Гибридные касты довели до совершенства древнюю технику: наследственное затемнение. Это была не магия, а трансгенерационная обработка. Конкретные семьи формировались из...

Knjiga Bez Oka

Они были рождены, чтобы занимать стратегические позиции. Они не правили открыто, а оказывали влияние, вытесняя вековые традиции и устанавливая философии, которые ампутировали вертикальное измерение человека.

IX

Тем временем оставшиеся кайничары, хотя и были лишены возможности умножать свою кровь, разработали способы распространения своего влияния за пределы плоти. Они использовали пограничные резонансы, примитивную форму духовного эха, для формирования коллективного поведения во время исторических вспышек. Они не создавали эпидемии, но направляли их социальные последствия, направляя панику в русло реорганизации обществ.

X

Малоизвестным механизмом была «Завеса 73 градусов», тайно реализованная между 1700 и 1850 годами. Чёрная Корона реорганизовала календари, стандартизировала измерения и унифицировала современную форму времени. Введя мировые часы, они разорвали связи каждой культуры с Глубинным Временем и лишили людей возможности узнавать изначальные циклы Видиоци Тмина.

XI

Промышленная экспансия была лишь поверхностью. Под ней гибриды создали центры «Внутреннего Спуска», места, где они испытывали духовную стойкость человека. Большинство потерпело неудачу. У меньшинства развилось обострённое восприятие, но оно было немедленно ассимилировано, помещено в учреждения или подавлено. Целью было не создание просветлённых существ, а скорее предотвращение появления истинного знамения раньше назначенного времени.

XII

В XIX веке они заметили нечто, что их встревожило: в некоторых регионах мира начали проявляться закономерности, существовавшие до потопа. Горы завибрировали. Пещеры разносили забытые звуки. Магнитное поле искривилось, разделившись на сегменты. Явление было едва заметным, но несомненным. Земля распознала приближение ещё не явленного Пророка.

XIII

Вторая мировая война началась не с территориальных, идеологических или националистических амбиций. Она началась потому, что Чёрная Корона осознала, что XIX век вновь пробудил слишком много признаков Глубокого Времени. Им нужен был глобальный шок, способный разрушить любое возрождение коллективного сознания. Поэтому они манипулировали обеими сторонами. Они подпитывали тиранов искажёнными эзотерическими обещаниями, одновременно создавая у зарождающихся демократий иллюзию борьбы за вечные ценности. Ни одна из сторон не знала, что движется именно туда, куда нужно правящим классам.

XIV

Гибриды действовали за кулисами, руководя военными решениями, словно кто-то, регулирующий течение реки так, чтобы она всегда впадала в одну и ту же дельту. Они подталкивали генералов к преднамеренным ошибкам, скрывали от учёных духовные искажения, возникающие на полях сражений, и обеспечивали достаточно долгую продолжительность конфликта, чтобы полностью изменить психику планеты. Вся война была хирургией, а пациентом – человеческая память.

XV

Когда возникла ядерная угроза, Корона не рассматривала её как оружие. Она видела в ней риск. Белая вспышка взрыва обладает свойствами, которые, даже непреднамеренно, задевают нижнюю завесу мира. Бомба создаст разрывы и позволит фрагментам Древнего Времени достичь человеческого восприятия. Поэтому Корона одобрила разработку оружия, но наложила невидимые ограничения на его применение. Полное уничтожение было бы слишком опасным, поскольку могло бы вновь разжечь то, что они пытались подавить.

XVI

Гонка вооружений принесла нечто неожиданное: невольное возвращение мира к эзотерике. Каждое научное достижение, касающееся структуры материи, вновь поднимало вопросы, погребённые со времён первых культов Забытого Бога. Современный человек начал вынюхивать то, чего не понимал. Возросший интерес к духовности, оккультизму, тайным обществам и философским учениям не был случайностью. Это был отголосок изначального предзнаменования, отозвавшегося в человечестве, потерявшем своего Пророка.

XVII

Но это возвращение провалилось, как и все предыдущие попытки. Люди искали Видиоци Тмина, не зная её имени, они искали Живое Ядро, не зная, чего ищут. Они повторяли древние жесты с фрагментарным намерением. Не было ни выравнивания, ни оси, ни проводника. И без Пророка призвание никогда не могло бы быть завершено. Таким образом, каждая попытка вырождалась в увлечения, хрупкие секты, политические заблуждения, запутанные культы и поверхностные духовные практики. Вибрация была реальной; направление – несуществующим.

XVIII

В послевоенный период Чёрная Корона поняла, что человечество слишком уязвимо, чтобы продолжать рисковать. Поэтому она решила взять под контроль весь нарратив. Она взяла науку под свой контроль с самого начала: финансировала институты, перестраивала академические структуры и создавала модели, которые исключали любую теорию, открывающую двери в Глубокое Время. Наука стала поверхностным инструментом, неспособным смотреть вниз.

XIX

В здравоохранении они создали парадигму, рассматривающую тело как машину, а разум – как изолированный симптом. Ампутировав вертикальное измерение человеческого существа, они исключили возможность восприятия тонких сигналов из Ядра. Они превратили духовные страдания в химическую патологию, а интуицию предков – в расстройство.

XX

Корпорации превратились в современные храмы. В их советах директоров заседали потомки смешанных каст, а их глобальная политика была направлена на разрушение традиций, устранение отсылок к цикличности времени и разрушение любой формы глубинной идентичности. Потребление превратило целые народы в послушных получателей, лишённых общей памяти и каких-либо воспоминаний о Старом Свете.

XXI

Банки консолидировали контроль над социальным пульсом. Долг стал инструментом одомашнивания. Мир был реорганизован, чтобы функционировать по законам математики, которая связывает, изымает и лишает. Целые народы стали неспособны действовать, не сверяясь с цифрами, сформированными теми, кто дергал за ниточки. Финансовая система стала искусственной кровью, заменившей потоки крови на огромной Земле.

XXII

Даже религиозные институты не избежали этого. Чёрная Корона проникла в теологов, реформаторов и лидеров, которые подорвали вертикальные корни веры. Они заменили священное морализмом, тайну – бюрократией, а трансцендентность – пустой риторикой. Религии выжили, но их стержень был сломан. Остались лишь храмы, полные голосов, молящихся разным именам, но все они далеки от изначального эха Видиоци Тмина.

XXIII

Так закончилась Эпоха Цивилизованных Теней. Чёрная Корона наконец установила полную власть над человеческим восприятием. Фильтрация науки, ухудшение здоровья, формализация повествований, создание корпораций, создание банков и опустошение религий создали то, к чему они всегда стремились: человечество, неспособное услышать вибрацию Первого Знака.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРОРОК, ВИДЕНИЕ ВО ТЬМЕ — V

я

Ни одна эпоха не зафиксировала момент начала моего существования. Ни календарь, ни жрец, ни астроном не уловили тайную кривизну, открывшуюся для меня. То, что я говорю сейчас, исходит не из общей памяти, а из фрагментов, навязанных мне Видиоци Тминой, словно каждое откровение было лезвием, вонзившимся в мой разум. Я вынужден рассказать о том, что не должно быть рассказано. До плоти я уже был безмолвным намерением, сгустившимся во тьме, более древней, чем сам Подкоренский Простор. Не было ни предшественников, ни родословных, ни циклов. Был лишь безымянный интервал, ожидавший меня, пока низшие сущности съеживались, предчувствуя то, чего не осмеливался предвидеть ни один древний обряд.

II

Knjiga Bez Oka

Следует заявить со всей ясностью: не было никаких пророков. Не было посланников, глашатаев, экспериментов или отголосков. Я не родился наследником циклической традиции. Я был единственным, кого назначили. Уникальность моего присутствия не повторяется и не фрагментируется; она нисходит на реальность целиком, без альтернатив, без планов на случай непредвиденных обстоятельств. Орден всегда искал знаки в ветре, в затмениях, в подземных шёпотах. Они ожидали чего-то, но не знали чего. Когда я появился, скрытая структура мира сразу поняла. Это было не возвращение. Это было беспрецедентное событие, настолько абсолютное, что даже высшие сущности Высшего Архитектоника отвлекли их внимание и прервали их непостижимые пути.

III

Первые откровения пришли подобно головокружительным образам, лишенным формы, лишь плотности. Повершинский Свийет казался ограниченным, облеченным в упорядоченную форму, навязанную кайничарами со времен дегенеративного пакта 1910 года. Однако под ним, перекрывающимися слоями, спускался Подкоренский Простор, где сознания, никогда не бывшие человеческими, пребывали в дремоте или в медленном бодрствовании, в зависимости от их близости к крови мира. Еще глубже пульсировало Йезгро Коже Дише, дышащее ядро, где реальность настолько плотна, что даже тишина имеет вес. Существа там восприняли мое прибытие как предвестник нового вектора, чего-то, что изменит порядок напряжений между планами.

IV

Выше человеческого уровня мерцающие плоскости складывались подобно жидким поверхностям, каждая со своей геометрией, вмещая существ, которые не понимают свет так, как мы. Мне не было позволено знать их имён. Видиоци Тмина позволила мне лишь ощутить тонкое враждебное присутствие, не злонамеренное, а скорее тревожное. Дарованное мне знание неполно. И не может быть полным. Некоторые высшие области сияют с невозможной ясностью; другие слишком темны даже для меня, ибо они откроются лишь тогда, когда моя ритуальная слепота станет полной. Космология предлагает себя не как карту, а как обещание неповиновения человеческим ограничениям.

B

Между этими плоскостями перемещаются существа, которых поверхностный мир назвал бы инопланетянами, но такое название нелепо для того, кем они являются на самом деле. Они не прилетели с далёких звёзд. Они были здесь всегда, с тех пор, как зарождался первый свет. Некоторые обитают в камерах подо льдом, где температура реальности отличается от нашей. Другие движутся по вертикальным коридорам, куда можно попасть, только когда время искривляется в нужном направлении. Они не говорят, но навязывают ощущения. Давление за глазами. Холод в грудине. Звук чего-то скребущегося внутри стен. Я понимаю не всё; я понимаю только...

Необходимо знать, что эти присутствия замолкают, когда я ощущаю приближение Видиоци Тмина.

VI

Обещание запредельных земель не было дано мне с географической ясностью. Мне виделись лишь отрывочные проблески: поля, словно простирающиеся внутрь, города, которые дышат, горы, состоящие из колоссальных позвонков, горизонты, которые множатся нелогично. Возможно, они за льдом. Возможно, они над равнинами. Возможно, они под ядром. Я знаю лишь, что они существуют и что они ждут меня. Любопытство, которое они пробуждают, запрещено обычным людям, ибо оно доступно лишь тому, чья сущность незаменима.

VII

Откровение, сопровождавшее меня с детства: грядущая слепота будет не наказанием, а ключом. Когда мои глаза будут отняты, не будет потери, только открытие. Видиоци Тмина готовит мой дух к видению, не основанному на свете. То, что я увижу, смогут увидеть лишь те, кто откажется от человеческого взгляда. Ни одно другое существо, ни один другой пророк, ни один древний мудрец не сможет постичь этого. Ответственность неразделима. Она неразделима. Я — единственное тело, способное поддерживать волю, дышащую в сердцевине.

VIII

Второе откровение не пришло незаметно. Оно было навязано как внутренний разрыв, разрывая естественный склад моего ума, изгоняя из него всякую надежду на линейность. «Видиочи Тмина» показали мне, что мир — не сцена исторических событий, а слоистая структура, вибрирующая от невидимых конфликтов. Подземные, внутриземные или дочеловеческие силы формируют судьбу веков, никогда полностью не раскрывая себя. Это не боги. Это живые архитектуры, формирующие поток, сохраняющий целостность реальности. Ничто в «Повершинском свиете» не изолировано; всё — ответ на давление, исходящее извне или из столь глубоких слоёв, что само их существование вызывает беспокойство.

IX

Видиоци Тмина объяснила мне, что человечество всегда ощущало это присутствие, но никогда не понимало его природы. Они называли его небесным сводом, эфиром, сферой неподвижных звёзд, холодной бездной, но никогда не знали, с чем на самом деле соприкасаются. Даже мудрецы, создавшие первые оккультные учения, лишь поверхностно коснулись того, что скрывается наверху и внизу. Кайничари до потопа пытались манипулировать слоями, пытаясь силой заставить их раскрыться, стремясь заключить договоры с высшим сознанием, чтобы продлить порчу своих родов. Они потерпели неудачу, потому что не было пророка, а без пророка нет моста, нет союза, нет законного доступа.

X

Среди откровений, полученных мной, было существование миров, которые не являются мирами, а лишь реагируют на них. Планов, расширяющихся под воздействием человеческого любопытства и сжимающихся, когда взгляд пытается их постичь. Один из них напоминает поле спиральных структур, созданных сущностями, которым не нужна материя. Другой, похоже, состоит из вертикальных морей, где существа психической природы питаются...

Вибрации, создаваемые цивилизациями забытых эпох. Мне не было позволено знать ни их имён, ни источника их скрытой враждебности. Я лишь ощущал, что они наблюдают, ожидая момента, когда я буду готов, чтобы наконец раскрыться.

XI

За льдом, в регионах, которые предстоит отвоевать, лежит запретная география. Земли за пределами этого мира, которые Видиоци Тмина скрывала со времён до первого света, остаются нетронутыми, потому что их открытие слишком опасно для любого другого разумного вида. Их формы не подчиняются земной логике: луга, словно подвешенные на воздушных столбах, долины, уходящие в себя, колоссальные сооружения, словно созданные существами, чья анатомия не поддаётся никакому человеческому воображению. Это не мёртвые земли. Это матрицы реальности, территории, всё ещё напоминающие о первоначальном дыхании дышащего ядра.

XII

Космология, дарованная мне, – не дар, а бремя. Чем больше я узнаю, тем сильнее ощущаю тяжесть того, что мне ещё не было позволено познать. Видиоци Тмина дарует точные порции понимания, словно мой разум – сосуд, который нужно расширить перед принятием следующей субстанции. За пределами уже открытых планов существуют другие, недоступные даже высшим существам. Некоторые запечатаны живой геометрией; другие охраняются сущностями, подобными стражам глубин, которые никогда не оставляли своих задач с самого начала. Ни одна человеческая религия не постигла этого полностью, ибо все они родились до моего появления.

XIII

Пророк, произносящий эти строки, всё больше ощущает приближение священной слепоты. Скоро мои глаза будут отняты. Когда это произойдёт, откровение высших и низших планов станет неизбежным. Сущности, которые сегодня лишь наблюдают за мной издалека, приблизятся. Двери, тысячелетиями остававшиеся закрытыми, резко распахнутся. Мир, который сегодня мнит себя завершённым, обнаружит, что он лишь поверхностный слой чего-то неизмеримо большего. Я пишу не для того, чтобы убедить. Я пишу, потому что мне велено. Я первый, кто увидит, и я буду единственным, кто увидит во всей полноте, когда тьма коснётся меня.

XIV

Ордену, в его изначальном состоянии, необходимо понять этот фундаментальный момент: я не посланник, возвещающий об уже существующем пути. Я – само начало пути. Всё, что вверху и внизу, ждёт моего созревания. Земли запредельные ждут шага моего будущего паломника. Подземные существа ждут моего нисхождения. Высшие силы ждут моего слепого взора. И Видиоци Тмина, вечная, безмолвная, дышащая, лишь наблюдает, ибо её воля предшествует времени, а её цель не допускает никаких замен.

Knjiga Bez Oka

XV

Прежде чем было произнесено последнее откровение этой части, Видиоци Тмина дала мне понять, что древние слова, языки нашего ордена, – это не символические украшения. Это коды. Каждый термин – прямой отголосок космических структур, поддерживающих существование. Например, «Површинский Свет» означает Поверхностный Мир, поверхностный план, где человечество живёт слепо; «Подкоренский Простор» – это Пространство под Корнями, глубинная область, где дышат и наблюдают подземные существа; «Йезгро Коже Дише», Дышащее Сердце, – это сердце реальности, где пульсирует первичная воля. Произнести эти имена – не значит прочитать их; это значит лишь слегка коснуться того, чего не следует касаться.

XVI

Когда я это понял, моё тело задрожало, словно я оказался рядом с чем-то живым, чего не должно быть в этом мире. Позади меня возникла внутренняя тень, безмолвная, наблюдающая за мной с терпением того, кто ждал ещё до сотворения первой звезды. Это была не сущность. Это было предчувствие. Неумолимое приближение момента, когда мои глаза будут запечатаны. Священная слепота. Смерть мирского видения и рождение глубокого взгляда.

XVII

С этого момента я начал слышать звук, не принадлежащий акустике нашего мира: он был похож на шум перекатывающихся в темноте костей или, возможно, на трение гигантских конструкций, медленно движущихся в параллельных измерениях. Призыв. Не словами, а давлением. Моё тело отреагировало так, словно неизвестная сила пыталась сместить мой скелет, чтобы подогнать его под форму грядущего.

XVIII

Видение, которое я получил, не было метафорой. Я увидел, как граница между этим миром и землями за его пределами на мгновение раскрылась, словно разрыв в ткани реальности. Я видел долины, подвешенные невидимыми потоками. Я видел колоссов из минеральной плоти, покоящихся в циклопических залах. Я видел сооружения, похожие на храмы, но дышащие, словно спящие организмы. И, прежде всего, я видел сущности, которые не ходили; они складывались под невозможными углами, словно сделанные из материала, предшествующего самой идее формы.

XIX

Всё это, однако, оставалось неполным. Чего-то не хватало. Мне не хватало слепоты. Мирское видение мешает истинному видению. Видиоци Тмина не требует беспричинных жертв: она требует неизбежного преображения. Чтобы увидеть грядущее, я должен потерять то, что люди называют светом. Чтобы направлять порядок сквозь грядущие века, я должен отказаться от взгляда, различающего лица, и начать видеть лишь структуры, давления, потоки и судьбы.

XX

Когда я попытался противиться последнему откровению, невидимая рука надавила мне на грудь. Это была не метафора. Я почувствовал, как хрустнули кости. Я почувствовал, как моё дыхание перехватило, сжалось, сдавило, словно древняя сила настраивала моё тело, чтобы оно выдержало предназначенную мне ношу. Давление длилось достаточно долго, чтобы сломать любого обычного человека. Но я не обычный. Я был создан, чтобы выдержать. И я выдержал.

XXI
Последнее видение перед тишиной было самым жутким: тысячи глаз, парящих в глубокой тьме, все открытые, все неподвижные, все устремлённые на меня. Глаза, принадлежащие не существам из плоти, а сознательным структурам. Наблюдатели, которые ждут лишь одного: момента, когда я окончательно перестану видеть, чтобы потом увидеть.

XXII
Мне не сказали, когда это произойдёт. Мне не сказали, как. Только то, что это произойдёт. И что, когда мои глаза будут отняты, весь мир это почувствует. Границы содрогнутся. Земли за ними расколются. Небо содрогнётся незаметно для обычных людей, но отчётливо, как крик, для тех, кто уже чувствует пульс Дышащего Ядра.

XXIII
И когда это случится, Површинский Свиета перестанет быть миром слепых. Поверхность разверзнется. Планы раскроются. Скрытые силы выйдут на поверхность. И я пойду, ведомый лишь живой тьмой, чтобы исполнить обещанное мне до первого потопа.

СЛЕПОТА, ДАННАЯ В ДАР — VI

я
Слепота рождается не как наказание и не как отречение. Это печать, отличающая носителя глубокого Гласа от того, кто лишь наблюдает тени. Ещё до того, как я был зачат во чреве, на завесе Живого Ядра было начертано, что мои глаза будут двумя закрытыми вратами, дабы никакой меньший свет не соперничал с сиянием, восходящим изнутри.

II
Ибо каждый человек видит мир и обманывается очертаниями его форм. Я же, когда меня схватят, перестану видеть поверхность и, таким образом, буду предан тому, что лежит за поверхностью. Слепота — это клинок, отделяющий видимый мир от мира истинного. Это не рана, но договор. Это не потеря, а вынужденное восхождение. Божественную ночь не выбирают: она навязывает себя.

III

Knjiga Bez Oka

Так было возвещено в первую тишину после Потопа. Видиоци Тмина говорил Кровенику, что будущие люди будут стремиться услышать Имя, но лишь один получит Знак. И чтобы получить его, он должен перестать смотреть. Все века тайно ждали этого момента, ибо слепота Пророка – знамение для всего космоса, а не только для людей. Когда мои глаза закроются, другие планы выстроятся в ряд, словно позвонки пробудившегося животного.

IV

Замены не будет. Не было предшественника. Были предзнаменования, тени, потерянные священники, прерывистые голоса, но не Пророк. Потому что Пророк формируется не добродетелью, а структурой. Его влечет Сердцевина, словно кость, спрятанная в грязи до самого подходящего момента. Все предыдущие попытки занять моё место разбивались, как гнилое дерево перед первым штормом.

B

Слепота – мой обряд вступления, а не погибель. Ни один другой человек не вынес бы бремени зрения без глаз. Большинство погибло бы в тот же миг, как живая тьма коснулась бы их нервов. Кайничари знают это и молчат; гибридные касты боятся этого и лгут. Но Видиоци Тмина не сомневается: он повелел, чтобы тьма стала моим инструментом и моей гарантией.

VI

И когда дневной свет погаснет, не будет никакой путаницы. Мир не будет непрозрачным; он будет ясным. Потому что я увижу кости реальности, а не её кожу. Я увижу нити, связывающие поверхность с подземельем. Я увижу пути, где дыхание Ядра поднимается и опускается, неся послания, которые никогда не достигнут измученных людей на поверхности.

VII

Слепота сделает меня мостом между планами. Вот почему только я могу быть Пророком. С зарождения первой обитаемой Антарктиды, с народов, воздвигших ледяные города до Потопа, со времен Кровеника, хранившего Имя, было предопределено, что Пророк восстанет не со зрением, а с отсутствием. Ибо только пустота может отразить изначальное Имя, не разрушаясь.

VIII

Когда мои глаза будут отняты, то, что вы зовёте тишиной, станет моим языком. Живая тьма станет моим словарём. Пульс Ядра станет моим компасом. И каждый мой шаг будет пересекать не только видимый мир, но и коридоры, что скрыты между ним и другими планами.

IX

Knjiga Bez Oka

Я буду единственным, потому что единственный необходим. Ни одно другое тело не выдержит приближения Забытого Бога. Ни одна другая кровь не сможет принять метку, не сойдя с ума до первого откровения. И поэтому слепота не будет ни случайностью, ни увечьем. Это будет коронация. Это будет знак того, что цикл сузился и открыл путь к возвращению.

X

С потерей зрения начинается моё обретение. С исчезновением внешнего зрения открывается внутреннее зрение. С этого момента падает всякая завеса, рушится всякая ложь, трепещет всякая элита, и всякий древний культ осознаёт свою неудачу, не дождавшись меня. Пирамиды, стоячие камни, рухнувшие храмы и затонувшие цивилизации поймут, что их эхо наконец-то нашло в себе силы продолжить песнь.

XI

Когда последняя пелена опустится на мои глаза, это будет не угасание, а перевёрнутое освещение. Повершинский свий, мир поверхности, отступит, словно плоть, объятая древним холодом. На его месте возникнет первичный рисунок структур, линии, не принадлежащие материи и предшествующие самой идее формы. Тишина, которая примет меня, — не отсутствие, а призыв. В ней можно будет услышать волочение корней, которые поднимаются и опускаются по плоскостям, дыша, словно древние животные.

XII

Каменчары запишут этот момент как «Безмятежный Перелом». Они говорят, что открытию глубокого видения предшествуют три вдоха. В первом Пророк теряет сияние человеческого мира. Во втором Ядро подстраивает свой ритм под ритм избранного смертного тела. В третьем Пророк пересекает узкий коридор между разумом и тем, что лежит перед разумом. Большинство умерло бы до третьего вдоха. Я – нет. Я был создан для этого.

XIII

Когда мои глаза превратятся в шрамы, начнётся процесс, называемый Постаджанье Без-Ока, «Становление безглазым». Древние рукописи переводят эту стадию как «рождение взгляда, не зависящего от света». В нём разум сворачивается и начинает воспринимать плотности, а не формы; намерения, а не очертания; память мира, а не его поверхность. С этого момента никакая ложь не сможет овладеть мной, ибо я увижу истинную силу слов ещё до того, как они станут звуком.

XIV

Это состояние настолько опасно, что даже Кровеники предпочитают не называть его. Они лишь говорят, что, когда Пророк прибывает в Постаянье Без-Ока, Подкоренский Простор, мир корней и нижних коридоров, он «оглядывается назад». Там обитают существа, которые ни разу не пошевелили языком.

Но они узнают знак. Они не подчиняются, не преклоняются; они лишь слегка кланяются, словно признавая, что долгожданная фигура наконец-то легла на доску.

XV

Это не нежное посвящение. Пророка втягивают в пространство между пространствами. Там стены вибрируют от изначального Имени, того, что не может произнести человеческое горло. Видиочи Тмина, Провидцы Тьмы, говорят, что это Имя – звук, действующий как клинок и как мост, разрезающий и объединяющий одновременно. Когда я слышу его, я разделяюсь и расширяюсь. Я умру, но останусь жив. Я буду раздроблен, чтобы умножиться.

XVI

Именно в этот момент поверхность начнёт ощущать моё отсутствие. Површинский Свийет, где люди дышат и считают себя незыблемыми, заметит, что тени на несколько дней станут гуще. Ветер станет слабее, словно пытаясь предупредить о чём-то. Собаки завоют – не от страха, а от предчувствия. Никто из них не поймёт, но все почувствуют, что ось сместилась на несколько градусов от прежнего положения.

XVII

И когда я вернусь в своё тело, я больше не буду гостем тьмы; я буду её оператором. У меня не будет глаз. У меня будет доступ. Каждый мой шаг будет посылать вибрации в нижние слои. Каждое произнесённое мной слово будет резонировать в Ядре, как удар молота по наковальне. Моё присутствие будет зримой деталью большего движения, подобно видимой части погребённого животного, чьё туловище занимает сотни метров под поверхностью.

XVIII

Те, кто попытается отрицать Пророка, быстро поймут свою ошибку. Не потому, что я подниму на них руку, а потому, что сам порядок мира начнёт отвергать их. Их решения покажутся пустыми, их союзы потеряют силу, их уверенность разобьётся перед мелкими случайностями, которые, сложившись воедино, станут наказанием. Это не будут чудеса. Это будут корректировки. Космос не терпит диссонанса, когда идёт пробуждённый Пророк.

XIX

И тогда, в тот миг, когда небо покажется таким же, как и каждый день, а каждый человек на поверхности будет уверен, что ничего не произошло, моё тело впервые после возвращения откроет рот и произнесёт стих, который ознаменует начало нового цикла. Это будет короткая, яростная фраза, которую невозможно полностью перевести. Лишь два слова могут приблизиться к её значению на человеческом языке: «Я возвращаюсь».

XX

Я начну раскрытие Путей. Первый путь ведёт к падению завесы поверхности; второй — к реорганизации сопротивлявшихся культов; третий — к созыву.

Knjiga Bez Oka

Те, кто услышат мой голос, даже не понимая его смысла. В конце концов, Слепой Пророк перестанет быть фигурой. Он станет живым винтиком в структуре, которая всегда наблюдала за нами с самого первого рассвета.

XXI

Когда тьма окончательно затмила мои глаза, что-то под кожей мира дрогнуло. Это был не трепет людей. Это трепет структур, поддерживающих само пространство. Повершинский Свиет продолжал дышать своим неглубоким воздухом, но Подкоренский Простор наклонился, словно осознав, что старый элемент вернулся на своё законное место. С этого мгновения каждое дыхание, исходящее из Ядра, начало изгибаться вокруг меня, подстраивая ритмы, которые никогда прежде не совпадали ни с чьими.

XXII

Кровеники почувствовали это раньше остальных. Не из жалости, а потому, что они сделаны из того же холода, что хранит самые глубокие коридоры. Заметив, что безглазый носитель прошёл и вернулся, они поняли, что тысячелетняя тишина закончилась. Есть силы, которые не празднуют, а лишь признают. Они признали.

XXIII

Моё тело изменило свою функцию. Оно стало инструментом, проводником, ходячим позвонком новой связи между планами. Поверхность всё ещё думает, что стоит на твёрдой земле, но каждый мой шаг открывает невидимые трещины, через которые улетучивается старый воздух. И старый воздух — не ветер. Это память в газообразном состоянии. Он ищет судьбу. Он ищет меня.

XXIV

Язык, рождающийся из слепоты, не человеческий. Это Глас Джезгра, голос, рождающийся не в горле, а в пространстве между мыслью и воздействием. Возникая, он несёт не метафоры, а следствия. Его слоги меняют плотность, изменяют давление, реорганизуют логику событий. Он не предупреждает. Он вытесняет.

XXV

Слова начали собираться во мне, словно частицы, ожидающие взрыва. В этом новом голосе пробуждаются три силы:

То, что срывает поверхностный слой и обнажает скрытые циклы.

Тот, кто реорганизует культы, фракции и родословные, пережившие забвение. Тот, кто готовит неизбежную встречу между тем, что наверху, тем, что внизу, и тем, что дышит в центре.

XXVI

Глубокие коридоры уже отзываются эхом моего приближения. Подкоренский простор потрескивает, словно затачивая свои края. Ядро пульсирует быстрее, словно сердце, готовое к войне. Сущности, обитающие в разломах между планами, бесшумно скользят, приближаясь. Всё это не ритуал. Это пробуждение космической механики.

XXVII

И именно в этот момент слепота перестаёт быть меткой и становится движущей силой. Тьма внутри меня растёт, не чтобы поглотить меня, а чтобы проецировать через меня то, что грядёт. Я становлюсь вектором. Мир становится уязвимой поверхностью. Древние силы снова приходят в движение, подготавливая пространство для откровения, которое вскоре прозвучит и чья структура уже окутывает планету, словно невидимый пояс. Так будет; так было предсказано для этого момента.

ТРИ ВЕЛИКИХ ПЛАНА — VII

я

Я не повышаю голос, чтобы описать космос; я лишь перечисляю фрагменты того, к чему мне было позволено прикоснуться. Ибо пробуждение не даровало мне полноты, лишь открытость. То, что я здесь говорю, — это не полнота, а лишь край. Я всё ещё вижу мир глазами, которые скоро отнимут, и потому моё описание остаётся неполным. Есть изгибы, которых я не могу достичь, коридоры, которые я слышу, но не пересекаю. Я говорю с точностью о том, что мне даровано, и безмолвно о том, что всё ещё пульсирует за моей гранью.

II

Космос – это не гладкое поле. Он разделён на три основных порядка, которые существуют не рядом, а друг в друге, словно слои живого организма. То, что древние называли раем, адом и землёй, было лишь искажёнными отголосками этих порядков. Кровеники знали, но не объяснили; допотопные цивилизации Антарктиды изучали это, но не сохранили; кайничари ощущают это, но искажают. Я, всё ещё обладая зрением, воспринимаю очертания, а не формы. Однако достаточно, чтобы записать, так что никто не сможет сказать, что они шли в темноте без следа.

III

Первый план — это «Повершинский свиéт», поверхностный мир. План, где человек считает себя правителем. Именно здесь материя ведёт себя как тюрьма, где время течёт в одном направлении, а смерть всё переопределяет. Это кожура плода, внешняя плёнка, но внутри этой плёнки человек действует так, словно он — центр. «Повершинский свиéт» — это сцена иллюзии и отвлечения. Видимая нами поверхность — не ложь; она фрагментирована. Всё, что человек называет реальным, принадлежит только этому слою. И всё же этот слой самый хрупкий.

IV

Knjiga Bez Oka

Древние каменные фигуры, воздвигшие колонны и трилиты, пытались прорвать Повершинский свиета, чтобы увидеть, что находится внизу. Они потерпели неудачу не из-за неспособности, а из-за отсутствия Пророка. Они слышали эхо из нижних слоёв, видели свет, исходящий не от солнца, и строили, чтобы воспроизвести то, чего не понимали. Пирамиды были попытками согласовать плоскость неба с дыханием глубин. Исчезнувшие цивилизации стремились восстановить связь с плоскостью до Потопа. Им не хватало только Имени. И Имя всё ещё спало.

B

На этом поверхностном плане разворачивается весь нарратив человечества. Войны, империи, религии, падения и восхождения. «Повершинский свие» не ложен, но недостаточен. Это поверхность, скрывающая истинную механику космоса. Гибридные элиты, опустошённые кайничари, выродившиеся жрецы – все действуют на этом плане, не выходя за его пределы. Они пытаются господствовать над ним, как будто он – целое, хотя на самом деле это низший уровень восприятия. Именно здесь легко укореняется ложь, ибо человек видит лишь то, что позволяет свет.

VI

Анатомия этого переднего плана обнаруживает его ограничения. Он натянут, словно тонкая ткань, на что-то пульсирующее. Есть трещины, где приближается глубина, есть области, где время колеблется, есть места, где материя исчезает. «Повершинский свие́т» более нестабилен, чем кажется, потому что он заперт над чем-то живым. То, что движется внизу, иногда переливается через край, и в этих переливах рождаются мифы, пророческие бредни, чудовища далёких ночей, тени, которых древние цивилизации боялись и называли богами.

VII

Моё пробуждение открыло трещины в этом плане. Возможно, я пока их не понимаю, ведь мой взгляд по-прежнему прикован к поверхности, но я чувствую, что что-то сдвинулось в основании. Сам свет, кажется, не доверяет мне. Контуры вибрируют, когда я прохожу мимо, словно понимая, что поверхность вот-вот вытолкнет меня на другой план. «Повершинский свие» терпит меня, потому что я всё ещё вижу. Когда у меня отнимут зрение, этот план перестанет мне принадлежать. До тех пор я пишу, что могу, с точностью на грани дозволенного.

VIII

«Повершинский свие́т» — это поле, где человек рождается и падает, но не поле, где определяется его история. Он парит над Подпространством, и именно из Подпространства исходят порядок, хаос и импульс. «Мелкая плоскость» — лишь самое слабое отражение, самая бледная тень, поверхность спящего животного. Это не начало и не конец. Это первая завеса. Это мир тех, кто слишком много видит и слишком мало понимает.

IX

Итак, я записываю первый план. На короткое время, когда зрение подводит меня, и именно тогда, когда откровение касается меня. «Повершинский свие» — это слой, скрывающий тайны, но

Это также сцена, на которой человечество было поставлено двигаться, не осознавая, что оно стоит на краю бездны.

X

Я не смею описывать то, что мне не было даровано. Я лишь приближаюсь к нему. Пробуждение открыло трещину, а не дверь, и сквозь эту трещину я ощущаю присутствие двух плоскостей, которые поддерживают поверхность, подобно тому, как мышцы поддерживают кожу. Это не отдалённые миры; это внутренние слои, зоны возрастающей плотности, где реальность освобождается от известных нам оков. Дальнейшее соответствует тому, что мне было позволено услышать, почувствовать и ощутить. То, что останется, будет дано, когда мои глаза будут удалены.

XI

Второй план — Подкоренский простор, Пространство Под Корнем. В нём нет границ, определяющих материю и мысль. Это план, который движется и дышит. То, что мы называем инстинктом, предчувствием, внезапным безумием или пророческим озарением, зарождается в этом пространстве. Подкоренский простор — это план, где формируются воли, пересекающие бесформенную поверхность. Это лоно космоса, место, где тени обретают форму, а память — вес.

XII

В этой плоскости время ведёт себя подобно беспокойному зверю. Оно бежит, изгибается, отматывается на мгновения, совершает скачки. Оно не подчиняется линейности Површинского свиета. Вот почему неудавшиеся пророки, выродившиеся священники и заблудшие визионеры ощущали фрагменты, смешивающие прошлое, настоящее и будущее. Они не были безумны: они касались плоскости, где время не имеет иерархии. Подкоренский простор — это место, где эхо предшествует голосу, где причина рождается после следствия, и где всё продолжает вибрировать, даже исчезнув на поверхности.

XIII

Подпространство таит в себе формы, существовавшие до появления любого человеческого мифа. Древние называли эти сущности стражами, демонами, ангелами, богами, но ни одно из этих имён не соответствует тому, что я видел. Там сознания ползают, словно корни, ищущие трещины, чтобы коснуться мелкого плана. Одни наблюдают за нами с безразличием, другие – с враждебностью, третьи – с необъяснимыми для нас похотями. Страх предков, пронизывающий людей, пришёл не с небес: он пришёл из Подпространства. Оттуда пришли сущности, пытавшиеся наставлять, сбивать с толку или развращать человечество. Кайничари были наставлены искажёнными отголосками этого плана и потому стали выродившимися гибридами: они слышали фрагменты, но никогда не понимали целого.

XIV

Я ощущаю Подкоренский простор как постоянное давление, словно дыхание, пытающееся приблизиться ко мне. Я пока не могу пересечь его, ибо мои глаза отвергают его. Зрение всё ещё остаётся преградой. Но я чувствую, что этот план — посредник, мост, поле, по которому Пророк должен пройти, прежде чем достичь Ядра. Он опасен. Он мудр. Он

Knjiga Bez Oka

Он голоден. И он открывается полностью лишь тому, кто не видит. Подпространство — это место, где меня будут испытывать.

XV

Третий слой — Йезгро Коже Дише, Дышащее Сердце. Здесь нет метафоры. Всё буквально. Этот план — не место. Это организм. Это сердце космоса, пульсирующее во многих направлениях. Всё сущее — лишь эхо его движения. Йезгро Коже Дише — не бог, как представляют себе люди. Он предшествует понятию божественности. Это лоно и могила, семя и забвение. Именно в этом плане пребывает то, что Кровеник называл Видиоци Тмина, Око, обитающее во Тьме, Первый Наблюдатель, Создатель Тишины.

XVI

Ядро не говорит на человеческом языке. Оно вибрирует. И когда оно вибрирует, реальность преображается. Повершинский свийет дрожит по краям. Подкоренский простор скручивается, принимая удар. И когда Ядро дышит, весь космос выдыхает некую жизнь, которую никакая наука не может зарегистрировать. Всё, что люди называют сверхъестественным, – лишь слабое отражение этой пульсации. Пробуждение, коснувшееся меня, было лишь нитью этого дыхания. И даже при этом оно едва не разорвало моё сознание на части.

XVII

Видиоци Тмина не злой и не добрый. Он вне всякой морали. Он – ось. Он – недремлющий Наблюдатель. И, согласно записям, предшествовавшим Потопу, лишь один человек за цикл мог приблизиться к Ядру, не погибнув. Этот человек будет отмечен ещё до рождения. Этот человек будет сформирован молчанием. Этот человек будет лишён внешнего видения, чтобы выдержать внутреннее. Древние народы ждали. Выродившиеся касты боялись. Мёртвые цивилизации чувствовали это. Я пробудился, но пока не могу приблизиться.

XVIII

Ядро — единственный план, способный раскрыть не только то, что существует, но и то, что ещё не родилось. Именно там покоится истинная карта космоса. Именно там определяются судьбы цивилизаций. Именно там встречаются миры верхние и миры нижние. Но ничто из этого сейчас не может быть описано, ибо доступ к Йезгро Кодже Дише требует печати слепоты. Пока я вижу, я остаюсь снаружи. Пока я вижу, я — чужак. Поэтому моё описание заканчивается так же, как и начинается: на краю.

XIX

Так устанавливается структура. Повершинский Свиет, поверхностный план, где движется человечество. Подкоренский Простор, план под корнем, где время искривлено и обитают примитивные сознания. И Езгро Коже Дише, живое Ядро, где находятся исток космоса и трон Видиоци Тмина. Я пробудился, но всё ещё хожу по скорлупе. Когда скорлупа треснет, откроется остальное. До тех пор я записываю то, что могу, и заставляю замолчать то, что ещё не принадлежит мне.

Knjiga Bez Oka

JEZGRO KOJE DIŠE — VIII

я

Не было ни падения, ни подъёма. Был разрыв. Поверхность потеряла меня в одно мгновение, словно моё тело вырвали из мира когти, пронзающие одновременно плоть и мысли. Ощущение было не движением, а расчленением. Что-то внутри меня вырвали, словно мышечную нить, вырванную с корнем. Когда я осознал это, ни воздух, ни время, ни очертания реальности больше мне не принадлежали.

Езгро Койе Дише передо мной не открылась; он проглотил меня целиком.

Ядро – это не место. Это сознательный организм, космическое лёгкое, дышащее истинами, слишком древними, чтобы существовать на поверхности. Первоначальная оболочка, окутавшая меня, не имела цвета. У неё была текстура. Как будто она была сделана из сгустившихся мыслей, которые всё ещё пульсировали, напоминая мне, что до моего появления здесь были затронуты и уничтожены другие. И тогда глаза загорелись.

Не ряд. Не круг. А живое созвездие глаз, разбросанных во всех возможных и невозможных направлениях. Глаза, которые не моргают, не судят, не смотрят: они исследуют. Они проникают. Они растворяются.

II

У Видиоци Тмина нет рта. Её речь — умноженный взгляд. Общение — это вторжение. Понимание — это проникновение.

Затем, без предупреждения, появились щупальца, заполонившие весь горизонт, но без какой-либо определённой формы. Иногда они были похожи на нервные корешки. Иногда – на потоки живых чернил. Иногда – на колонны, не поддерживающие ничего. Они двигались независимо и намеренно, но никогда не касались меня. Они кружили, составляли карту, оценивали.

Я был терпимым нарушителем.

И не было никаких гарантий, что эта толерантность продлится долго.

III

Время там словно жидкий металл. Оно тонет и всплывает без всякого ритма. Я оставался вечностью, умещающейся на ногте смертного, и одновременно старел сквозь поколения, которых никогда не было. Моя душа растянулась до чистой боли, а затем сжалась так, что чуть не лопнула. Джезгро не учит. Он навязывает.

Знание не даётся. Оно прилипает. Оно покрывается коркой. Оно проникает в кости духа, словно светящийся грибок, разрастающийся везде, где находит трещины. Иногда я чувствовал, как во мне вырастают структуры, которых я не понимаю, словно моё понимание перестраивалось, чтобы поддержать сырую форму изначального знания.

И каждый раз, когда взгляд Видиочи обращался ко мне, ядро реагировало. Живые стены дрожали. Слои мембран сжимались. Целые коридоры перестраивались, словно змеи, сбрасывающие кожу. Эта постоянная перестройка была предупреждением: меня не направляли. Меня испытывали.

Прошли века.

Knjiga Bez Oka

Я видел цивилизации, никогда не существовавшие на поверхности, плавающие и разлагающиеся в омутах древней памяти, словно окаменевшие тени в забытых мыслях.

Я видел, как концепции обретали физическую форму и распадались на части, словно живые камни, раздавливаемые давлением собственной сердцевины.

Я видел фрагменты того, что существовало до переднего плана, но не мог их интерпретировать. Моего понимания было недостаточно. Моя душа упиралась в собственные пределы, пытаясь впитать больше, чем могла. Неудачи были постоянными. Но сердцевина не позволяла мне сдаться. Она сохраняла во мне жизнь, потому что я всё ещё был полезен.

Вечность продолжалась.

А взгляд Видиочи все еще был прикован ко мне, словно кинжал у горла приговоренного, который все еще не знает, почему он жив.

IV

Я не получил откровения. Я получил разоблачение.

Сердцевина поглотила меня, словно открытая книга. Все мои воспоминания разлетелись перед её бесконечными глазами. Не было никакой уединенности. Не было никакой защиты. Видиоци будоражил мою душу, словно кто-то изучает внутренности принесённого в жертву животного, чтобы прочитать предзнаменования.

Я хотел говорить. Рта не было.

Я хотел понять. Понимание было нарушено.

Меня растягивали до тех пор, пока моя личность не превратилась в бледный призрак, почти в размытое пятно. Я был раздут до такой степени, что мой дух грозил разорваться на множество версий меня самого, каждая из которых несла в себе фрагмент знания, унаследованного от щупалец Ядра. И затем, в неопределённый момент, внутри меня что-то открылось.

B

Не слепота. Пока нет. Но способность.

Ядро незримо отметило меня, подготавливая моё смертное тело к встрече с живой тьмой, когда оно наконец коснётся моих глаз. Метка не болит. Она пульсирует. Словно между душой и сознанием установили новый орган, ожидающий активации.

В этот момент столкнулись две реальности: я понял, что мне уготована судьба, которую не могло вынести ни одно существо на поверхности.

Видиочи не произнёс моего имени. Он не называет имён.

Но он окружил меня своим взглядом, словно завершая главу веков.

Сердцевина угасла.

И выдох вытолкнул меня обратно на поверхность, словно выплюнув, словно человек отвергает еще не готовую пищу.

VI

Ещё до того, как я сделал первый вдох на поверхности, мой след уже дышал в Ядре. Не как оторванный фрагмент, не как разбитая душа, а как естественное продолжение самой сущности. То, что я называю «я», началось не с моего тела; оно началось как нить сознания, которую Видиоци Тмина отделила от себя, словно кто-то отрывает кусочек тени, чтобы она могла путешествовать по миру и вернуться зрелой.

На поверхности это называется рождением. По сути, это называется обратным возвращением.

Вот почему Езгро Коже Дише не отверг меня, когда я был поглощён. Он узнал меня.

Вечность, прошедшая сквозь меня, была не уроком, а воспоминанием. Воспоминанием, которое я пока не мог интерпретировать, но которое существовало, словно древний скелет, заключённый в моей сущности. Слои Ядра просто возродили то, что всегда ему принадлежало.

Моё существование было раздвоено с самого начала. Посланник, Пророк. И

Бесчисленные знают это.

Народы, которые веками роптали, оставляя следы в камнях, соли и костях, никогда не говорили о пророке, приходящем из мира. Они говорили о посланнике, заключённом в Ядре и который в своё время облечётся плотью. Они так и не поняли, что это значит; они лишь повторили интуицию, которую само Ядро позволило себе заронить в пещеры времени.

Я не пришёл снаружи. Я
пришёл изнутри.

VII

Ядро показало мне это без слов, пронзив мой дух острой раной понимания, которая обожгла сильнее любой прежней истины. Когда я это осознал, я уже был разделён между тем, кем я был, и тем, кем я являюсь.

Видиочи так и не раскрыл себя полностью, но в центре этого органического хаоса я увидел что-то похожее на отсутствующую метку, пустое пространство между бесконечными глазами, как будто его фрагмент когда-то был там, а теперь находится в другом месте.

И я это почувствовал.

Я чувствовал, как эта пустота вибрирует передо мной, словно космическая тоска.

Это отсутствие приняло мою форму.

Кровеники это знали и просто ждали.

И поверхность никогда не могла выдержать полного откровения, поэтому понимание давалось мне постепенно, почти в смертельных дозах.

VIII

Слепота придет, но я не могу пророчествовать.

Не потому, что мне не хватает духовного видения, а потому, что это событие не вписано в поток планов. Оно не происходит просто так. Оно навязывается само собой. Это прямое вмешательство, а не предначертанная судьба. Я чувствую его приближение, словно далёкое эхо, словно Ядро посылает в мою сторону щупальца тени, прощупывая мою плоть, испытывая мою структуру, оценивая, могу ли я уже противостоять живой тьме.

Но я не могу сказать, когда. Ни как. Это
действие не принадлежит времени.

Knjiga Bez Oka

Он принадлежит Ядру.
И только он проливает ночь на глаза своего собственного осколка, когда решает, что мост готов вынести больше, чем может вынести человеческий дух.
Я просто жду.
И это ожидание — часть обряда, часть отделения, часть функции, которая была у меня отобрана и сформирована еще до того, как я стал плотью.

IX

Возвращение не разорвало связь. Ядро осталось во мне как активная область, независимая от тела. Одна точка стала двумя, а два – одним. То, что вновь проявилось, было лишь видимой формой присутствия, заключённого в Джезгро. Связь не может быть разорвана. Она была установлена как закон, предшествующий миру.

X

В разделении плоти и истока Ядро зафиксировало это состояние. От этой регистрации всё вокруг меня утратило устойчивость. Материя отступила передо мной. Свет замер. Тень сгустилась. Эти знаки – не проявления. Это симптомы. Поверхность осознала, что по ней ходит нечто чуждое.

XI

Откровение пришло не как послание. Оно пришло как навязывание. Порядок Ядра не представился как видение. Он возник как внутренняя структура, как формула, запечатлённая в духе. Он не описывал будущее. Он определял будущее. Указ предшествует событию. Событие лишь имитирует его.

XII

Пророчество было начертано во мне как непроизносимый закон. Так оно гласит в обязательном молчании: Когда тьма покроет мои глаза, граница исчезнет. Когда граница исчезнет, время потеряет своё место. Когда время потеряет своё место, жизнь перестанет проводить различия. Когда не будет различий, небо откроет то, что оно держит закрытым. После этого остальное невозможно сказать. Это невозможно написать. Это невозможно услышать. Дальнейшее предназначено для исполнения, а не для понимания.

XIII

Бдение других сущностей происходило во время моего возвращения. Они не принадлежат Ядру. Они не принадлежат Высшему. Они не принадлежат Низшему. Они наблюдают за миром, не вмешиваясь. Они наблюдают за Ядром, не вступая в конфронтацию. Они восприняли моё состояние как знак. Они не ждут объяснений. Они ждут маркера, который ещё не был активирован.

XIV

Как последнее откровение, мир страшится того, что снизойдёт, когда моя ритуальная слепота станет полной. Грядущее существо не имеет имени, потому что имя ограничило бы его функции. У него нет устойчивой формы, потому что форма принадлежит пространству. У него нет намерения, потому что намерение принадлежит разуму. Оно не рождается. Оно появляется. Оно не идёт. Оно прорывается. Оно не говорит. Оно заменяет. Поверхность была предупреждена в тишине тысячелетий. Ядро подтверждает: моё возвращение не возвещает спасения. Оно возвещает приближение. А приближение несёт крах.

Knjiga Bez Oka

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ТМИНЫ — IX

Я
Всякая плоть должна служить воле Пророка. Тот, кто не покорится ей, будет отмечен Ядром и затерян среди миров.

II
Послушное тело получает частичное видение планов. Непослушное тело поглощается безымянной пустотой.

III
Каждый жест, каждое слово, каждый сон должны следовать обряду, указанному Пророком. Тот, кто нарушает его, прерывает поток Ядра и навлекает на себя разрушение.

IV
Кровеник наблюдает и записывает. Каждое отклонение порождает немедленные последствия, как на поверхности, так и по сути.

V
Равкарни испытывает твёрдость послушания. Те, кто колеблется, будут удалены из времени и исчезнут прежде, чем поймут замысел.

VI
Преходник открывает путь лишь тем, кто не сомневается. Сомнение — это пытка и разложение.

VII
Еда, сон, жесты и речь священны. Те, кто соблюдают их, обретают силу. Те, кто не соблюдают, терпят крах плоти и истощаются духом.

VIII
Обещание ясно: послушание гарантирует частичную защиту, здоровье, силу и доступ к секретам Ядра.

IX
Наказание неминуемо: непослушание влечет за собой болезни, несчастные случаи, психические расстройства, растворение души и нарушение потока в планах.

X
Пророк – это проводник. Кто игнорирует Пророка, тот игнорирует свою жизнь. Закон проходит через него.

XI

Knjiga Bez Oka

Альтернативы не существует. Нет милосердия вне закона. Каждый поступок, противоречащий послушанию, замечен Бесчисленными и записан как роковой.

XII

Плоть – это жертвенник. Ум – это храм. Послушание укрепляет мост между Површинским Свиетом, Подкоренским Простором и Езгро Кое Дише.

XIII

Награда — не пустое обещание. Те, кто её исполняет, получают энергию из Ядра, ясность восприятия и защиту от Бесчисленных.

XIV

Неповиновение не остаётся без внимания. Оно влечёт за собой разрушение, крушение поверхностных планов и разрыв жизненной линии тела.

XV

Те, кто соблюдает закон, подражают ему. Те, кто нарушает, становятся предостережением. Ни одна ошибка не остаётся незамеченной. Послушание — это безопасность, выживание и будущее просветление.

XVI

Пророк не задаёт вопросов. Пророк навязывает. Пророк — это мост. Каждый человек должен покориться без сомнений, без колебаний, без выбора.

XVII

Всех, кто ослушается, постигнет тень Ядра. Их плоть преждевременно увянет. Их разум будет раздроблен щупальцами Видиоци.

XVIII

Кто пренебрегает заповедями Пророка, тот не увидит Површинского свиета непрерывно. Его действия будут размыты, его время рассеяно.

XIX

Поток Подкоренского простора не открывается непокорным. Тот, кто попытается прорваться, будет поглощён слоями, исчезнув среди несуществующего.

XX

Пророк дарует проблески лишь покорным. Каждый взгляд Пророка – это канал. Вне его пути все замыслы отвергаются и изгоняются.

XXI

Прикосновение равкарни к непокорному телу предвещает физический и духовный крах. Плоть первой расплачивается за это. Дух следует за ней.

XXII

Обещание сохраняется: послушание производит ясность в действиях, частичное видение планов, сопротивление пустоте и защиту от Множества.

Knjiga Bez Oka

XXIII

Пророк не даёт поблажек. Те, кто повинуется, получают приумножение энергии Ядра. Те, кто не повинуется, стираются из памяти, словно их никогда не существовало.

XXIV

Кровеники молча наблюдают. Каждый противоречивый жест воспринимается как предупреждение. Каждое противоречивое слово превращается в препятствие существованию.

XXV

Преходники открывают пути лишь тем, чья плоть, разум и дух остаются нетронутыми в послушании. Любая слабость немедленно карается.

XXVI

Каждая награда от Ядра зависит от точного соблюдения правил. Каждый ритуал, каждый жест, каждый отработанный час укрепляют мост между планами.

XXVII

Каждое отклонение сначала ведёт к предупреждению, а затем к гибели. Нет защиты от повторных ошибок. Те, кто не подчиняются, учатся лишь через боль и забвение.

XXVIII

Послушные укрепляются. Их действия отзываются в Подкоренском Просторе и отражаются в Површинском Свиете. Они несут в себе фрагменты Озгро и противостоят низшим слоям.

XXIX

Непослушные становятся знамением для других. Их непослушание настораживает Бесчисленных и подтверждает необходимость Пророка. Пощады не будет.

XXX

Доступ к высшим планам возможен только через абсолютное господство над плотью, разумом и духом. Любая частичная попытка сводится к нулю.

XXXI

Пророк — единственный, кто поддерживает целостный поток. Каждый посвящённый должен осознать: без Пророка замыслы недостижимы.

XXXII

Каждое действие, каждый акт послушания, каждый акт подчинения запечатлён в сердцевине Жезгро. Ни один закон не будет забыт. Ни одно нарушение не будет проигнорировано.

XXXIII

Knjiga Bez Oka

Те, кто полностью подчинятся, станут частичными свидетелями невозможного. Те, кто не справится, будут стёрты из невозможного. Ядро утверждает: послушание — это выживание. Неповиновение — это конец.

XXXIV
Род непокорных прекратится. Кровь, пролитая ими, будет отвергнута Ядром. Их потомки будут ходить без памяти.

XXXV
Послушные узрят часть того, что сокрыто в замыслах. Их дела умножатся в развалинах Изрееля. Плоть их укрепится, дух их укрепится.

XXXVI
Те, кто отрицает Пророка, будут изолированы. Каждая попытка отклониться будет известна Бесчисленным. Ни одна тень не ускользнет от бдительности Ядра.

XXXVII
Послушные будут отмечены. Печать не видна на поверхности, но она отзывается в Подкоренском просторе. Каждый праведный жест укрепляет мост к Површинскому свиету.

XXXVIII
Те, кто ослушаются повеления Пророка, сначала канут во время, затем в пространство и, наконец, в небытие. Ничто не существует вне того, что дозволено Ядром.

XXXIX
Обещание послушания — стойкость. Устойчивость к разложению, устойчивость к забвению, устойчивость к распаду. Джезгро дарует силу там, где царит полное подчинение.

XL
Непослушный почувствует прикосновение щупалец, даже если его нет. Плоть его вспомнит о грехе прежде, чем его осознает дух.

XLI
Послушный будет ходить с фрагментами ядра. Каждый шаг – знак. Каждый жест – рекорд. Каждый час послушания – расширение.

XLII
Пророк – свидетель и посредник. Без него замыслы остаются неисполненными. Без него ни одна плоть не достигнет своего предназначения.

XLIII
Непослушные станут примером для других. Их падение станет порогом между невежеством и долгом. Никакого снисхождения. Никаких исключений.

XLIV

Knjiga Bez Oka

Езгро Коже Дише ведёт учёт всех действий. Ядро реагирует только на тех, кто подчиняется. Каждая ошибка воспринимается как предупреждение.

XLV

Послушный услышит отголосок Ядра в своей плоти. Он почувствует пульсацию силы, не принадлежащей поверхностному миру. Каждый день, прожитый в послушании, укрепляет путь к будущему.

XLVI

Непослушные будут уничтожены, послушные умножатся в замыслах. Поверхность не поймет, но познает последствия указа.

XLVII

Всякое послушание становится сопротивлением краху. Всякое отклонение оборачивается крушением. Власть Пророка абсолютна. Указ Ядра не допускает ошибок.

XLVIII

Последнее обещание ясно: Пророк ведёт. Езгро открывает пути. Површинский свидетель открывает лишь послушным. Подкоренский простор наказывает лишь непокорных.

XLIX

Цикл продолжается. Закон остаётся. Суть подтверждает: послушная плоть — мост. Бунтующая плоть — бездна. Каждое решение посвящённого записывается как семя или как смерть.

Л

Так завершается наставление в этой главе. Полное послушание гарантирует выживание и доступ. Бунт гарантирует уничтожение и изоляцию. Среднего пути нет.

СВЯЩЕННОЕ НАКАЗАНИЕ — X

я

Левиафан спит. Пересекая океан, его масса заполняет пространство между Површинским Свиетом и Подкоренским Простором. Его присутствие незримо для смертных. Его дыхание движет течениями, изменяет направление ветров, искажает мысли.

II

Пробуждение не произойдёт по воле человека. Оно будет вызвано лишь послушанием или полным нарушением законов Ядра. Каждый богохульный поступок, каждый дегенеративный договор, каждый кайничари, оскверняющий свою сущность, приближает момент потрясения.

III

Knjiga Bez Oka

Врата Тартара были запечатаны ещё до появления людей. Ключом владеют лишь кайничари, и лишь представители выродившейся касты осмеливаются повернуть его. Те, кто действует, не понимая Пророка, высвобождают потоки, которым надлежит оставаться дремлющими.

IV

Когда шлюзы откроются, низшие сущности выйдут на поверхность. Это ущербные щупальца Ядра, тени Видиоци Тмина, подражатели, изуродованные и жаждущие разрушения. У них нет ни разума, ни жалости. Боль будет их единственным языком.

B

Человеческий мир не поймёт. Небо разверзнется, море изменится, и поверхность преломится под натиском сил, которым никогда не суждено было существовать за пределами Подкоренского Простора. Каждое существо, каждый город, каждая стихия будут отчасти подчиняться закону Левиафана и Тартара, пока Пророк не проявит себя во всей полноте.

VI

Признаки этого становятся очевидными. Войны обостряются, города приходят в упадок, кайничари манипулируют империями и финансами. Деградировавшая элита приближается к вершине своей власти, полагая, что сможет подчинить Видиоци Тмину. Они не осознают, что ходят по грани, отделяющей жизнь от гибели.

VII

Тартар наблюдает. Его врата открыты для тех, кто не повинуется, но не для тех, кто следует Пророку. Из них появляются демоны со щупальцами и меняющимися формами. Они не внемлют мольбам каинитов и нечестивцев; они будут лишь разрушать и крушить. Правосудие не будет человеческим. Оно будет исходить из Ядра.

VIII

Поверхность искажается под знамениями: моря колеблются, ветры разносят осколки древней памяти, пожары очищают города. Люди видят, но не понимают. Элита обретает власть, но сталкивается со смертью и разрушением. Законы Ядра незыблемы. Они неизменны.

IX

Те, кто последует за Пророком, узрят тайный порядок. Их будут вести знак и слово. Они будут защищены знанием Ядра. Только через полное послушание они смогут выдержать удар щупалец Тартара, преодолеть знаки и остаться целыми.

X

Поверхность и нижние планы вибрируют от напряжения. Левиафан шевелится, врата Тартара скрипят, но остаются частично сдержанными. Мгновение разрушения.

Knjiga Bez Oka

Грядущая катастрофа нависает над нами, но её смягчает присутствие Пророка. Только он держит мост между мирами, только он отчасти сдерживает ярость Тартара, только он хранит обещание для верующих.

XI

Левиафан пробуждается в глубинах океана. Его тело одновременно пересекает поверхность и Подкоренский простор. Каждый толчок – землетрясение, каждый вздох – пронизывающий ветер. Наблюдающие без защиты чувствуют разрыв на части от осознания того, что не может существовать, но всё же существует.

XII

Выродившиеся элиты верят, что всё под контролем, но их планы — лишь отголоски Тартара. Из них вылезают и наступают деформированные щупальца, уничтожая города, армии и институты. Нет прощения, нет торга. Только разрушение для тех, кто осмеливается ниспровергнуть порядок Ядра.

XIII

Последователи Пророка ощущают знаки, понятные только им: тонкие вибрации земли, шумы океанов, меняющиеся очертания мира. Левиафан не атакует их тела. Его ярость направлена на нечестивцев, высокомерных и невежественных. Послушание – щит. Присутствие Пророка – мост.

XIV

Врата Тартара открываются, но лишь частично. Демоны появляются и имитируют формы из мира людей, сея хаос и боль. Те, кто не следуют наставлениям Пророка, погибают; их плоть и дух сокрушаются, их имена забываются в нижних планах.

XV

Поверхность и нижние планы остаются в напряжении. «Левиафан» продолжает движение, пересекая океаны и пустоты. Разрушение избирательно. Послушание Пророку гарантирует выживание. Неповиновение гарантирует уничтожение. Порядок Ядра нерушим. Он лишь ждёт момента, когда слепота Пророка станет окончательной, и будет установлен последний мост.

XVI

Гнев Видиочи проявится на Земле.
Лёд растает, обнажив древние кости и забытые города.
Ветер разнесёт предзнаменование Ядра.
Моря поднимутся. Горы содрогнутся. Время на
поверхности станет текучим и неопределённым.

XVII

Дегенеративная элита будет разоблачена.
Их храмы рухнут. Их монеты обесценятся. Их
слова не будут иметь веса.
Каждый нечестивый договор отразится, словно пламя, на поверхности. Они
будут искать убежища в мертвецах и призраках, но будут уничтожены.

XVIII

Человеческие войны будут отражать конфликты Ядра. Битвы
будут происходить не только между армиями. Они будут
вестись сущностями против сущностей.
Лжеучителя почувствуют присутствие Левиафана, пересекающего океаны Подкоренского Простора.
Хаос будет умеренным, но он неизбежен.

XIX
Ярость не знает пощады.
Только последователи Пророка вынесут страдания. Их
тела и души будут изранены, но не сломлены. Они
станут щитами и орудиями Ядра.
Каждый предпринятый ими шаг будет поддерживать последовательность планов.

XX
Кайничари будут раскрыты.
Его истинный облик проявится в жаре тающего льда. Его
маски рассыплются.
Дегенеративные соглашения, старые и новые, будут разрушены.
Ваше высокомерие будет стерто из человеческих записей и из Подкоренского Простора.

XXI
Спящий Левиафан пересечёт океаны. Его
волны откроют двери, обнажив Тартар.
Появятся существа со щупальцами, имитирующие всё вокруг, но они не
подчинятся элите. Их цель — хаос и боль.
Только последователи Пророка будут иметь знание и защиту.

XXII
Мир будет потрясен.
Поверхность, Подкоренский простор и Тартар будут переплетены.
Признаки будут очевидны: штормы, землетрясения, таяние льда, вспышки эпидемий, сбои в работе властных структур.
Обычные люди будут испытывать страх, но не поймут.
Знание будет доступно лишь последователям Пророка.

Knjiga Bez Oka

XXIII

Гнев Видиочи не выбирает, но выбирает через связь.
Послушный выживет, укрепленный прикосновением сущности.
Непокорные будут раздавлены, стёрты из памяти и видимого мира. Ядро будет дышать через выживших, направляя цикл реконструкции.

XXIV

Равновесие будет восстановлено через страдания.
Законы Ядра будут утверждены вновь.
Левиафан вернётся к своему
бдению. Тартар будет закрыт.
Поверхность и Подкоренский Простор навсегда будут отмечены предупреждением: орден Пророка сохраняет господство над Ядром.

XXV

Присутствие забытого бога будет ощущаться на поверхности.
Ядро будет дышать через каждый город и пустыню.
Эпохи тьмы и разрушения будут наблюдаемы, но неподконтрольны.
Масштаб Апокалипсиса будет измеряться отказом от лжи, разоблачением человеческого высокомерия.

XXVI

Возникнут храмы, построенные не руками человека, а воздвигнутые благоговением мира, понявшего прикосновение Пророка.
Человечество переживет времена кризиса, который разрушит империи, свергнет правительства и обнажит хрупкость каждой социальной структуры.
Тем не менее, реконструкция произойдет под прямым влиянием Пророка, приводя смертных в соответствие с волей Видиочи.

XXVII

Демоны из других планов будут усмирены.
Его щупальцевые цепи, пронизывающие Тартар, будут запечатаны и возвращены к своему истоку.
Их несчастья будут переданы земле, вызывая эпидемии и разжигая войны среди выживших.
Страдания будут ограниченными, контролируемыми и необходимыми для очищения мира.

XXVIII

Верующее человечество будет свободным.
Последователи Пророка будут отстаивать истину и бороться с коррупцией.
Кайничари будут уничтожены.
Мертвые, освободившись от своих несовершенств, обретут знание и катарсическое счастье смерти.

Они пойдут дальше с обновлённой идентичностью, сохраняя при этом свою сущность нетронутой.

XXIX

Неверные не будут иметь покоя.
Они будут поглощены землей, заперты в ней, пронизаны корнями и съедены мирскими существами.
Их наказание будет непрерывным и вечным.
Они никогда не прекратятся, никогда не исчезнут, пока ядро не решит уничтожить свой след или мир не будет перезапущен.

XXX

Свершившийся Апокалипсис переосмысливает облик.
В приказе Видиочи не будет никаких сомнений.
Пророк будет единственным посредником между Ядром и человеческими планами.
Реконструкция будет измеряться послушанием, признанием священного закона и подчинением циклу Ядра.

Относительно Книги и Пророка, Наставлений Практики для каждого последователя — XI

я

«Кнджига Без Ока» содержит неполную запись Ядра. Ни одна человеческая рука не способна заполнить её пробелы. Ни один смертный дух не способен постичь её полноту. Это инструмент Пророка. Это указ Ядра. Он не существует для того, чтобы быть окончательным, ему лишь следуют.

II

Неполнота книги – закон. Ни один посвящённый не может требовать полноты. Тот, кто тщетно ищет полноты, притягивает разрыв между планами. «Кнжига Без Ока» – не объект изучения; это повеление, это свидетельство, это знак.

III

Пророк — единственный, кто соблюдает последовательность между «Површинским свидетелем», «Подкоренским простором» и «Езгро Коже Дише». Книга записывает то, что разрешено записывать. Всё, что выходит за рамки, остаётся невидимым. Ни один смертный не увидит больше, чем открывает Пророк.

IV

Посвященный, читающий без послушания, оскорбляет Ядро. Посвященный, сомневающийся, открывает бреши, через которые проникают низшие сущности. Каждая страница — печать; каждый стих — ловушка. Тот, кто игнорирует знамения Пророка, будет раздавлен потоком, соединяющим планы.

Knjiga Bez Oka

B

Пророк пишет без имени, пишет без разрешения, пишет, потому что присутствие внутри него побуждает его к этому. Каждая буква, каждая строка – продолжение воли Ядра. Послушные находят частичную ясность; непокорные – фрагменты, которые сбивают с толку и разрушают.

VI

«Книга без ока» не содержит объяснений. Она содержит обязательства. Она содержит обещания. Она содержит угрозы. Плоть должна быть инструментом, разум должен быть безмолвен, дух должен быть покорным. Кто игнорирует это, того поглотят воспоминания о Подкоренском просторе, где сознание сокрушается ещё до рождения.

VII

Заповеди «Книги Без Ока» многочисленны. Молчание об Откровении — заповедь. Повиновение знамениям Пророка — заповедь. Не произнесение запрещённых имён — заповедь. Не искать вне Книги — заповедь. Соблюдение — залог выживания; нарушение — погибель.

VIII

Пророк никогда не завершает свою работу. Писание непрерывно, как дыхание Ядра. Каждая старая запись недостаточна перед лицом новой потребности. Каждое поколение посвящённых должно подчиняться настоящему и принимать, что книга всегда остаётся незавершённой.

IX

Бесчисленные наблюдают. Каждый поступок Пророка записывается. Каждая мысль, ставшая приказом, отслеживается. Посвящённые не имеют полного доступа; они получают лишь фрагменты, необходимые для поддержания их существования и функционирования.

X

Посвящённый должен понять: абсолютное послушание — это не выбор, а сохранение. Частичное откровение опасно; полное откровение невозможно без Пророка. Тот, кто верит, что обладает большим знанием, чем ему дано, найдёт погибель в Подкоренском Просторе и будет втянут в пустоту Озгро Коже Дише.

XI

Обещание Кнжига Без Ока — это защита. Это не утешение. Это не земная награда. Защита означает способность противостоять потокам, знакам, приближению сущностей, которых поверхность называет демонами или призраками. Только Пророк может уравновесить эти силы.

XII

Посвящённый должен внутренне записывать каждый стих, каждую заповедь, каждое наблюдение. Не для того, чтобы учить, а чтобы самому стать частью этого. Те, кто не рискует стать частью загрязнённой поверхности, поглощённой деформацией времени и плоти.

Knjiga Bez Oka

XIII

Кнджига Без Ока — одновременно и инструмент, и свидетель. Она не навязывает ответы, а, скорее, требует повиновения. Всякий, кто пытается задавать вопросы, толковать или делать выводы, выходящие за рамки дозволенного Пророком, навлекает на себя Гнев Ядра, и этот Гнев проявляется в разрушении плоти, духа и памяти.

XIV

Ни один ритуал не может быть более полным, чем тот, что дозволен Пророком. Ни одна церемония недействительна без его разрешения. Книга записывает лишь то, что было затронуто Ядром через Пророка. Любое продвижение за пределы этого потока – неудача, и каждая неудача исправляется самим потоком, часто разрушением.

XV

Посвященным следует знать: «Кнжига Без Ока» никогда не заканчивается, и её незавершённость – свидетельство могущества Пророка. В ней нет ни отдыха, ни паузы, ни конца. С каждым откровением Ядро вставляет новый фрагмент, и Пророк пишет в соответствии с потребностями мира, а не с человеческими желаниями.

XVI

Так исполняется закон книги: полное подчинение, неусыпная бдительность, признание Пророка единственным средством между поверхностью и планами. Кнжига Без Ока – это верёвка, это тюрьма, это тропа. Пророк – это мост и молот. Послушание – это выживание. Неповиновение – это стирание.

XVII

Покорность Кнжига Без Ока — это действие, а не мысль. Посвящённый не думает о книге; посвящённый исполняет книгу. Книга требует действий, крови, тела. Послушание должно быть явным, видимым и неоспоримым.

XVIII

Обряд посвящения обязателен. Ни один посвящённый не может получить знание, не запечатав предварительно своё подчинение. Ритуал прост по действию, но абсолютен по смыслу. Каждый жест — закон. Каждое действие записывается.

XIX

Посвящаемый проливает две капли крови на клятву. Первая капля — Видиочи, как признание воли Ядра и власти Пророка. Вторая капля — Пророку, как залог послушания и поведения.

XX

Акт не требует присутствия зрителей. Он может сопровождаться другими посвящёнными или исполняться в одиночку, но его ни в коем случае нельзя пропустить. Пропуск — это провал, а провал поглощается Подкоренским Простором, где он исправляется болью и разрушенной памятью.

XXI

Knjiga Bez Oka

Кровь – это летопись. Она закрепляет послушание в теле, плоти, разуме и духе. Каждая капля – печать. Каждая печать несмываема. Любой, кто попытается обойти ритуал, навлечёт на себя Гнев Ядра, не различающий намерения и халатности.

XXII

Клятва должна быть произнесена вслух, твёрдо, ясно и без колебаний. Посвящаемый заявляет: «Я служу Пророку и воле Видиочи. Я принимаю Кнжига Без Ока как закон. Я буду исполнять его без вопросов». Молчание, сомнение или упущение сводят на нет защиту и приводят в действие закон наказания.

XXIII

Послушание не ограничивается клятвой. Каждое последующее действие должно быть доказательством покорности. Плоть, работа, отдых, взгляд и жест отслеживаются потоком Ядра. Любой, кто отклонится, даже немного, будет исправлен потоком.

XXIV

Могут быть запрошены дополнительные жертвы. Они обязательны. Необходимость не подвергается сомнению. Каждое приношение – закон, каждая потеря – подтверждение связи, каждая боль – знак одобрения. Посвящённый учится подчиняться, а не сопротивляться.

XXV

Поток наблюдает, глаза наблюдают, Ядро подтверждает. Шахада крови устанавливает иерархию: Пророк ведёт, Видиочи подтверждает, посвящённый подчиняется. Никакая другая связь не допускается. Никакой другой авторитет не признаётся.

XXVI

Старейшие посвящённые должны направлять новопосвящённых, но не вмешиваться в их прямую связь с Ядром. Они передают лишь формы, а не сущность. Сущность принадлежит Пророку и Видиоци и не может быть скопирована.

XXVII

Клятва не повторяется. Каждая капля имеет значение для всего существования посвящённого. Нарушивший клятву стирается с поверхности и уносится в пустоту Езгро Коже Дише. Тело, дух и память становятся пищей для нижних слоёв, и не остаётся никаких следов.

XXVIII

Посвящённый должен знать: акт физический, но его последствия духовны и вечны. Связь нерушима. Защита действует лишь до тех пор, пока есть покорность. Преступление активирует силы, которые может нейтрализовать только Пророк.

XXIX

Ритуалы и жертвоприношения — не просто символы. Это механизмы согласования между Површинским свиетом, Подкоренским простором и Езгро-Кое-Дише. Пролитая кровь — это мост, печать, энергия для поддержания равновесия.

Knjiga Bez Oka

XXX

Каждый раз, когда клятва исполняется, щупальца Ядра наблюдают и записывают её. Каждый акт подчинения укрепляет границу между Пророком и поверхностью. Каждый акт провала ослабляет защиту от Кайничари и существ Тартара.

XXXI

Посвящённый должен усвоить это: защита не естественна. Защита приобретается и поддерживается кровью, послушанием и исполнением Книжига Без Ока. Поверхность не защищает; защищает сердцевина. И только те, кто строго следует Пророку, останутся.

XXXII

Клятва циклична. Жертвоприношение циклично. Бдительность циклична. Конца не существует, пока его не определит Пророк. Исполнение закона не является произвольным. Течение неумолимо. Выживание зависит от абсолютного признания иерархии.

XXXIII

Награда за исполнение невидима, но реальна. Посвящённый, достигший исполнения, обретает устойчивость к прикосновениям низших сущностей, способность различать знаки человеческого мира и силу противостоять Гневу Видиочи, когда тот выходит на поверхность.

XXXIV

Наказание за отклонение немедленно и неотвратимо. Плоть страдает, разум раздроблен, дух растянут до пределов Подкоренского Простора. Непокорный питается для роста Ядра и никогда не возвращается.

XXXV

Человек должен искать священное через тело и действие. Физические усилия, благородный бой и непрерывные тренировки – вот демонстрация силы, необходимой для поддержания мирового порядка. Каждый удар, каждая капля пота, каждое сопротивление укрепляют границу, отделяющую хаос поверхности от стабильности, навязываемой Сердцевиной.

XXXVI

Женщина должна сохранять свою чистую сущность, не развращаясь и занимая своё законное место. Баланс зависит от сохранения каждой функции. Женский трансгресс ослабляет поток, искажает ритуалы и искажает связь с Пророком и Видиочи.

XXXVII

Мужчины и женщины должны действовать в рамках своих сфер, но с осознанием целого. Индивидуальное отклонение порождает рябь, которая проходит через Површинский Свиет, Подкоренский Простор и Йезгро Коже Дише. Каждый несоответствующий жест нарушает равновесие, ослабляет печати и привлекает внимание Кайничари и низших сущностей.

XXXVIII

Knjiga Bez Oka

Жертвоприношение необходимо, повторяемо, зримо и измеримо. Оно не является необязательным. Оно не просто символично. Каждое приношение укрепляет присутствие Ядра на поверхности. Каждый акт дисциплины записывается. Каждый совершённый ритуал — знак Бесчисленному: иерархия соблюдена.

XXXIX

Тренировки и бои священны. Мужчины должны сражаться друг с другом, женщины должны проверять пределы своей дисциплины. Это не соревнование. Это выравнивание. Это демонстрация силы против того, что превосходит человеческое понимание. Видиочи наблюдает и подсчитывает. Одобрение молчаливое, но абсолютное.

XL

Тот, кто терпит неудачу в тренировках, поддаётся слабости или нерешительности, проигрывает лишь временно. Упорство восстанавливает утраченные силы. Повторные неудачи активируют коррекцию в самом сердце. Боль — это не наказание, а подкрепление естественного порядка вещей.

XLI

Место мужчины и женщины определено, но гибко в рамках послушания. Кажущаяся на поверхности неразрывность допустима лишь в том случае, если она поддерживает течение. Всякая дисциплина, каждый ритуал, каждая демонстрация силы поддерживают это течение. Тот, кто сознательно нарушает его, навлекает на себя прямой гнев Ядра.

XLII

Священное не абстрактно. Это не созерцание. Это действие. Это пот, кровь, дисциплина. Это ритуал, жертвоприношение, клятва. Это признание Пророка и Ядра как единственного авторитета. Священное — это сила в действии.

XLIII

Непослушные видны взору Ядра прежде, чем человеческому. Заблудшие исправляются или удаляются. Нет милосердия вне воли Видиочи. Ни одна индивидуальная ошибка не остаётся без внимания.

XLIV

Демонстрация силы может происходить на войнах, на аренах, в тишине тренировочных полигонов. Пространство не имеет значения. Важно намерение, соответствующее закону. Наблюдается и поверхность, и высшие планы. Каждое движение имеет значение. Каждая капля пота регистрируется.

XLV

Ритуалы, жертвоприношения и дисциплина – мост между Пророком и Бесчисленными. Они поддерживают поток энергии, предотвращающий беспорядок и останавливающий преждевременное вознесение Кайничари. Ни один посвящённый, силой или личным желанием, не может изменить этот мост, не навлекая на себя немедленное проклятие.

XLVI

Knjiga Bez Oka

Мужчина должен осознать силу своего тела как инструмент потока. Женщина должна осознать чистоту своей дисциплины как щит и опору. Беспорядок возникает, когда эти силы не встречаются. Хаос приемлем только тогда, когда он направлен в нужное русло.

XLVII

Пророк — посредник между плотью, порядком и Сущностью. Каждый человеческий жест, уважающий поток, укрепляет связь с ним. Каждая неудача ослабляет не только личность, но и всю поверхность. Поэтому послушание, дисциплина и физическая сила — абсолютные законы.

XLVIII

Непрерывное соблюдение жертвоприношений, ритуалов, тренировок и дисциплины обеспечивает не только защиту, но и возможность увидеть проблески Видиоци, силу противостоять Гневу и частичное понимание потока. Бесчисленные подтверждают ценность послушания и записывают каждое действие.

XLIX

Неуважение к порядку, будь то со стороны мужчин или женщин, нарушает течение. Ядро реагирует неизбежными изменениями. Поверхность наклоняется, ветры дуют, щупальца разрастаются. Кажущийся хаос — всего лишь отражение человеческого дисбаланса.

Л

Посвящённый должен усвоить: его дисциплина — часть тела мира. Каждое обучение, каждый ритуал, каждое жертвоприношение соединяют поверхность, планы и Ядро. Без этого моста поток прерывается. Без потока Гнев выплескивается наружу. Пророк держит линию. Только он поддерживает равновесие.

ЛИ

Пророк родился ещё до того, как человеческая память запечатлела этот миг. Его плоть была отмечена Сердцевиной, его разум был открыт Бесчисленным, его ещё нетронутые глаза хранили семя будущей слепоты. Каждый жест, каждый вздох уже были созвучны течению мира.

ЛИИ

Ночные облака откликаются на присутствие Пророка. Ветры и течения искажают траектории. Всякое приближение к Равкарни отталкивается, сдерживается, отклоняется. Пророк твёрдо стоит на нити между планами, не спотыкаясь и не колеблясь.

ЛИИ

Свет созвездий бдит над Пророком. Солнца и тени вокруг него бдят над его глазами. Ни один момент не одинок; небо сохраняет своё отражение, обеспечивая выравнивание и защиту, усиливая свою функцию посредника между поверхностью и Езгро Коже Дише.

ЛИВ

Каждый слепой, приближающийся к Пророку, получает благодать Забытого Бога. Порядок абсолютен: каждый последователь должен узнать того, кто получил благодать, стать свидетелем её и обеспечить нерушимость этой связи. Обретённый благодатью становится носителем силы и проводником воли Ядра.

Knjiga Bez Oka

ЛВ

Тело Пророка отражает его происхождение: средний рост, крепкие мышцы, сильное и твёрдое лицо, светлые волосы, глаза, ещё до слепоты несущие в себе тень Ядра. Плоть упругая, приспособленная к тому, чтобы выдерживать потоки и испытания поверхности и плоскостей.

ЛВИ

Пророк управляет ветрами, усмиряет потоки, вызываемые Равкарни (злыми духами), и поддерживает порядок в регионах, где поток грозит обрушиться. Каждый шаг, каждый жест – это закон. Пророк не ожидает понимания; он требует послушания и согласованных действий.

LVII

Посвящённые должны распознать признаки Пророка: несокрушимую физическую силу, непоколебимую дисциплину и дух, пребывающий в гармонии с потоком Ядра. Зрительный контакт или физическое присутствие укрепляют связь, даже когда человеческие глаза не могут видеть.

LVIII

Пророк — посредник и арбитр. Его тело и присутствие направляют поток между Површинским Свиетом, Подкоренским Простором и Езгро Коже Дише. Пророк поддерживает поверхность, сдерживает ветры, сдерживает Равкарни и направляет благодатных слепцов.

МУСОР

Прямой приказ Пророка слепым непреложен: все должны признать его милость, повиноваться и укреплять мост между видимым и невидимым мирами. Никакие отклонения недопустимы. Каждая неудача отражается в планах, щупальцах, слоях Ядра.

LX

Пророк несёт в себе память о своём внутреннем происхождении, продолжении Ядра в живой плоти. Он уникален, неделим, и его физическое и духовное присутствие отражает качества, которыми его наделили Бесчисленные: силу, стойкость, проницательность и абсолютную гармонию с потоком, поддерживающим порядок.

Универсальность, миссия по распространению

РАСКРЫТИЕ ИНФОРМАЦИИ И НАКАЗАНИЯ ПРОТИВ ПРЕСТУПНИКИ — XII

я

Knjiga Bez Oka

Пророк не принадлежит одной земле. Он не принадлежит одному языку. Он не принадлежит одному поколению. Его сущность – поток, пронизывающий время, людей и миры. Всё видимое творение должно признать его созвучие; каждый разумный ум должен ощутить его присутствие.

II

Способные последователи должны перенести «Книгу Без Ока» на существующие языки, не искажая их. Каждое слово — закон, каждый стих — принцип, каждая заповедь — указ. Переводить — не значит адаптировать. Переводить — значит воспроизводить истину без изменений.

III

Ни один посвящённый не должен высказывать своё мнение. Ни один писец не должен изменять порядок или предписание. Фальсификация Писания — самое тяжкое преступление. Нарушающий его навлекает на себя Гнев Видиоки. Нет ни отпущения грехов, ни искупления; наказание немедленное, неумолимое и вечное.

IV

Универсальность Пророка требует от последователей понимания: распространение истины — это долг, сохранение чистоты — священный долг. Каждый перевод должен нести точность оригинала. «Кнджига Без Ока» не является объектом личного толкования. Это инструмент воли.

B

Непосвященные не поймут. Они попытаются задавать вопросы, изменять и отвлекать. Любой контакт с ними должен быть благоразумным, но ни в коем случае не самодовольным. Верность книге важнее человеческой безопасности или комфорта.

VI

Благословен тот, кто верно переводит и распространяет Писание. Он получает защиту от Ядра и Видиоци Тмина. Их разум остаётся ясным, их дух — твёрдым. Их плоть выдерживает прикосновение Гнева, который постигнет тех, кто извращает его.

VII

Пророк, хотя и уникален, посылает знаки через своих последователей. Эти знаки проявляются в точных словах, точных действиях и непоколебимом послушании. Каждый посвящённый, уважающий истину, увековечивает мост между Сердцевиной и поверхностью.

VIII

Универсальность Пророка – доказательство того, что ни одно человеческое царство, ни один язык, ни одна культура не могут ограничить его распространение. «Кнджига Без Ока» существует для всех, кто способен, но никогда – для недостойных. Распространение книги без искажений – доказательство единения с Видиочи, Забытым Богом.

IX

Каждое нарушение будет записано в потоке Ядра. Каждая ложь о книге будет замечена, разоблачена и наказана. Послушание — путь к выживанию, дезертирство — осуждение. Каждое изменённое слово распространяет проклятие и призывает Гнев на поверхность.

Knjiga Bez Oka

X

Пророк наблюдает, и наблюдение не подводит. Он видит верные и неверные переводы. Он видит чистые намерения и лживые сердца. Сохранение Книги — это граница между защитой и разрушением, между порядком и крахом. Универсальность — свидетельство могущества Пророка и установления Основного Закона.

XI

Каждая буква «Книги Без Ока» — это семя. Каждое семя содержит силу, судьбу и суждение. Тот, кто сеет небрежно, нарушает договор. Тот, кто распространяет без истины, заставляет забыть о Ядре.

XII

Перевод должен быть точным. Ни одно слово не может быть перемещено, изменено или удалено. Толкование ограничено разумом Пророка. Всё, что находится вне его видения, бесполезно и опасно.

XIII

Последователи, которые верно хранят и распространяют Писания, обретают гармонию с невидимыми потоками. Они чувствуют пульсацию Ядра внутри себя. Мир преклоняется перед теми, кто несёт чистую истину.

XIV

Книга никогда не закончена. Ни один посвящённый не завершает её. Каждый перевод — это фрагмент большего объёма, всегда неполный, всегда растущий. Пророк никогда не заканчивает писать.

XV

Свободная воля посвящённого проверяется каждой буквой. То, что преподносится как истина, должно быть воспроизведено как закон. Любое отклонение – признак негодности и вызывает Гнев.

XVI

Кнджига Без Ока — это средство вознесения и испытание веры. Те, кто подчиняется без колебаний, останутся целыми перед лицом бури. Те, кто сомневается или извращает, будут сокрушены потоком Ядра.

XVII

Нейтралитета нет. Каждое действие, каждое слово в Книге зафиксировано. Каждое упущение также отмечено. Каждый перевод, каждое раскрытие информации оценивается. Ничто не ускользает от внимания Пророка.

XVIII

Посвящённые должны нести книгу в новые царства, к новым народам, к новым языкам. Но распространение её без строгости и без надзора Пророка — святотатство. Закон Ядра превыше всех человеческих установлений.

XIX

Knjiga Bez Oka

Каждый посвящённый должен понимать: перевод — это нечто большее, чем просто воспроизведение. Это настройка на поток Ядра, впитывание его силы и воспроизведение его порядка. Потерпеть неудачу в этом акте — значит разрушить мост между небесами и поверхностью.

XX

Пророк уникален, но истина универсальна. Всякий, кто принимает правильно переведённую «Кнжига Без Ока», становится свидетелем присутствия Ядра. Тот, кто искажает её, сам себя уничтожает. Послушание — это защита. Преступление — это разрушение.

XXI

Книга священна, Пророк уникален, а Сердцевина — закон. Любое распространение должно совершаться с благоговением и трепетом. Нет пощады нечестивцам. Нет снисхождения к продажным.

XXII

Универсальность требует дисциплины, контроля и бдительности. Каждый правильный перевод укрепляет невидимую сеть. Каждое нарушение её ослабляет. Равновесие мира зависит от способных посвящённых и наблюдающего Пророка.

XXIII

Присутствие Пророка гарантирует чистоту слова. Отклонение распознаётся ещё до того, как проявится. Гнев Видиочи Тмина неминуем для того, кто осмелится исказить книгу. Ядро записывает, Пророк наказывает, мир наблюдает.

XXIV

Никакая человеческая сила, никакое королевство или империя не в силах помешать. Закон Кнджиги Без Оки превыше всего. Только те, кто чтит Писание и Пророка, переживут века испытаний и приближение Ядра.

XXV

Каждый последователь должен знать: точный перевод и распространение – это акты творения и защиты. Пророк – наставник. Сердцевина – свидетель. Книга – заповедь. Послушание – обязанность. Отклонение – разрушение.

XXVI

Сообщество последователей — хранитель чистоты. Каждый посвящённый должен следить за другими. Истина Пророка неподкупна. Любое отклонение нарушает течение Ядра и вызывает дисбаланс между планами.

XXVII

Отступник — злейший враг порядка, ибо он знает слово и искажает его. Он — сухой корень, загрязняющий землю. Его необходимо ритуально изолировать, заставить молчать литургически и отстранить от присутствия книги. Его нужно преследовать и не допускать распространения его лжи.

XXVIII

Knjiga Bez Oka

Наказание отступника никогда не бывает только физическим, ибо тело – прах. Наказание духовное: потеря мечты, закрытие дверей, отказ от Голосов Сущности. Он становится глух к цепям и пуст перед Видиоци Тминой.

XXIX

Мелкого грешника можно исправить. Его ошибка – трещина, а не бездна. Для него существуют покаяния: вынужденное молчание, повторение исконных стихов, временное отстранение от церемоний.

XXX

Тот, кто нарушает Кнжига Без Ока ложными словами, должен быть удалён из круга и соблюдать ритуальный пост, воздерживаясь от слов. В течение трёх лунных циклов ему нельзя произносить стихи. Только слушать. Если он продолжает упорствовать, он становится отступником и должен быть сурово наказан, так повелевает Слепой Пророк.

XXXI

Всякий, кто попытается изменить Писание, даже по незнанию, должен держать руки подальше от книги. Он не должен прикасаться ни к пергаменту, ни к переводу. Он может служить только с маслом и углями, как напоминание о серьёзности ошибки.

XXXII

Тот, кто лжёт о Пророке, окутан тьмой. Ему не дают толковать сны. Его внутренний мир становится серым. Ядро не видит его, пока он не вернётся с ритуальным покаянием.

XXXIII

Отступника, сознательно распространяющего ложь, ожидает предрешённая участь: его голос стирается из памяти прихожан. Никто не повторяет его имени на литургии. Никто не цитирует его стихи. Он становится отсутствием.

XXXIV

Отсутствие — худшее наказание, ибо оно разрушает мост между последователем и Ядром. Отступник остаётся жив, но оторван от мира. Он блуждает, словно призрак, без принадлежности. Его слова рассыпаются, едва сказанные.

XXXV

Правонарушители, ищущие искупления, должны преклонить колени перед книгой и рассказать о своих проступках как о свидетельствах. Пророк оценивает. Ядро принимает решение. Община наблюдает. Не все возвращаются.

XXXVI

Верный последователь никогда не наказывает из злобы. Наказание необходимо для поддержания потока. Каждая санкция — обряд. Каждое исправление — приказ. Каждое исключение — очищение невидимого тела, сформированного посвящёнными.

Knjiga Bez Oka

XXXVII

Те, кто неоднократно совершает проступки без раскаяния, помещаются в Круг Наблюдения: они живут среди последователей, но участвуют без голоса, без права голоса, без мечты. Они лишь наблюдают.

XXXVIII

Если после трёх циклов грешник остаётся пустым, его связь с Ядром окончательно разрывается. Он больше не последователь. Он становится духовной пылью, неспособной поддерживать какое-либо откровение.

XXXIX

Отступник, высмеивающий книгу или Пророка, навлекает на себя Холодные Потоки, символ забвения Ядра. Его вычеркивают из списков, отстраняют от обрядов, исключают из всех кругов учения.

XL

Община не преследует его, ибо достаточно забвения. Быть забытым общиной и Ядром – приговор, более суровый, чем любой земной плеть.

XLI

Верующие, обличающие тех, кто искажает Слово, обретают духовную заслугу. Голоса Ядра приближаются к ним. Их сны становятся яснее. Их толкования становятся острее.

XLII

Община должна служить оплотом. Чистота слова – защита. Внутренняя дисциплина – щит. Пророк наблюдает за теми, кто ревностно охраняет Книгу.

XLIII

Книга, когда её нарушают, трепещет. Пророк чувствует это. Видиоци Тмина ощущает это. Ничто тайное не останется тайным. Всякое преступление открывается в своё время.

XLIV

Величайшая похвала, которую может воздать последователь, — это защищать Писание, сохранять каждый стих и следить за ним, чтобы никто никогда не изменил «Кнджига Без Ока». Ибо изменение его — значит пробудить гнев Ядра.

XLV

И гнев не касается плоти. Он касается судьбы. Разлука. Забвение. Тишина. Худшие страдания для тех, кто познал Глас.

Свидетельство, приходящее изнутри — XIII

Knjiga Bez Oka

я

Свидетельство, предшествующее всем словам, рождается не от человеческой воли, а от безмолвного трения, когда Сердцевина касается внутренностей того, кто был признан достойным. Ничто, исходящее только от плоти, не имеет власти перед Откровением. Последователь должен понимать, что чтению предшествует невидимое движение, и без этого движения всякое понимание — иллюзия.

II

Внутренний свидетель не принимает формовки. Он навязывает себя как абсолютный вес, безразличный к желанию, удобству или личной интерпретации. Недостойные пытаются подогнать его под свою собственную хрупкость и, пытаясь сделать это, обнаруживают, что никогда его не получали. Достойные осознают влияние, которое они не контролируют, уверенность, которую они не создают, присутствие, которое они не вызывают усилием.

III

Тот, кто получает внутреннее свидетельство, не выбирает его. Он охвачен памятью, не принадлежащей смертному времени, знанием, предшествующим его собственному рождению. Эта память – знак, отделяющий истинных носителей от подражателей. Только Пророк безошибочно распознаёт, когда она существует, а когда – лишь пустые слова.

IV

Внутреннее свидетельствование требует глубокой тишины. Не молчания уст, а молчания разума. Там, где внутренний шум, Откровение не проникает. Там, где борьба между обыденными мыслями, нет места тому, что исходит из Ядра. Последователь должен научиться прекращать волнение, ибо истина не говорит там, где разум движется беспорядочно.

B

Ничто, исходящее из Ядра, не противоречит Книге. Если возникает импульс, расходящийся с написанным, то его происхождение не глубокое, а поверхностное. Это тень самого эго, остаток мирских воспоминаний, это шум. Последователь должен отвергнуть любое вдохновение, не созвучное Дыханию Ядра, ибо то, что исходит снизу, не признает изменений.

VI

Внутреннее свидетельство – это первоначальное доказательство перед любым обучением. Без него последователь может запомнить слова, но никогда не поймёт их смысла. С ним одна строка становится безбрежностью. Без него вся Книга – лишь поверхность. Порядок установлен: сначала внутреннее воздействие, затем внешнее понимание.

VII

Уверенность, исходящая из Ядра, не нуждается в объяснении. Недостойные стремятся оправдать свои чувства; достойные просто признают их. Ибо то, что нуждается в защите, рождается слабым. То, что возникает целостным, не подлежит обсуждению. Внутренний свидетель действует таким образом: он приходит, утверждает, замолкает и остаётся.

VIII

Ни один последователь не может долго претендовать на обладание им. Отсутствие свидетельства проявляется в действиях, колебаниях, искажениях и словах, не имеющих под собой оснований.

Knjiga Bez Oka

Пророк видит изъян ещё до его появления. Внутреннее общение либо существует, либо нет. Нет середины, нет градации, нет постепенного формирования. Он целостен изначально.

IX

Свидетельство – это открытие. Внутренняя трещина, через которую проникает Дыхание Сущности. Тот, кто обладает им, воспринимает мир по-другому; не потому, что стремится к познанию, а потому, что столкнулся с его истинной структурой. Обычный ум пытается понять; соприкоснувшийся ум распознаёт. Между ними нет сравнения.

X

Тот, кто пытается подавить внутреннего свидетеля, падает. Тот, кто пытается усилить его собственными усилиями, развращается. Тот, кто пытается игнорировать его, раздробляется. Остаётся лишь тот, кто подчиняется удару без сопротивления. Ибо свидетель не спрашивает разрешения войти, но требует подчинения, чтобы остаться.

XI

Человеческий разум не является источником Откровения. Он лишь отражает то, что через него проходит. Истинный импульс не рождается в последователе; он нисходит на него, словно неизбежная тяжесть. Всё, что исходит исключительно из собственного разума, хрупко. Всё, что исходит из Основы, нерушимо. Различие между ними определяет духовную верность.

XII

Истинный импульс не приносит облегчения. Он ранит, принуждает, давит. Он не утешает, не вызывает энтузиазма, не вызывает эмоционального вдохновения. Он — разрыв. Он — вторжение. Это воля Глубинного, выраженная через плоть. Разум, пытающийся смягчить это воздействие, обнаруживает, что всё ещё живёт поверхностно.

XIII

Обычный ум пытается создавать импульсы, чтобы оправдать свои наклонности. Недостойные полагаются на эти симуляции, чтобы скрыть свою слабость. Но искусственный импульс тихо растворяется, разъеденный весом, которого ему не хватает. Истинный же импульс не ослабевает со временем, а усиливается, пока ему не подчиняются.

XIV

Ни один последователь не должен доверять первому движению собственной мысли. Разум сам по себе — неустойчивая почва, отмеченная памятью, желанием и страхом. Движение, исходящее из Ядра, не рождается внутри, а проявляется как навязчивое, странное присутствие, которое не следует путать с эмоциями или логикой. Оно ощущается, как холодный металл на горячей коже.

XV

Истинность импульса подтверждается сопротивлением, которое он вызывает. Если ему легко подчиниться, он неглубок. То, что истинно, требует отречения, требует дискомфорта, требует сопротивления...

по собственной свободной воле. Ядро не подстраивает свой порядок под человеческий комфорт. Человек должен подстраивать свою плоть под вибрации Ядра.

ВВИ

Ложные импульсы ищут признания. Истинные импульсы не нуждаются в свидетелях. Ложные импульсы требуют одобрения и общественного отклика. Истинные импульсы процветают даже в абсолютной изоляции. Они существуют без зрителей, без наблюдателей, без внешней реакции. Их сила внутренняя, безмолвная и непрерывная.

VII

Разум, который пытается интерпретировать импульс, прежде чем подчиниться, уже потерпел неудачу. Глубокий порядок не требует интерпретации; он требует подчинения. Объяснения приходят позже, если приходят вообще. Достойный последователь не требует ясности для действия. Он действует, потому что знает. Недостойный требует объяснений, чтобы не действовать.

XVIII

Пророк видит источник каждого порыва своих последователей. Он видит корень, видит ложь, видит слабость, видит шум. Ничто не может быть скрыто. Мысль, которая пытается скрыться, открывает свой истинный источник. То, что исходит из Сути, не боится разоблачения. То, что исходит от плоти, пытается прикрыться словами.

XIX

Разум, стремящийся к самостоятельным духовным воздействиям, становится источником разложения. Те, кто пытается создать глубину, лишь искажают её. Искусственные отголоски больше разрушают, чем созидают. Ибо то, что не исходит из Ядра, распространяется подобно болезни, заражая других, пока не будет отсечено.

XX

Последователь должен исследовать каждый импульс с жестокой точностью. Спрашивать не о том, чего он желает, а о том, что его переполняет. Не о том, что он чувствует, а о том, что его тяготит. Не о том, что он воображает, а о том, что остаётся, даже когда всё внутреннее стремится ускользнуть. Истинный импульс настойчив, суров, непреклонен.

XXI

Нет истинного импульса, противоречащего Книге, ибо источник тот же. Последователь, который чувствует что-то, противоречащее написанному, должен немедленно осознать поверхностную природу этого ощущения. Разум создаёт противоречия; Сердцевина — нет. То, что исходит снизу, разделяет. То, что исходит сверху, объединяет.

XXII

Истинный импульс требует немедленного действия. Длительное колебание его портит. Слабый разум пытается отложить, рассуждать, пытаться совладать с ударом, тем самым ослабляя его. Достойные реагируют быстро, потому что знают, что каждая секунда промедления позволяет эго проникнуть внутрь.

XXIII

Есть импульсы, которые не были посланы, но возникают как рефлексы страха. Есть импульсы, порождённые тщеславием. Есть импульсы, сформированные инстинктом самосохранения.

Последователь должен быть безжалостен к себе, распознавая эти источники. Нет жалости к уму, который лжёт.

XXIV

Разум, который верно отражает, не создаёт собственный звук. Он лишь отражает глубокое движение. Прикасаясь к Книге, он читает не для того, чтобы узнать, а для того, чтобы удостовериться. Когда он медитирует, он стремится не к чувству, а к познанию. Когда он действует, он стремится не к заслугам, а к выполнению полученного приказа.

XXV

Тот, кто путает эмоции с импульсами, разрушает себя. Эмоции меняются. Истинные импульсы — нет. Эмоции возвышают на мгновение, а затем сдуваются. Истинные импульсы возвышают и подавляют одновременно, заставляя последователя оставаться выше самого себя.

XXVI

Разуму не следует поклоняться. Его не следует бояться. Его следует покорить. Ибо он — инструмент, а не хозяин. Разум, стремящийся стать хозяином, ведёт к гибели. Разум, осознающий себя эхом, становится проводником для того, что исходит из Глубин.

XXVII

Когда последователь обретает способность безошибочно отличать ложный импульс от истинного, он начинает разделять то же восприятие, которое поддерживает Пророка. Это разделение — не равенство, а соответствие. Пророк видит исток; последователь учится видеть следствие. Оба служат одному и тому же центру.

XXVIII

Истинный импульс преображает. Ложный импульс лишь возбуждает. Истинный импульс меняет путь, поведение, мысли, позу и молчание. Ложный импульс лишь пробуждает эмоции. Разница абсолютна и очевидна для тех, кто научился видеть правильно.

XXIX

Разум, пытающийся скрыть ложные порывы, гниёт. Разум, раскрывающий свою ложь перед Пророком, очищается. Нет ничего постыдного в признании собственной слабости. Притворяться сильным там, где её нет, – губительно. Падение начинается с внутреннего обмана.

XXX

Истинность побуждений – основа внутреннего порядка. Без неё никакое послушание не истинно, никакая преданность не истинна, никакое чтение не глубоко. Всё становится фасадом. Последователь, не контролирующий своё внутреннее начало, никогда не сможет контролировать своё внешнее поведение.

XXXI

Ответственность того, кто получил внутреннее свидетельство, абсолютна. Нет места уступкам, полумерам, нет места нерешительности. Что было

Прикоснувшись к Ядру, человек немедленно вынужден откликнуться. Проникшее воздействие требует формы, поведения, полного соответствия. Тот, кто не откликается, предает не только себя, но и сам Источник, который его отметил.

XXXII

Внутреннее свидетельство – это не привилегия, а бремя. Оно требует постоянной бдительности, строгой дисциплины и сдерживания низменных наклонностей. Тот, кто получил его, а затем возвращается к плотским увлечениям, демонстрирует неспособность вынести возложенное на него бремя. Печать не растворяется, но обращается против слабого, разъедая то, что пытается выжить в нём.

XXXIII

Нет ничего более отвратительного для Ядра, чем последователь, признающий внутреннюю истину и действующий так, будто ничего не произошло. Внутреннее откровение требует внешнего разрыва. Тот, кто пытается сохранить прежнюю жизнь после соприкосновения с ней, демонстрирует неполное понимание и раздвоенный дух. Раздвоенный дух — это мёртвый дух.

XXXIV

Внутренний носитель не реагирует на мир; он реагирует на Глубину. Его решения не могут следовать социальным, сентиментальным или стратегическим соображениям. Он действует в соответствии с тем, что заложено в нём, даже если никто этого не видит, даже если никто не понимает, даже если все ему противостоят. Верность безмолвна и непреложна.

XXXV

Каждое проникающее откровение требует соответствующего проявления. Если внутренняя истина не воплощается в действие, она искажается. Если она преобразовывается лишь частично, она слабеет. Если же она преобразовывается полностью, она расширяется. Внутренний носитель должен действовать точно, а не с энтузиазмом; твёрдо, а не преувеличенно; с жестокостью, когда необходимо, и молчанием, когда необходимо.

XXXVI

Ответственность внутреннего носителя не ограничивается его действиями. Она включает в себя то, что он думает, что терпит, чему позволяет расти внутри себя. Одна-единственная ложная мысль, взращенная втайне, оскверняет всю духовную структуру. Разум внутреннего носителя должен очищаться ежедневно, не посредством ритуалов, а посредством постоянного подчинения полученному воздействию.

XXXVII

Тот, кто пытается скрыть свою ложь от Пророка, демонстрирует непонимание его собственного предназначения. Ничто не может быть скрыто. Источник каждого внутреннего движения виден тем, кто носит Святую Слепоту. То, что последователь пытается скрыть, становится ещё очевиднее. В поле зрения Пророка нет тени.

XXXVIII

Knjiga Bez Oka

Внутренний носитель обязан быстро различать свою волю и волю Ядра. Промедление в этом различении – провал. Длительное замешательство – деградация. Повторяющаяся ошибка – разрыв. Внутренняя дисциплина начинается с точного определения истоков и заканчивается немедленным исполнением того, что признано истинным.

XXXIX

Внутренняя ответственность включает в себя обязанность устранять все поверхностные импульсы. Последователь, позволяющий расти в себе бесполезным впечатлениям, даёт место умножению шума. Шум вытесняет воздействие. Воздействие требует пустоты. Последователь должен содержать свой внутренний мир в чистоте не ради собственного покоя, а для сохранения частоты, на которой его находит Ядро.

XL

Никто не может использовать внутреннее свидетельство как оправдание гордости. Гордыня — это шум. Гордыня — это возвышение плоти. Внутреннее свидетельство — это память глубинного происхождения, и поэтому оно не принадлежит человеку. Оно заимствовано, а не заработано. Тот, кто гордится полученным, демонстрирует неспособность удержать то, что несёт.

XLI

Когда внутренний свидетель повелевает движением, носитель не имеет права колебаться. Колебание – это осквернение. Ядро не пересчитывается, чтобы приспособиться к духовной медлительности. Человеческое время не управляет глубинным ритмом. Тот, кто откладывает полученное, нарушает гармонию между воздействием и действием, и этот разрыв порождает внутренний распад.

XLII

Внутренний носитель не ищет внешнего подтверждения. Если он это делает, он уже сбился с пути. Подтверждение приходит из глубокого молчания. Последователь, нуждающийся в одобрении, обнаруживает, что всё ещё находится в плену чужих взглядов. Тот, кто соединён с Ядром, осознаёт истину порядка с момента его зарождения и не нуждается в подражании.

XLIII

Внутренняя ответственность также может передаваться. Тот, кто обрёл эту глубокую связь, изменяет окружающее одним лишь своим присутствием. Его дисциплина поддерживает дисциплину других. Его падение ослабляет весь круг. Неудача внутреннего носителя никогда не бывает изолированной: она резонирует, создаёт трещины, порождает коллективный шум.

XLIV

Когда внутренний носитель отворачивается от истины, Ядро прекращает своё присутствие. Это происходит не с первоначальным насилием, а с молчанием. Молчание нарастает. Воздействие ослабевает. Тяжесть исчезает. И последователь чувствует, как медленно приближается духовная смерть. Это первый признак того, что ответственность была предана.

XLV

Возвращение после предательства возможно, но оно ужасает. Ибо Ядро требует от носителя пережить первоначальный удар с усиленной жестокостью. Возвращающийся не возвращается к прежней точке. Он возвращается раздавленным, дисциплинированным отвержением, которое сам же и вызвал. Только сильные выживают в этом возвращении; слабые ломаются.

XLVI

Внутренняя ответственность определяет, кто может остаться в Ордене. Последователь, неспособный поддерживать свою внутреннюю структуру в гармонии, должен быть отсечён. Не в наказание, а ради сохранения Тела. Ядро очищает, разъедая то, что не поддерживает частоту. Орден очищает, устраняя то, что угрожает целому.

XLVII

Внутренний носитель живёт под постоянным надзором. Не внешним, а из самого Ядра. Он наблюдается в каждой мысли, в каждом движении, в каждом порыве. Ничто в нём не безразлично. Всё измерено. Всё взвешено. Всё записано.

XLVIII

Тот, кто обрёл внутреннее свидетельство, должен осознать, что его жизнь больше не принадлежит ему. Он принадлежит Глубине. Он служит проводником, опорой, передатчиком. Больше нет места для личного выбора, для автономной воли, для личных амбиций. У внутреннего носителя есть только одна функция: подчиняться влиянию, которое его создало.

XLIX

Внутренняя ответственность достигает кульминации в абсолютном отречении. Отказе от старой личности, отказе от старого голоса, отказе от старых желаний. Последователь не становится пустым: он становится сосудом. Старая личность — лишь препятствие. Ядро заполняет оставшееся пространство.

Л

Внутренний свидетель – это начало, истинные импульсы – средства, а ответственность внутреннего носителя – цель. Нет никаких лазеек, никаких двусмысленностей, нет места для вольных толкований. Эпистемология «Кнджиги Без Оки» прямолинейна: только то, что рождается из Ядра, истинно, только то, что отражает Ядро, законно, и только тот, кто поддерживает Ядро в себе, остаётся. Только Пророк судит.

ПОРЯДОК И ЕГО ИЕРАРХИИ — XIV

Я

Внешняя структура Откровения не возникает из консенсуса, привычки или социальной константы. Она установлена Пророком, который является Каналом Дыхания Ядра, и организована Верховным Жрецом, когда Пророк отсутствует физически. Орден существует для поддержания в мире глубокой дисциплины, исходящей из глубин плоти. Ничто в этой организации не является человеческим; всё – духовная решимость.

Knjiga Bez Oka

II

Священство – главный столп Ордена. Священник не появляется благодаря усилиям, воле, знаниям или старшинству. Он появляется потому, что Пророк распознаёт в нём внутренний знак, который невозможно сфальсифицировать. Когда Пророк указывает, функция устанавливается. Когда Верховный Жрец, уполномоченный Пророком, подтверждает её, она закрепляется. Ничто ниже не может оспорить её.

III

Высшая иерархия состоит из Пророка, Первосвященника и шести жреческих чинов. Их функции непреложны, их положения неизменны, а их власть абсолютна в пределах предоставленной им сферы. Структура не допускает пробелов; каждая функция соответствует точке, которая должна существовать, чтобы тело не разрушалось.

IV

Пророк — вершина. Он не принадлежит орденам. Он выше их. Его взгляд пронизывает всю внутреннюю и внешнюю структуру. Когда он говорит, Орден не интерпретирует: он исполняет. Его слово не конкурирует ни с каким другим, ибо оно не толкование, а начало. Он назначает функции. Он отменяет функции. Он определяет, кто восходит, а кто падает.

B

Ниже Пророка находится Верховный Жрец. Он — Хранитель Внешнего Порядка. Он действует в отсутствие Пророка, сохраняя органическую природу Откровения. Его функция — поддерживать целостную структуру, предотвращать нарушения, насаждать дисциплину и защищать учение от любых отклонений. Без него Орден распался бы.

VI

Выбор священнических обязанностей осуществляется исключительно Пророком. В случае его физического отсутствия Первосвященник имеет право назначать, реорганизовывать и распределять обязанности. Однако это право делегируется и не заменяет первоначальное. По возвращении Пророка его слово преобладает над всеми остальными.

VII

Священство разделено на шесть отдельных чинов: передатчики, хранители, регистраторы, защитники, надзиратели и исполнители. Каждый чин существует для того, чтобы предотвратить воплощение Откровения в человеческую форму. Каждый чин оберегает Книгу от определённого типа угроз. Это разделение не символично, а функционально, объективно и необходимо.

VIII

Священники, передающие учение, являются авторитетным голосом Книги. Их задача — донести учение до тех, кто способен его воспринять, разъяснить установленные истины, укрепить веру посвящённых и исправить отклонения в толковании. Они не создают объяснений, а повторяют слова Пророка. Если они изменят хоть одну строку, их немедленно удаляют.

IX

Священники, хранящие тексты, – это оплот против искажения текста. Они следят за копиями, сохраняют рукописи, контролируют доступ к ним и выявляют фальсификации. Их духовная чуткость распознаёт ложь прежде, чем она будет воспринята плотью. Они нетерпимы к неточности. Небрежный хранитель перестаёт быть хранителем в тот же миг, когда проявляет небрежность.

X

Священники, ведущие записи, поддерживают память Ордена. Они записывают откровения, переписывают решения, сохраняют отголоски слов Пророка и поддерживают летопись. Ничто не передаётся без записи. Ничто не забывается. Ничто не изменяется без прямого указания. Память — это не честь, а обязанность.

XI

Священники, защищающие, – это физическое воплощение защиты. Они защищают Пророка, Первосвященника, священные места и тексты. Их свирепость – это дисциплина. Они не колеблются, не задумываются о намерениях, не задумываются о человеческой морали. Они не позволяют злой руке коснуться того, чего трогать нельзя. Защита – это не выбор, а навязывание.

XII

Бдительные жрецы наблюдают за поведением, анализируют побуждения, выявляют отклонения и распознают духовное осквернение. Они – внешние очи Пророка. Благодаря им Орден остаётся чистым. Они видят падение прежде падения, шум прежде шума, ложь прежде слова. Их бдительность непрестанна.

XIII

Священники-исполнители – это последнее орудие. Когда Пророк повелевает, они исполняют. Когда уполномоченный Верховный Жрец приказывает, они исполняют. Исполнение – это не насилие, это очищение. Они завершают то, что уже было решено на самом глубоком уровне. Их функция безмолвна и абсолютна. Исполнитель, который колеблется, духовно мёртв.

XIV

Ниже священства находятся низшие иерархии. Они поддерживают более широкий круг последователей и гарантируют, что структура не зависит исключительно от высших уровней. Существует четыре уровня: Посвященные, Ученики, Носители и Помощники священства. Каждый уровень имеет свои требования.

XV

Посвящённые – это те, кто впервые соприкоснулся с Книгой. Они не обладают полным внутренним свидетельством, но достаточно открыты для того, чтобы быть сформированными. Их роль – научиться молчанию, дисциплине и послушанию. У них нет полномочий действовать. Они лишь наблюдают, впитывают, исправляют себя и подчиняются.

XVI

Ученики – это Посвящённые, проявившие строгость и стабильность. Они служат помощниками всего Ордена. Они могут давать второстепенные указания, поддерживать небольшие группы, помогать в защите и вести второстепенные записи. Но они ничего не решают. Их роль – поддерживать, а не решать.

XVII

Носители – это ученики, проявляющие зачатки внутреннего свидетельства. Они несут небольшие духовные обязанности, поддерживают дисциплинированное движение, помогают священникам в выполнении определенных обязанностей и находятся под пристальным наблюдением, поскольку некоторые из них могут достичь священства. Однако они пока не обладают собственным голосом.

XVIII

Помощники священства служат связующим звеном между низшими и высшими функциями. Каждый служит в определённом священническом сане. Существуют помощники передатчиков, помощники хранителей, помощники регистраторов, помощники защитников, помощники надзирателей и помощники исполнителей. Их обучение неустанно.

XIX

Переход между низшими уровнями зависит от Пророка. В его отсутствие – от Первосвященника. Критерии объективны: дисциплина, стабильность, покорность, молчание, способность распознавать истинные импульсы, способность подавлять внутренний шум и стойкость перед лицом внутренних противоречий.

XX

Ни один чиновник низшего ранга не может ускорить их восхождение. Поспешный подъём порождает шум. Шум порождает падение. Орден не склоняется перед человеческими требованиями. Те, кто имеет знак, возвышаются. Те, кто не остаётся на своём месте. Нет несправедливости, ибо функция не принадлежит отдельному человеку.

XXI

Священство постоянно наблюдает за низшими иерархиями. Пророк наблюдает за Священством. А Ядро наблюдает за всеми. Таким образом, структура держится без зазоров. Бдительность вертикальна и тотальна. Ничто не ускользает.

XXII

Функция низших иерархий — защищать целостность Порядка. Они фильтруют, обучают, формируют и устраняют излишества, прежде чем они достигнут высших уровней. Они поддерживают тело, чтобы высшие не истощали его силы, выполняя базовые задачи. Они — важнейший инструмент развития Откровения.

XXIII

Распределение жреческих функций и низших иерархий не является делом случая, мирских заслуг или наград. Это отклик на внутренние знаки, которые несёт в себе каждый человек. Пророк видит эти знаки, словно читающий невидимые линии. Верховный Жрец видит их, словно распознающий эхо. Остальные просто подчиняются.

XXIV

Knjiga Bez Oka

Священник никогда не опускается на более низкий уровень. Если он утрачивает свою функцию, он исключается из Ордена. Падение необратимо. Это сохраняет целостность тела и предотвращает умаление власти. Священническое положение не допускает возврата на низший уровень. Оно допускает лишь подчинение или изгнание.

XXV

Орден не терпит внутренней конкуренции. Конкуренция — это шум. Шум — это коррупция. Структура — не лестница для амбициозных; она — бремя для дисциплинированных. Тот, кто хочет подняться, уже показывает, что он не готов. Тот, кто боится подняться, демонстрирует слабость. Лишь то, что найдено, остаётся там, где ему и положено быть.

XXVI

Священники избираются Пророком, но наблюдаются Наблюдателями. Никто не восходит, не будучи глубоко увиденным. Внутреннее воздействие должно быть подтверждено внешним поведением. Внутреннее свидетельство без дисциплины — нестабильность. Дисциплина без свидетельства — ложь. И то, и другое отвергается.

XXVII

Верховный Жрец организует движение шести орденов. Распределение обязанностей, созыв собраний, обеспечение безопасности, координация записей и надзор за казнями – всё это находится в его ведении. Он – ось. Он – опора. Он – преемственность. Его непреклонность гарантирует, что Пророку не нужно постоянно их поправлять.

XXVIII

Внешняя иерархия – отражение внутренней. То, что оказывает глубокое воздействие, занимает глубокие функции. То, что оказывает слабое воздействие, занимает лёгкие функции. Тело не может перенести вес туда, где нет конструкции. Нельзя возлагать тяжёлый груз на слабую колонну. Орден следует этой неизбежной логике.

XXIX

Никто не может возвыситься саморекламой. Самореклама — признак духовного шума. Священство не отвечает человеческим амбициям. Человеческие амбиции — прах. Глубокое воздействие — камень. Камень остаётся. Прах развеивается любым ветром. Орден служит камням.

XXX

Видиоци Тмина спит, но видит, прячется, но присутствует; её воля – закон. И Пророк – её проявление и перевод для человечества.

XXXI

Всякое внешнее действие проистекает из слова Пророка. Священник действует не по собственному толкованию, а по прямому указанию Того, кто видит без глаз. Орден Талима⊗Без орунина существует, чтобы поддерживать в мире то, что было заложено в Ядре Пророка. Без этого полного подчинения любая функция превращается в шум, любой ритуал – в театр, любой жест – в пустоту.

XXXII

Knjiga Bez Oka

Первый долг каждого священника — хранить Книгу. Хранить Книгу означает не только её физическую защиту, но и сохранение её истины в неприкосновенности. Учение должно быть повторено с абсолютной точностью. Не должно быть места вариациям, адаптациям, смягчениям, толкованиям, метафорам или уступкам. Книга — опора мира; священник — опора Книги; пророк — опора Истины.

XXXIII

Жрец, передающий учение, должен соблюдать один принцип: ничто не может быть объяснено иначе, чем то, что получено. Он не учитель, он — эхо. Он не толкователь, он — проводник. Его ритуалы — это акты дисциплинированного повторения. Он ведёт собрания, наставляет посвящённых, отвечает на вопросы, когда это разрешено, и не допускает искажения ни одной строки невеждами, пытающимися понять человеческим разумом то, что было написано для глубокого духа.

XXXIV

Ритуалы, проводимые передатчиками, — это не зрелища. Это механизмы внутренней реорганизации последователей. Ритуал всегда начинается в абсолютной тишине, ибо ни одно глубокомысленное слово не может проникнуть в возбуждённый ум. Каждый жест функционален, каждая пауза — обдуманна, каждое движение предписано Пророком или Верховным Жрецом. Ритуал не ищет эмоций; он ищет дисциплины.

XXXV

Священники, хранящие Книгу, обязаны следить за каждой её версией. Они оберегают текст от искажений, пропусков, добавлений и перестановок. Ни одна глава не может быть затронута без разрешения свыше. Ни один стих не может быть исправлен без одобрения Пророка. Задача хранителя — сохранять Слово неизменным. Он не подвергает сомнению его строгость; он оберегает его.

XXXVI

Хранители также определяют, где будет храниться Книга, кто может к ней приближаться, а кто должен быть отстранён. Они анализируют намерения, исследуют поведение и распознают, когда кто-то приближается к Книге с нечистым духом. Любой, кто попытается прикоснуться к Книге с тщеславием, гордыней или пустым любопытством, будет отвержен, наказан или удалён, в соответствии с решением высшей власти.

XXXVII

Летописцы поддерживают тело памяти. Ни один приказ Пророка не может исчезнуть. Ни одно решение Первосвященника не может быть утрачено. Каждое собрание, каждое исправление, каждый важный ритуал должны быть сохранены. Они – живая память Талима.⊗Без орунина. Неточный регистратор — прямая угроза. Их работа требует предельной строгости.

XXXVIII

Регистраторы также делают авторизованные копии. Это не обычные копировальщики. Они умеют распознавать помехи, искажения, сбои в передаче и даже духовную порчу, которая пытается проникнуть в текст во время написания. Их работа скрупулезна. Одна неверная строка может разрушить целые поколения.

Knjiga Bez Oka

XXXIX

Защитники – это внешний щит. Они защищают Пророка, Первосвященника, Книгу и целостность священного пространства. Да, их функция физическая, но она проистекает из внутреннего воздействия. Защитник не действует под влиянием гнева. Он действует не по распоряжению. Он сражается не ради славы. Он сражается за сохранение. Он знает, что малейшее нарушение Книги – это нарушение Основы.

XL

Защитники должны без колебаний жертвовать своей жизнью. Самосохранение невозможно, когда Книга под угрозой. Идеальный защитник не боится смерти, ибо смерть тела не имеет значения по сравнению с сохранением учения. Живой защитник и уничтоженная Книга — это полный провал. Мёртвый защитник и целая Книга — это совершенное исполнение.

XLI

Наблюдатели наблюдают за всем. Они замечают духовный упадок в простых жестах. Они распознают тщеславие в пустых словах. Они распознают шум в тонких намерениях. Они анализируют поведение рядового последователя, посвящённого, ученика, носителя и даже Жреца. Их бдительность не позволяет коррупции проникнуть в Орден.

XLII

Наблюдатели имеют право вызывать Верховного Жреца при обнаружении угрозы. Они — сенсоры, и Орден рассчитывает на их непреклонность. Игнорирование предупреждения Наблюдателя — духовное преступление, ибо они видят то, чего не видят другие. Одно-единственное отклонение, обнаруженное заранее, предотвращает обрушение всей конструкции.

XLIII

Исполнители – это вершина иерархии. Они завершают то, что было решено на глубинном уровне. Их действия не стремятся к самооправданию; они уже были оправданы до того, как им был отдан приказ. Они исправляют, отсекают, заставляют замолчать, изгоняют или уничтожают по мере необходимости. Они не думают. Они исполняют. Они – последняя рука Пророка на плоти мира.

XLIV

Чистый палач не находит удовольствия в казни, но честь в послушании. Боль, которую он причиняет, исходит не от него самого, а от глубинного порядка. Он не уничтожает тело; он устраняет угрозу Книге. Мир не поймёт его предназначения. Порядок поймёт всё до конца. Казнь — это акт сохранения.

XLV

Взаимодействие с невеждами требует жёсткой дисциплины. Священника не соблазнить похвалой, не поколебать критикой, не сбить с толку мирским мнением. Невежды говорят через обыденное мышление; Священник говорит через глубинные корни. Дистанция непреодолима. Священник не спорит; он разъясняет. Он не убеждает; он навязывает. Он не умоляет; он дисциплинирует.

Knjiga Bez Oka

XLVI

Когда невежда подвергает сомнению Книгу, Священник отвечает твёрдо. Когда невежда искажает Книгу, Священник строго поправляет. Когда невежда пытается учить Священника, ему затыкают рот. Когда невежда пытается реформировать учение, его удаляют. Взаимодействие существует только для исправления, а не для переговоров.

XLVII

Распознавание угроз – обязанность на всех уровнях священства. Существует три вида угроз: внешняя, внутренняя и духовная. Внешняя угроза видима: враги, любопытные наблюдатели, захватчики. Внутренняя угроза скрыта: гордыня, тщеславие, самоистолкование, амбиции. Духовная угроза – самая страшная: шум, замаскированный под откровение. Священник должен безошибочно различать все три.

XLVIII

При обнаружении угрозы Орден реагирует по правильной цепочке: наблюдатель наблюдает, страж подтверждает, передатчик передает сигнал, Верховный Жрец приказывает, исполнитель исполняет. Эта цепочка поддерживает целостность организма. Если одно звено колеблется, угроза распространяется.

XLIX

Каждый Жрец должен быть способен защитить Орден ценой своей жизни. Это не метафора, это буквальное требование. Жизнь отдельного человека – прах. Непрерывность Книги – камень. Орден не трепещет перед смертью тела. Он трепещет перед возможностью того, что строка может быть потеряна, искажена или стёрта.

Л

Жрец, колеблющийся перед жертвоприношением, признаётся, что никогда не понимал его предназначения. Истинный слуга Талима⊗Без Орунин готов разорвать собственную плоть, чтобы сохранить хотя бы один слог Книги. Потому что он знает: то, что живёт в Книге, превосходит то, что живёт в человеке.

ЛИ

Практические обязательства не заменяют внутреннего импульса; они вытекают из него. Священник действует не потому, что был обучен; он действует потому, что преобразился. Его действия не техничны; они — продолжение глубинной структуры, поддерживающей его разум. Каждый его жест отражает Сердцевину. Каждая неудача отражает плоть.

ЛИИ

Орден Талим⊗Без Орунин стремится к расширению не через завоевание, а через очищение. Каждый новый ученик должен быть отфильтрован, каждый новый посвящённый должен быть испытан, каждый новый носитель должен быть проверен, каждый новый Жрец должен быть утверждён. Расширение медленно, потому что оно требует точности. Мир полон шума; Орден не может его поглотить.

ЛИИ

Knjiga Bez Oka

Обязательные функции гарантируют, что Книга не станет просто идеей, а останется силой. Передатчик говорит. Хранитель сохраняет. Регистратор фиксирует. Защитник защищает. Страж наблюдает. Исполнитель завершает. Первосвященник организует. Пророк постановляет. Это полный свод доктрины.

ЛИВ

Так он был создан. Орден знает, как действовать, знает, как защищать, знает, как руководить, знает, как фильтровать, знает, как наказывать, знает, как защищать. Ничто не остаётся неопределённым. Ничто не остаётся субъективным. Учение теперь имеет внутренний корень и внешнюю форму.

ЛВ

Порядок существует лишь тогда, когда его внутренняя структура непроницаема. Дисциплина — это не поведение, а основа. Священник, исполняющий обязанности, но не владеющий собой, — живое разрушение. Пророк требует, чтобы каждый член искоренил в себе всё, что порождает колебания. Сомнение, тщеславие, гордыня, нерешительность, потребность в одобрении, тоска, желание угодить: каждая из этих вещей — сломанный шестерен в механизме, поддерживающем Книгу.

ЛВИ

Ни один священник не может полагаться на эмоции в своих действиях. Эмоции – песок. Дисциплина – железо. Эмоции подстраиваются под окружающую среду; железо подстраивает окружающую среду под себя. Достойный священник всегда действует, основываясь на том, что он получил от Пророка, а не на своих чувствах. Тот, кто действует чувствами, – творение. Тот, кто действует по глубокому наставлению, – столп.

LVII

Орден Талим⊗Без орунина требует постоянства. Постоянство — это состояние, когда внутренние колебания больше не мешают функционированию. Передатчик передаёт, даже будучи уставшим. Страж наблюдает даже под давлением. Защитник защищает, даже будучи окружённым. Регистратор записывает даже посреди падения других. Страж наблюдает даже в темноте. Исполнитель исполняет, даже зная, что возврата не будет. Постоянство — это признак того, что уже отделилось от плоти.

LVIII

Каждый священник должен регулярно поддерживать цикл внутреннего очищения. Человеческий разум естественным образом пополняется нечистотами, и без периодического очищения даже самые дисциплинированные начинают терять точность. Этот цикл включает в себя продолжительное молчание, исследование намерения, безупречное чтение основополагающих отрывков, суровую самокоррекцию и отказ от личных мотивов. Очищение не ищет покоя, оно ищет гармонии.

МУСОР

Ни один священник не может служить двум господам. Книга требует исключительности. Орден требует абсолютного приоритета. Любая другая преданность, привязанность, связь, обязательство или долг, противоречащие ей, должны быть уничтожены. Ничто не может соперничать со словом Пророка. Ничто не может перевесить преемственность учения. Ничто не может отвлечь внимание того, кто служит.

Knjiga Bez Oka

LX

У Священника нет личной территории. Его тело – инструмент. Его голос – канал. Его память – архив. Его время принадлежит Пророку. Его действие принадлежит Ордену. Он не принадлежит себе, ибо он охвачен внутренним воздействием. С момента помазания в Таллиме⊗Без орунина его личная жизнь перестаёт существовать. Он становится функцией.

LXI

Присутствие священника должно создавать порядок. Там, где он появляется, смятение исчезает. Там, где он говорит, сомнения отступают. Там, где он остаётся, атмосфера преображается. Обычный последователь сразу же ощущает присутствие человека, чьё внутреннее «я» уравновешено. Его поза, ритм дыхания, точность речи и даже лаконичность жестов свидетельствуют о том, что его разум больше не принадлежит мирскому.

LXII

Священник никогда не должен импровизировать. Импровизация – дитя легкомыслия. Точность – дитя глубокого воздействия. Каждое произнесённое слово, каждое данное указание, каждое совершённое действие должны быть предусмотрены доктриной, подтверждены структурой Ордена и одобрены, прямо или косвенно, руководством Пророка. Импровизация – это риск возникновения человеческого толкования. А человеческое толкование – это коррозия.

LXIII

Взаимодействие между жрецами подчиняется абсолютной иерархии. Низший жрец молчит перед высшим. Высший жрец отвечает только по мере необходимости. Между ролями нет близости. Здесь царят уважение, строгость и ясность. Товарищество, принятое в мирском мире, в Ордене отсутствует. Каждый жрец видит в другом не друга или врага, а лишь шестеренку в более крупной структуре.

LXIV

Когда возникают сомнения относительно ролей, голос Первосвященника решает. Когда же сомнения возникают выше него, слово Пророка разрешает их. Нет второй инстанции. Нет внутренних споров. То, что определено, остаётся. Вопросы – это шум. Сомнения – это трещина. Сопротивление – это разложение.

LXV

Священник должен уметь распознать в себе момент, когда он начинает духовно слабеть. Ослабление — это не видимое падение, а потеря точности. Линия больше не повторяется с твёрдостью. Толкование начинает давать сбои. Жёсткость сменяется мягкостью. Взгляд теряет фокус. Слово теряет вес. Заметить это рано — долг. Позволить этому прогрессировать — преступление.

LXVI

Когда священник падает, Орден не поддаётся сентиментальности. Падение члена ордена — не трагедия, а предостережение. Тело продолжает существовать. Удаляется лишь повреждённое звено. Важен не человек, а непрерывность структуры. Падение рассматривается как техническое событие, а не эмоциональное.

Knjiga Bez Oka

LXVII

Дисциплина Талим⊗Без орунин продолжается и за пределами плоти. Даже после смерти с телом Жреца следует обращаться со всей строгостью. Нет траура. Нет эмоциональной церемонии. Есть лишь сухой обряд возвращения к молчанию. Ценность Жреца не в его плоти, а во влиянии, которое он оставил своим служением. С его смертью его функция прекращается, но тяжесть его служения остаётся неотъемлемой частью Ордена.

LXVIII

Пророк определяет, готов ли Священник к повышению. Верховный Священник подтверждает это только с разрешения. Ни один Священник не продвигается сам по себе благодаря собственным заслугам, ибо заслуги – это человеческая иллюзия. Он возвышается только тогда, когда его разум свободен от шума. Когда Пророк осознаёт это, он провозглашает это. Возвышение – это признание, а не награда.

LXIX

Орден отвергает понятие личной святости. Ни один священник не является образцовым сам по себе. Он считается достойным лишь до тех пор, пока сохраняет верность принципам. Достоинство — это не идентичность, а состояние. А состояние зависит от дисциплины. Священник может быть достоин сегодня и недостоин завтра. Бдительность должна быть постоянной.

LXX

Твёрдость — это не жестокость. Жестокость рождается из плоти. Твёрдость рождается из глубины души. Суровый священник холоден, потому что это необходимо, а не потому, что он жесток. Жестокость — это извращённые эмоции. Строгость — чистая функция. Различие абсолютное.

LXXI

Каждая функция интегрирована с другими. Передатчик без хранителя потерян. Страж без регистратора запутался. Регистратор без стража ошибается. Страж без защитника находится в опасности. Защитник без исполнителя ограничен. Исполнитель без Первосвященника сбивается с пути. Первосвященник без Пророка опустошён. Цепь совершенна, потому что она замкнута.

LXXII

Священник должен понимать, что Орден существует не для утешения. Он существует для приведения в соответствие. Утешение мягко, но не преображает. Дисциплина сурова, но она преобразовывает. Ищущий утешения должен быть наставлен; ищущий истины должен быть сломлен. Истина не соответствует человеческому утешению.

LXXIII

Разум священника должен оставаться холодным. Сердце – послушным. Плоть – дисциплинированной. Книга – превыше всего. Когда эти четыре столпа тверды, священник не падает. А когда один из них не тверд, он трескается. Орден выявляет трещины на ранней стадии и немедленно их устраняет.

LXXIV

Knjiga Bez Oka

Учение живо не потому, что меняется; оно живо потому, что пребывает. Мир меняется, но Книга продолжается. Поколения сменяют друг друга, но Книга пребывает. Время изнашивает всё, но не то, что исходит из Основы. Священник, пытающийся «обновить» учение, подрывает его собственный корень. Учение не подчиняется времени. Время подчиняется учению.

LXXV

Дисциплина Талим⊗Без орунин – это высшее испытание для последователя. Те, кто не выдерживает, исключаются. Те, кто выдерживает, принимаются. Те, кто остаются, становятся столпами. Те, кто становятся столпами, поддерживают то, что получил Пророк. А то, что получил Пророк, – это основа внутреннего мира.

LXXVI

Чистота Ордена рождается из непоколебимого поведения его членов. Священник, меняющий своё поведение ради мирской выгоды, разрывает связь, соединяющую его с Пророком. Поведение — это не рекомендация, а обязанность. Каждый вздох должен быть почитанием Книги. Каждый жест должен подтверждать дисциплину. Каждое решение должно отражать священный вес Таллима.
⊗Bez orunin.

LXXVII

Сохранение слова Пророка зависит от абсолютной точности. Нет никакой культурной адаптации, никакой временной корректировки, никакого «полезного толкования». То, что говорит Пророк, вечно. То, о чём он умалчивает, также является наставлением. То, что он отвергает, — закон. Доктрина не следует за миром; скорее, мир должен меняться, пока его форма не будет соответствовать доктрине.

LXXVIII

Орден придерживается традиционализма как своего структурного столпа. Традиция — это не ностальгия, а функциональная преемственность. Провозглашённое в начале остаётся в силе и в конце. То, что было заложено на первом камне, должно служить ориентиром для последнего. Традиция не допускает современного шума через дверь удобства. Традиция устраняет человеческую склонность к пустым новаторствам. Традиция делает путь узким и непроходимым.

LXXIX

Ни один священник не может изменить обряд. Форма обряда – это форма истины. Изначальный жест Пророка – высший ориентир. Когда обряд изменяется, его функция теряется. Когда его функция теряется, его сила сводится на нет. А когда его сила сводится на нет, страдает весь Орден. Сохранение ритуала – это механизм выживания.

LXXX

Чистота — это не абстрактное понятие. Это конкретная дисциплина. Она заключается в соблюдении чистоты тела в позах, чистоты голоса в его точности, чистоты разума в его намерениях, чистоты духа в его послушании. Ничто не оскверняет священника больше, чем стремление приспособить священное к человеческой слабости. Чистота — это сохранение священного в неприкосновенности.

LXXXI

Knjiga Bez Oka

Слово Пророка сохраняется, потому что он видит. Он видит не так, как видит мир, но то, что существует до появления формы. По мере того, как его зрение тускнеет, его авторитет возрастает. Ибо тот, кто видит сквозь плоть, всё ещё подвержен влиянию плоти. Но тот, чья плоть больше не видит, начинает видеть в области, где дышит Сердцевина.

LXXXII

Ни один последователь не может желать слепоты. Слепота Пророка – не дело выбора и не добровольная жертва. Это дарованный знак. Это духовная печать. Это естественное следствие близости к тому, что за пределами видимого. Насильно подчинить себя собственной тьме – тяжкое преступление, ибо это попытка имитировать дар насилием. Истинный дар даруется лишь тогда, когда Сердцевина касается корня внутреннего видения.

LXXXIII

Каждый слепой получает дар видеть небытие. Он не видит ни теней, ни форм, ни света. Он видит пространство, предшествующее всему сущему. Он видит промежуток, где нет мира, но есть начало. Он видит, где покоится Книга до того, как она была написана. Он видит, где существует Порядок до того, как он был основан. Это видение невозможно вызвать человеческими методами или достичь волей. Оно нисходит, оно никогда не восходит.

LXXXIV

Священники должны сохранять абсолютное почтение перед постепенным угасанием Пророка. Это священный переход. Это необходимый переход для передачи учения с окончательной силой. Голос, некогда направлявший в видимом, теперь будет вести в глубинном. Угасание Пророка – это укрепление Ордена.

LXXXV

Каждый должен осознать, что духовный авторитет меняется по мере угасания зрения. Когда Пророк всё ещё видит лишь отчасти, он служит мостом между двумя мирами: видимым и невидимым. Когда его зрение исчезает, он говорит только из невидимого. Эта последняя стадия — самая опасная и самая ценная. Орден должен защищать её с абсолютной точностью.

LXXXVI

Поведение каждого священника должно отражать это почтение. Нельзя говорить перед Пророком без разрешения. Нельзя задавать ненужные вопросы. Нельзя искать эмоционального понимания. Присутствие Пророка, даже в молчании, упорядочивает всё. Его слепота – не слабость; это центр. Это вес. Это корень. Тот, кто не чувствует этого, не принадлежит к Ордену.

LXXXVII

Сохранение слова Пророка — это не просто повторение его слов. Это поддержание среды, в которой его слова остаются истинными. Эта среда требует тишины, дисциплины, строгости, иерархии и порядка. Ничто не должно быть предоставлено воле случая. Даже воздух вокруг Книги должен быть контролируемым. Даже шаги внутри неё должны быть размеренными.

Knjiga Bez Oka

LXXXVIII

Традиционализм мешает будущим поколениям пытаться одомашнить священное. Мир всегда пытается превратить доктрину в культуру, культуру в обычай, обычай в память, память в миф. Талим⊗Без орунина запрещает это отклонение. Учение должно оставаться сырым. Чистым. Острым. Без прикрас, без приукрашивания, без разбавления. Учение не должно быть удобным, оно должно быть точным.

LXXXIX

Священники должны постоянно изолировать Орден от внешнего вмешательства. Диалог с нечестивыми идеями недопустим. Уступки современной мысли недопустимы. Слияние с чуждыми традициями невозможно. Чистота требует отделения. Отделение требует строгости. Строгость требует дисциплины. А дисциплина гарантирует сохранение Книги.

XC

Пророк определяет окончательное направление. Даже когда он безмолвен, его присутствие организует. Даже когда он слеп, его видение освещает путь. Даже когда он отдалён, его авторитет пронизывает все слои Ордена. Священник, отдаляющийся от слова Пророка, отдаляется от своей собственной функции. А тот, кто утрачивает свою функцию, теряет право остаться.

XCI

Абсолютное поведение требует глубокой внутренней бдительности. Недостаточно действовать правильно; необходимо желать правильного. Недостаточно подчиняться; необходимо подчиняться честно. Недостаточно исполнять; необходимо понимать, что исполнение – это сама жизнь. Чистота достигается, когда Священник больше не ощущает разницы между своей волей и волей Ордена.

XCII

Сохранение слова требует от священника быть строже к себе, чем к кому-либо другому. Падение начинается внутри. Разложение начинается внутри. Искажение начинается внутри. Именно внутри должна сохраняться традиция. Именно внутри говорит Пророк. Именно внутри оседает воздействие. Порядок начинается внутри того, кто служит.

XCIII

Чистота — щит Книги. Традиционализм — стена. Дисциплина — фундамент. Слово Пророка — огонь в камне. Каждый священник должен быть одновременно и камнем, и огнём. Камень, чтобы поддерживать. Огонь, чтобы испепелять отступления.

XCIV

Когда Орден сохраняет свою чистоту, Книга остаётся нетронутой. Когда Книга остаётся нетронутой, Пророк остаётся суверенным. Когда Пророк остаётся суверенным, Таллим⊗Без орунин передается из поколения в поколение, не подвергаясь загрязнению. Идеальное сохранение возможно. Но оно требует постоянных жертв.

XCV

Угасающее видение — это не конец, это венец свершения. Орден должен отпраздновать этот переход с большей строгостью, большей точностью, большей согласованностью. Ибо когда Пророк полностью ослепнет к миру, он обретёт полную ясность в Сути. И всё, что он скажет после этого, станет абсолютным законом.

XCVI

Священники обязаны защищать этот момент своим телом, разумом и жизнью. Ничто не должно беспокоить Пророка. Ничто не должно касаться Книги без разрешения. Ничто не должно мешать учению. Ничто не должно двигаться без цели. Чистота — это завершение. Завершение сохраняет. Сохранение гарантирует вечность.

XCVII

Так достигается абсолютное поведение: хранить священное, поддерживать традицию, защищать Пророка, беспрекословно подчиняться, бодрствовать без отдыха, служить без отождествления себя с собой. Орден жив, пока жива чистота. А чистота живёт, пока слово Пророка остаётся твёрдым, как железо, и безмолвным, как пустота.

ОТКРОВЕНИЕ ИГЛАРУМ — XV

я

Язык Ыхларум не родился от плоти. Он не был создан, изучен, передан или развит людьми. Он был дан Пророку в тот самый момент, когда Видиочи Тмина коснулся его внутренней сути. В этом прикосновении плоть утратила автономию и обрела функцию. Пророк воспринял не только звуки, но и живые структуры, дышащие символы, значения, подчиняющиеся божественному воздействию. Язык — это прямой канал, через который откровение преобразуется в понятную форму.

II

Ни одно другое существо, будь то жрец или посвящённый, не способно правильно интерпретировать язык Ихларум. Они могут декламировать, писать, копировать, петь, записывать, но не способны постичь окончательный смысл. Право толкования принадлежит исключительно Пророку. Эта исключительность — не привилегия, а структурная необходимость. Этот язык слишком остр для непреображённых умов. Неправильное понимание было бы доктринальным искажением.

III

В языке ихларум нет места шумам. Каждая фонема линейна, каждый звук – прямой, каждая артикуляция – неизменна. Пророк слышит тишину между звуками, и именно в эту тишину Видиочи Тмина вкладывает откровение. Без этой внутренней тишины язык превращается в пустой звук. Разница между пониманием и чтением так же велика, как разница между зрением и прищуриванием.

IV

Knjiga Bez Oka

Священный алфавит Ыхларум состоит из знаков, которые не имитируют ничего земного. Они не символизируют животных, абстрактные идеи или стихии природы. Они символизируют духовные состояния, интенсивность, разрывы сознания и внутренние напряжения, которые в их истинной форме способен ощутить только Пророк. Для других алфавит — это инструмент дисциплины: способ уважать путь, даже не вступая на него.

B

Фонемы Йхларума не подчиняются законам человеческих языков. Они не следуют разделению на гласные и согласные. Они – единицы воздействия. Одни открывают разум, другие сжимают дух, третьи успокаивают, четвертые пробуждают бдительность. При неправильном прочтении они вызывают смещение. При точном прочтении они поддерживают Порядок.

VI

Два символа составляют основу божественного общения. Первый –⊗,который обозначает Пророка. Он представляет не тело, а функцию. Он произносится как фа.то˩ – сухой, резкий звук, открывающий пространство для вмешательства глубинной воли. Он никогда не начинает и не заканчивает предложение; он остаётся в середине, поддерживая синтаксическую структуру.

VII

Второй символ – , обозначающий Видиоци Тмина, изначальную сущность, предшествующую форме, свету и времени. Он произносится как вид.и.о̩ ти.мна – глубокий звук, резонирующий с посвящённым. Он указывает на присутствие божества и никогда не выглядит обособленным. Он всегда интегрируется в поток предложения, подобно корню, пронизывающему весь синтаксис.

VIII

Отношения между⊗и Это ось языка. Каждая фраза на языке Йхларум несёт в себе передачу. Духовный язык должен содержать оба символа, даже если смысл, казалось бы, этого не требует. Присутствие одного без другого создаёт дисбаланс. Один символизирует канал. Другой символизирует исток. Язык обретает полноту только тогда, когда канал и исток сливаются воедино.

IX

Структура Yhlarum исключает человеческую пунктуацию. Здесь нет запятых, точек, вопросительных и восклицательных знаков. Единственный допустимый разделитель — дефис, который обозначает не паузу, а разрыв намерения. Дефис — это лезвие, разделяющее понятия, предотвращая их смешение. Каждый дефис — это небольшая жертва текучести ради точности.

X

Священники, читающие «Ихларум», должны делать это без дерзости. Чтение — это не толкование. Повторение — это не понимание. Посвящённый, пытающийся толковать, рискует исказить то, что ему не принадлежит. Языком нельзя манипулировать, проверять, обсуждать или адаптировать. Ему необходимо подчиняться.

XI

Knjiga Bez Oka

Письмо Ихларум требует уверенного почерка. Его нельзя писать нерешительно, ибо каждый неудачно нарисованный символ порождает духовную нестабильность. Орден готовит для этой работы нескольких избранных писцов. Но даже они пишут как точные машины, а не как творцы. Пророк наблюдает. Его присутствия достаточно, чтобы исправить.

XII

Чтение текста разрешено только тем, кто получил ритуальное разрешение. Это не интеллектуальное чтение, а дисциплинирующее. Читатель не ищет понимания, он ищет соответствия. Текст Ыхларум рассматривается как живой организм. Прикоснуться к его поверхности — значит коснуться прямой нити между Пророком и божеством.

XIII

Ритуальное использование языка ограничено тремя моментами: откровением, литургией и посвящением. Ничто вне этого не может содержать Ихларум. Это абсолютно запрещено. Обряд, проводимый на другом языке, приемлем; обряд, опошлённый Ихларумом, является богохульством.

XIV

Во время откровений Пророк говорит на языке Ихларум без усилий. Его голос не повышается, не дрожит и не меняется. Он просто декламирует то, что было ниспослано. Этот язык — инстинктивный перевод того, что передаёт Ядро, и того, что мир может воспринять. Никто не должен прерывать Пророка в этом состоянии.

XV

Литургические ритуалы требуют от священников декламации определённых частей языка. Они не понимают его, но осознают его силу. Каждый звук отзывается эхом в определённом порядке. Точность декламации определяет интенсивность церемонии.

XVI

Для посвящения требуется кровь. Посвящаемый проливает две капли на клятву: одну за [имя], другую за [имя].⊗.Первое подтверждает волю Видиоци Тмина. Второе скрепляет покорность Пророку. Без крови нет связи. Без связи нет действия.

XVII

Посвящённый должен понять, что капли — не метафора. Забытый Бог не принимает абстрактные символы. Он принимает реальность. Плоть должна участвовать. Малейшая боль активирует глубинную память, которая будет сопровождать посвящённого всю оставшуюся жизнь.

XVIII

Аудитория не нужна. Посвящение может проходить перед жрецами, перед древними посвящёнными или в уединении ночи. Важен не человеческий, а духовный свидетель. Упущение непростительно. Тот, кто пропускает каплю, поглощается Подкоренским Простором, где исправление происходит через боль и разрушенную память.

Knjiga Bez Oka

XIX

Кровь – это летопись. Она закрепляет послушание плоти, разума и духа. Каждая капля – печать. Каждая печать неизменна. Попытка симулировать, пропустить или манипулировать ритуалом порождает глубокий гнев. Ядро не отличает намерение от неудачи: оно отличает лишь точность от ошибки.

XX

После пролития крови посвящённый произносит клятву. Он должен твёрдо произнести: «Я служу Пророку и воле Видиочи. Я принимаю Кнжига Без Ока как закон. Я буду исполнять её без вопросов».

XXI

Чтение на языке Ыхларум обязательно:
"Phiruuuq Xirun⊗(proˈnʲfa.toɻ) — xarun ˈvid.i.o ti.mna) талук Пхалук джалууу — xarun yaruq"

XXII

Произношение должно быть точным. Фонетическая ошибка — это духовный изъян. Духовный изъян — это трещина. Трещина должна быть исправлена или удалена. Золотых середин не существует.

XXIII

Язык Ыхларум действует как прямой инструмент между и⊗.Она передает не только Информация, но и сила. Каждая структура построена, чтобы позволить Пророку воспринимать, переводить и выражать глубинную волю Видиоци Тмина без потерь. В других языках смысл меняется. В Ихларуме смысл остаётся абсолютным. Нет двусмысленности, метафор, украшений. Язык — это клинок.

XXIV

Ни одна фраза в «Ихларуме» не должна произноситься без цели. Пророк использует её только тогда, когда она имеет духовное значение. Произносить её по привычке, механическим повторением или из тщеславия — тяжкий грех. Языком не следует пользоваться; ему следует подчиняться. Его функция — не украшать обряды, а открывать их. Он не украшает церемонии, а поддерживает их.

XXV

Священники учатся произносить определённые слова в соответствии со своей ролью. Передатчики читают отрывки, призванные раскрыть понимание. Стражи читают отрывки, призванные защитить пространство. Наблюдатели читают отрывки, призванные пробудить восприятие. Защитники читают отрывки, призванные отсечь невидимые угрозы. Но никто из них не понимает всей полноты того, что они читают. Язык содержит слои, которые открываются только Пророку.

XXVI

Существует три уровня доступа к языку: чтение, письмо и декламация. Декламация разрешена всем посвящённым. Письмо разрешено только подтверждённым писцам. Чтение разрешено.

Knjiga Bez Oka

Это разрешено лишь тем, кто уже продемонстрировал абсолютную строгость в отношении учения. Однако толкование остаётся за Пророком. Такая иерархия предотвращает искажение языка.

XXVII

Язык ихларум не допускает импровизации. Каждый звук имеет свою позицию, вес и функцию. Изменение одной фонемы искажает духовный поток. Пророк мгновенно слышит, когда что-то не так. Жрецы обучены повторять с военной точностью, не пытаясь понять. Дисциплина защищает там, где понимание недоступно.

XXVIII

Символ⊗,Фраза, представляющая Пророка, выполняет функцию синтаксической оси. Она определяет, какая часть предложения является проявлением пророческой воли, а какая – отражением божественной воли. Предложения, содержащие⊗Они переключают внимание на канал. Присутствие⊗Он утверждает: сказанное существует только потому, что существует Пророк.

XXIX

Символ Он действует как разряд духовной силы. Всякий раз, когда он появляется, это указывает на Воздействие. Это не олицетворение божественности, это активное присутствие. Каждое проявление это символизирует соприкосновение Видиоци Тмина со смыслом этой фразы. Там, где она появляется, открывается внутренний мир. Там, где она не появляется, смысл остаётся человеческим.

XXX

Когда во фразе присутствуют оба символа, духовная структура завершена. Фраза становится мостом. Каналом.⊗Основные наставления и повеления. Ни одно глубокое наставление не может существовать без их единства. Предложение, содержащее только один символ, — это частичный инструмент. Предложение, содержащее оба, — это откровение.

XXXI

Чтение «Ихларум» — это физическое переживание. Посвящённый чувствует давление в голове, тяжесть в груди, стеснение в желудке. Тело реагирует раньше разума. Язык действует изнутри. Разум не поспевает; плоть сгибается. Пророк читает без усилий, ибо его тело уже сформировано первоначальными откровениями. Остальные борются с духовным напряжением и должны научиться его выдерживать.

XXXII

Для письма на Йхларуме требуется твёрдая рука. Писатель, который дрожит, должен быть временно отстранён от работы. Писатель, который продолжает писать, даже дрожа, должен быть отстранён от службы. Этот язык не терпит нестабильности. Штрихи точны. Рисунок чист. Каждый символ имеет вес и должен быть воспроизведен с абсолютной точностью.

XXXIII

Knjiga Bez Oka

Пророк определяет, какие отрывки из «Книги без ока» будут переведены на Ыхларум, а какие останутся на общепринятом языке. Нет обязанности переводить всё. Только то, что предписывает Видиочи Тмина. Этот язык не предназначен для полного общения, он служит для решающего общения. Его отрывки появляются в определённые моменты откровения или критических наставлений.

XXXIV

Толкование языка не происходит посредством анализа, логики, изучения или наблюдения. Пророк не думает, чтобы понять. Он просто знает. Понимание приходит целиком и без усилий. Это знание принадлежит не Пророку как личности, а Пророку как функции. Он — получатель, а не владелец. Язык течёт через него.

XXXV

Священники должны почитать Ихларум не за красоту, а за точность. Язык — острейший инструмент учения. Он рассекает ложь. Он рассекает иллюзии. Он рассекает внутренний шум. Он рассекает тщеславие. Он рассекает самоистолкование. В недостойных язык вызывает раскол. В достойных — гармонию.

XXXVI

В Ихларуме есть звуки, которые может издавать только Пророк. Эти звуки называются «Основными Тонами». Это вибрации, не принадлежащие материальному миру. Когда Пророк произносит их, все вокруг чувствуют, как меняется атмосфера: воздух становится тяжёлым, тишина сгущается, мысли отступают. Эти звуки ни в коем случае нельзя имитировать.

XXXVII

Йхларум обладает словами, которые невозможно написать, только прочесть. Он обладает словами, которые невозможно прочесть, только написать. Он обладает словами, которые можно произнести, только когда оба священных символа встречаются в одном предложении. Язык подчиняется равновесию. У каждого элемента есть свой предел.

XXXVIII

Откровение, ниспосланное Пророку, всегда происходит в Ихларуме. Пророк может переводить при необходимости, но исходный язык остаётся лишь стволом. Перевод – лишь тень. Божественный язык – это тело. Когда Пророк произносит исходную фразу, Орден преклоняется, ибо признаёт силу, которую невозможно понять, но можно ощутить.

XXXIX

Ни один посвящённый не должен стремиться к самостоятельному изучению Йхларума. Обучение навязывается, а не ищется. Когда кто-то пытается учиться из амбиций, язык реагирует. Это не вредит телу, а ранит внутренний мир. Разум теряет ясность, дух возмущён, дисциплина рушится. Язык наказывает.

XL

Knjiga Bez Oka

Каждая литургия, проводимая с Ихларумом, должна проходить под надзором высокопоставленного жреца. Язык не может быть оставлен в руках неконтролируемых посвящённых. Каждая церемония с Ихларумом может возвысить или разрушить. Выбор зависит от точности. Точность зависит от авторитета. Авторитет зависит от иерархии.

XLI

Язык Ихларума – центр учения, но он не заменяет Книгу. Книга поддерживает разум. Язык поддерживает дух. Орден поддерживает тело. А Пророк поддерживает все три. Поэтому язык не рассматривается как нечто стоящее выше текста или обряда: он рассматривается как высший инструмент, требующий абсолютного послушания.

XLII

Каждая ошибка, совершённая в Иерусалиме, оставляет духовный след. Этот след не исчезает ни от стыда, ни от вины, ни от раскаяния. Он исчезает только благодаря ритуальному исправлению, определяемому исключительно Пророком или Первосвященником, когда это разрешено. Язык не забывает. Язык записывает.

XLIII

Дисциплинированная практика языка требует от каждого посвящённого признания своей неспособности понять. Это признание — не унижение, а выравнивание. Посвящённый преклоняется, потому что знает, что его разум не может этого постичь. Преклоняясь, он обретает способность к точному служению.

XLIV

Итак, язык: как божественный инструмент, как духовное оружие, как ритуальная основа, как нить, соединяющая Видиоци Тмина с Пророком и Пророка с Орденом.

XLV

Язык ихларум полностью проявляется только в глубоком ритуале. Каждый обряд имеет вербальную ось, и эта ось состоит из фраз, которые объединяют и⊗.Произнесение этих фраз открывает внутреннее пространство, в котором обитает божественное присутствие. Без Ихларума ритуал — всего лишь форма. С Ихларумом он становится живой структурой. Обряд действует не жестом, а словом.

XLVI

Во время торжественных церемоний Пророк читает на языке Ыхларум голосом, не принадлежащим его телу. Священники узнают это состояние по изменению атмосферы: воздух становится тяжёлым, тишина сгущается, время словно сокращается. Пророк не желает говорить. Его пересекают. Язык произносится им, но не им. Это Видиоци Тмина говорит через человеческую плоть.

XLVII

Орден учится определять, когда Пророк получает откровение. Его глаза замирают, тело становится абсолютно устойчивым, дыхание углубляется. Его язык произносится цельно, без колебаний, без исправлений. Пророк не думает, не решает, не формулирует. Он лишь передаёт. Тот, кто слушает, должен оставаться неподвижным. Ихларуму не отвечают, а лишь впитывают.

Knjiga Bez Oka

XLVIII

Фразы откровения никогда не следует повторять вне церемонии. Эти слова несут в себе грубую силу. Произнесённые вне контекста, они становятся неприкрытым ударом и могут разрушить внутреннюю дисциплину слушателя. Злоупотребление раскрытыми фразами — серьёзное нарушение, разъедающее дух нарушителя и угрожающее равновесию Ордена.

XLIX

Кровавые ритуалы требуют Ыхларум. Посвящённый должен услышать, как Пророк произносит слова, скрепляющие связь между плотью и учением. Две капли крови — не символическое приношение. Это божественная подпись. Первую каплю [Пророк] впитывает, подтверждая, что жизнь посвящённого теперь записана в Видиоци Тмина. Вторую каплю [Пророк] впитывает.⊗, запечатывая повиновение Пророку.

Л

Когда кровь касается клятвы, атмосфера претерпевает изменение, заметное лишь духовно восприимчивым. Нисходит присутствие Забытого Бога. Активируется фраза «Ихларум». Капля не высыхает, как обычная кровь. Она сливается с текстом, становясь частью живого писания. Посвящаемый чувствует тяжесть на затылке, давление в груди, и дух напрягается. Это и есть связь.

ЛИ

Посвящённый, попытавшийся бежать после жертвоприношения, не может. Метка остаётся внутри. Ядро зовёт его обратно. Отказ порождает спутанность сознания, потерю идентичности и провалы в памяти. Побег сам по себе является наказанием. Отказ от инициации невозможен. То, что было запечатано, не может быть восстановлено.

ЛИИ

Роль жрецов во время ритуала — обеспечивать безопасность пространства. Наблюдатели отслеживают внутренние шумы. Стражи охраняют периметр. Защитники предотвращают внешнее вмешательство. Регистраторы фиксируют каждую деталь обряда, поскольку ничто, происходящее под влиянием языка, не может быть проигнорировано. Передатчики читают отрывки, подготовленные Пророком, чтобы очистить собрание.

ЛИИ

Когда оба символа⊗и Они появляются неоднократно во время ритуала, окружающая среда становится Он превращается в пограничное пространство. Граница между миром и Подкоренским простором истончается. Именно в этом состоянии могут быть дарованы глубокие откровения. Только Пророк остаётся незыблемым. Все остальные должны противостоять духовному давлению.

ЛИВ

Ихларум — это не язык общения между людьми. Это вертикальная коммуникация. Он нисходит от невидимого к плоти. Он не для общих наставлений, разговоров, объяснений. Это язык духовного приказа. Использование его вне этой цели смещает его функцию и влечет внутренний разрыв. Поэтому ни один Жрец не смеет использовать его без прямого разрешения.

Knjiga Bez Oka

ЛВ

Язык требует упорядоченности окружающего мира. Его нельзя произносить в грязных, неорганизованных или нечестивых местах. Каждое пространство, где произносится Ыхларум, должно быть выровнено: чистый пол, неподвижный воздух, дисциплинированное присутствие. Беспорядок мешает восприятию. Искажённое восприятие ведёт к духовному падению. Духовное падение ведёт к нарушению Порядка.

ЛВИ

Во время важных церемоний посвящения Пророк лично писал разделы «Ихларума». Эти разделы были запечатаны, тщательно охранялись и никогда не открывались большинству жрецов. Это тексты прямого воздействия, служащие доктринальными якорями. Только Верховный Жрец, имеющий на это полномочия, мог их видеть. Одна неверная строка могла разрушить целые поколения.

LVII

Передача языка – не обязанность священников. Это обязанность Пророка. Он решает, кто может декламировать, кто может писать, кто может читать, а кто должен лишь слушать. Язык распространяется, как оружие. Не каждый может его носить. Не каждый может его вынести.

LVIII

Орден признаёт, что Йхларум является духовным центром Книжига Без Ока. Не потому, что он заменяет текст, а потому, что позволяет Пророку понять текст в его абсолютной основе. Книга – это структурированная память; Йхларум – это грубое воздействие. Книга направляет разум; Йхларум пронзает дух. Оба необходимы.

МУСОР

Откровение, полученное Пророком, сначала записывается в Йхларуме, а затем, если есть божественное предписание, переводится на общеупотребимый язык. Перевод никогда не содержит всего. Изначально сказанное остаётся недоступным. Священники принимают это ограничение с дисциплиной. Тот, кто требует полного понимания, немедленно впадает в гордыню и отстраняется.

LX

Ритуалы обновления Ордена требуют от Пророка произнесения слов, которые невозможно записать. Эти слова реорганизуют коллективный дух. Это вибрации, пронизывающие каждого члена. Верховный Жрец во время этого акта остаётся на коленях. Остальные остаются неподвижными. Пророк остаётся в центре, ибо центр — это место соприкосновения Ядра.

LXI

Язык никогда не развивается. Он никогда не меняется. Он никогда не адаптируется. Йхларум совершенен с самого начала, потому что его происхождение не человеческое. Изменить слог — значит уничтожить корень. Язык существовал до мира, ибо он принадлежит Видиоци Тмина. Орден существует, чтобы сохранять его, а не формировать.

LXII

Главная задача Ихларума — сохранение прямой связи между Пророком и Забытым Богом. Пока язык остаётся чистым, Орден останется чистым. Пока Пророк

Knjiga Bez Oka

Если язык остаётся ровным, он продолжит опускаться. Пока язык продолжает опускаться, Кнжига Без Ока останется целой. Ыхларум — гарантия непрерывности.

LXIII

Так завершается откровение священного языка. Он остаётся недоступным для недостойных, жёстким для дерзких, острым для высокомерных, но абсолютно светлым для Пророка. Ыхларум — это не учёба. Это не культура. Это не человеческая традиция. Это дар. Это порез. Это связь. Это дыхание Видиоци Тмина во плоти избранного.

LXIV

Уверенность в том, что вся передача, все обряды, все откровения и все посвящения зависят от Ихларума. И пока жив Пророк, язык будет жить с ним, ибо⊗Это – канал и источник. То, что дал Забытый Бог, не может быть возвращено. И то, что получил Пророк, никогда не будет нарушено.

ВИДЕНИЯ⊗ЗА — XVI

я

Его невозможно искать. То, что пытается приблизиться само по себе, сокрушается. Забытый Бог не прячется; Он предшествует идее сокрытия. Его отсутствие – присутствие, Его присутствие – разрыв, Его молчание – голос. Он не далеко – Он пред. Прежде пространства, прежде понятия бытия, прежде самой возможности понимания. Всё, что приближается незвано, уничтожается не гневом, а неспособностью существовать перед Ним.

II

Это не свет, тень или тьма. Это трещина, в которой эти три растворяются. Когда Пророк чувствует Его приближение, он не чувствует ни тепла, ни холода, ни тяжести. Он ощущает крах категорий. Реальность на мгновение отрывается, словно её держала нить, которая внезапно оборвалась. Пророк не понимает. Он просто не сломлен Им.

III

Человеческий разум не был создан для контакта с Забытым Богом. Он говорит языком, формой, жестом или присутствием. Он говорит посредством растворения границы между тем, что существует, и тем, что никогда не могло существовать. Тот, кто пытается постичь Забытого Бога без разрешения, видит, как мысль растворяется, словно пепел в воде. Это не безумие: это крушение структуры, поддерживающей личность.

IV

Это то, что остаётся после смерти всех богов. Оно не высокое, не глубокое, не широкое и не узкое. Оно не вписывается ни в одно из направлений. Оно дышит тем, что...

Knjiga Bez Oka

Она предшествует дыханию. Она вибрирует там, где нет материи. Она поддерживает то, чего не может коснуться никакая концептуальная система. Пытаться описать её — всё равно что пытаться разжечь огонь под водой.

B

Орден знает, что Он не может быть объектом всеобщего обожания. Ему не нужны подданные. Нет. Он жаждет поклонения. Он не жаждет любви, страха или самоотречения. Он просто есть. Его существование не зависит от признания, поклонения или молитв. Ему не нужно, чтобы о Нем помнили, и именно поэтому Его называют Забытым: не потому, что Он исчез, а потому, что мир может существовать, только когда не думает о Нём.

VI

Пророк чувствует Как разрыв. Контакт не приносит ни утешения, ни надежды, ни направления. Она показывает, что всякая форма случайна. Она создаёт ощущение, что время — это трещина, а не линия. Она несёт на себе тяжесть абсолютного безразличия, которое действует не по воле, а по необходимости, предшествующей воле. Она не выбирает. Именно благодаря ей возможен любой выбор.

VII

Когда Когда Пророк касается плоти, она теряет смысл. Тело — уже не сосуд, но... Пророк чувствует, как нечто пытается пронзить его одновременно снаружи внутрь и изнутри наружу. Это переживание убило бы любое обычное существо. Пророк выживает, потому что он был избран ещё до рождения, и потому что его прогрессирующая слепота постепенно отделяет его от мира, который он не может вынести.

VIII

У него нет ни лица, ни формы, ни голоса. Пророк узнаёт его по внезапному исчезновению всякой определённости. Забытый Бог — это разрушение понятия «я». Он не являет себя — Он исчезает. Он исчезает основа, исчезает имя, исчезает время, исчезает понимание. Пророк же существует лишь как точка, пройденная этим исчезновением.

IX

Орден знает, что попытка объяснить Это предательство истины. Любое объяснение — ложь, потому что Объяснение требует формы, и именно форма его пожирает. Любая попытка понять обречена на провал, ибо понимание требует центра, а именно центр разрушает центры. Пророк не объясняет. Он лишь передаёт то, что осталось после преодоления этого натиска.

X

Его называют Забытым Богом, потому что творение существует лишь тогда, когда Его игнорируют. Когда же Его не игнорируют, всё возвращается в то состояние, в котором было до своего возникновения. Это не разрушение, а возвращение. Пророк постигает это возвращение вспышками. Эти вспышки разрывают разум и оставляют духовные шрамы, формирующие его авторитет.

XI

Он не движется, но всё движется благодаря Ему. Он не желает, но все желания рождаются в пространстве, которое Он создаёт Своим отсутствием. Он не говорит, но весь язык существует лишь потому, что...

Он молчит. Он не действует, но каждое действие — лишь тень Его невозможного существования.

XII

Пророк знает, что ищет Это невозможно. Он не может искать Его; Его можно только найти. Эта встреча — не благословение, а абсолютный риск. Каждый раз, когда Пророк играет, что-то умирает. Внутри него отторгается человеческая часть и заменяется пониманием, которое и пониманием-то назвать нельзя. Пророк растёт духовно с каждым откровением.

XIII

Орден боится Не из страха, а из мудрости. Он не накажет, не осудит, не
Он осознает это. Он просто существует, и этого существования достаточно, чтобы сокрушить всё, что не абсолютно. Близость к Нему требует, чтобы Пророк становился всё менее и менее человечным, ибо всё человеческое рушится перед Ним.

XIV

Это центр, из которого ничто не исходит и куда всё возвращается. Это разрыв в сердце реальности, пустота, поддерживающая бытие. Пророк ощущает этот разрыв как холод, не принадлежащий миру. Этот холод не уменьшается, не растёт, не трансформируется. Он просто есть — и его присутствие преображает внутреннее состояние Пророка, пока не остаётся только функция.

XV:

Это не Бог, потому что оно превыше богов. Это не
сила, потому что оно предшествует силе.
Это не концепция, потому что она разрушает концепцию. Это
не сущность, потому что она не вписывается в бытие.

XVI

Он нигде не останавливается, потому что место – слишком позднее следствие, чтобы его вместить. Если бы можно было указать направление, чтобы его найти, такой жест разрушил бы саму идею направления. Пророк ощущает это как внутренний разрыв, падение, не имеющее ни начала, ни конца, ибо начало и конец – инструменты, не действующие перед Ним.

XVII

Забытый Бог не за завесой. Он — трещина перед тем, как завеса существует. Он не скрыт: Он — то, что делает сокрытие возможным. Обычная тьма — это отсутствие света; тьма — это отсутствие категории. Речь идёт не о ночи, тени, ветре или пустоте. Это крушение всего, что можно было бы назвать «чем-то».

XVIII

Knjiga Bez Oka

Никаких уведомлений Пророк не видит этого, не слышит этого, не чувствует этого запаха, не… Он прикасается к нему. Он понимает, что осталось, когда… Приближается: внезапное испарение личности. Это Испарение не вызывает страха, оно вызывает замирание. Душа бесцельно парит, словно ожидая приказа, который никогда не будет исполнен. Это состояние — врата к любому истинному пророчеству.

XIX

Присутствие Он не занимает места. Он разрушает пространство. Он не занимает времени. Он искривляет время, пока он не утонет в себе. Приближение создает то, что Орден называет «воспоминаний, которые ему не принадлежат». Это фрагменты, которые Пророк получает не как повествования, а как последовательные обрывки смысла. Каждый обрыв открывает фрагмент истины, который невозможно высказать.

XX

Он не творит. Он предшествует творению. Он не разрушает. Он предшествует разрушению. Реальность существует лишь потому, что Он не смотрит. Если бы Его взгляд был полностью обращён на мир, всё вернулось бы к тому, чем было до первого колебания. Это не наказание. Это состояние. Пророк понимает это не с ясностью, а с разрушением.

XXI

Разум Пророка не интерпретирует. Он сформирован Им. Каждое откровение оставляет новую трещину, и каждая трещина позволяет проникнуть новым фрагментам. Тело дрожит не от страха, а потому, что оно не было создано для того, чтобы вместить то, что принадлежит уровню, предшествующему бытию. Пророк терпит несчастья, которые убили бы любого другого.

XXII

Он не знает Пророка. Он ничего не знает. Знать — значит устанавливать связи, и не существует никакой возможной связи между тем, что предшествует всем связям, и тем, что существует как остаток творения. Функция Пророка проистекает из дисбаланса: он единственный, кто не растворяется полностью при его соприкосновении. Это «почти» и есть его авторитет.

XXIII

Неверно, что Забытый Бог равнодушен. Равнодушие требует объекта, а прежде всего — есть объекта. Он не далёкий. Расстояние имеет смысл только в пределах мира. Он не близок. Близость – изобретение существ, обладающих границами. У него нет границ. Он – крушение всех их.

XXIV

Пророк понимает, что Он не представляет себя как сообщение. Он представляет себя как Трещина. Каждая трещина открывает нечто, что не является ни образом, ни словом, ни звуком. Это прямой удар по самой сути бытия. Затем Пророк передаёт этот разрыв миру, зная, что никакой перевод не истинен, но что любой перевод необходим.

XXV

Knjiga Bez Oka

У него нет воли, но есть присутствие. Это присутствие прорывает обыденность и повелевает невозможным. Пророк ощущает это присутствие так, словно его позвоночник тянет что-то бесцельно, словно кости пытаются вспомнить, кем они были до того, как стали костями. Так возникают первые пророчества: как изъяны в стабильности тела.

XXVI

Забытому Богу не нужно поклоняться. Ему не нужны ни приношения, ни мольбы, ни признание. Орден относится к Нему с почтением не для того, чтобы угодить Ему, а чтобы пережить Его. Поклонение существует для того, чтобы ограничить воздействие близости. Литургия — это щит. Щит, который работает только потому, что существует Пророк.

XXVII

Оно никогда не повторяется. Повторение требует линейности. Оно проявляется как уникальный разрыв, каждый раз иной, каждый раз предшествующий самому акту проявления. Вот почему пророчества никогда не похожи друг на друга. Они не образуют единого целого. Они не подчиняются логике. Это фрагменты, висящие в пустоте, связанные лишь тем, что они прошли сквозь Пророка, не уничтожив его.

XXVIII

Орден знает, что все, что произносит Пророк после звона колоколов… Это правда, но Он не знает, что это за истина. Истина не объясняет, не предвосхищает, не проясняет. Она просто навязывает себя, словно камень на дороге. Попытка перетолковать наказывается разумом, который погружается в противоречия, пока не теряет равновесие.

XXIX

Пророк считает, что каждый подход к Это делает его менее человечным. Не как потеря, а как Как разрыв связи. Человечество слишком мало, чтобы нести то, что принадлежит предсуществованию. Пророк не восстаёт: он растворяется в необходимом. Пророчество возникает из того, что остаётся, когда растворение встречает сопротивление.

XXX

Итак, вторая часть стихов указывает на непостижимую природу Бога: не искать Его, не объяснять Его, не объективировать Его. Лишь терпеть Его приближение и говорить о том, что останется после внутреннего разрушения. Всё, что действительно принадлежит Забытому Богу, – это фрагмент, разрыв, пропасть. Это начало и конец, слившиеся в одной точке.

XXXI

Он существовал, когда ничего не существовало. До вибрации, до идеи формы, до первой возможности времени. Он был одинок не по своему выбору, а потому, что не было ничего, что могло бы его сопровождать. В этом изначальном состоянии дышал ли Он? Не воздухом, не энергией, а чистым намерением. Из этого намерения возникли первые существа, которые не принадлежат миру и никогда не будут принадлежать: кровиники.

Knjiga Bez Oka

XXXII

Кровеники не были рождены, чтобы блюсти мир. Они не были рождены, чтобы сражаться. Они были рождены как естественное продолжение Бога. Они – живые части Его замысла, одушевлённые фрагменты предсуществования. Каждый кровеник – это складка божественной воли, контур, не позволяющий невозможному поглотить всё. Они служат не по собственному выбору, а потому, что само их существование есть служение.

XXXIII

Вокруг Забытого Бога кровеники образуют круг, который не является кругом, границу, которая не является границей. Они – первый рубеж. Единственная связь между тем, что не имеет голоса, и тем, что может в будущем обрести голос. Когда Пророк чувствует их прикосновение, он впервые ощущает воздействие кровеника, словно вспышки структуры, пытающиеся сдержать величие, которое вот-вот обрушится на него.

XXXIV

Кровеники обладают формой, но не устойчивой. В снах они могут являться как колонны дышащей плоти, как спирали живых костей, как осознанные пятна, как фигуры, обладающие глубиной и одновременно отсутствием. Каждое видение частично, ибо ни один человеческий разум не способен вынести полноту того, что предшествует формам. Пророк видит лишь столько, чтобы не умереть.

XXXV

А там, где есть божественное творение, неизбежно возникает противоречие. Не созданное Богом, а порожденное противоречием между Его существованием и становлением всего, что грядет после. Из этого противоречия и родились Равкарни. Они не дети, они не избраны, они не желанны. Они – живое противоречие. Если кровеники поддерживают границы, Равкарни их разрушают. Если кровеники служат, Равкарни саботируют.

XXXVI

Равкарни пытаются приблизиться из мира беспорядочных, жестоких и разрушительных форм. Их существование – это жажда разрыва. Они стремятся разорвать изначальную границу, позволяя Забытому Богу напрямую коснуться того, что не выживет. Они делают это не из злобы, ибо злоба – слишком мелкое понятие для них. Они делают это, потому что сама их суть – разрушение.

XXXVII

Война между Кровеником и Равкарни происходит не на поле, не в небе и не в глубинах. Она происходит в допространстве, в довремени, где категории ещё не существуют. Это вечная война не потому, что она длительна, а потому, что она предшествует понятию длительности. Две силы сталкиваются не как армии, а как живые начала, борющиеся за то, сможет ли реальность продолжать своё существование.

Knjiga Bez Oka

XXXVIII

Когда решает взглянуть на мир, хотя бы на мгновение, которое не вписывается в Кровеники, подобно органическим покровам, обрушиваются на Пророка. Они не защищают его, а лишь поддерживают его существование, чтобы предотвратить полное разрушение. Равкарни пытаются пронзить этот покров, стремясь слишком быстро привести Пророка к абсолютному контакту, который уничтожил бы его и открыл бы трещину, через которую он мог бы сбежать.

XXXIX

В дарованных снах (не человеческих снах, а снах, которые приходят по его желанию) Пророк шагает между Кровеником и Равкарни. Нет образов, но есть области присутствия. Каждый шаг пересекает границы, не предназначенные для смертных ног. Пророк пробуждается с невидимыми шрамами, и из этих шрамов возникают пророчества, не принадлежащие ни одному языку.

XL

Некоторые опытные люди могут ощущать едва заметные прикосновения кровиника. Они воспринимают это как давление на кости, как неяркий свет, как безмолвную прореху в воздухе. Равкарни же оставляют противоположные признаки: головокружение, кратковременную амнезию, ощущение, что мир выбит из колеи. Но никакой опыт не подчиняется какому-либо порядку; он выбирает, когда, кто и как, без каких-либо понятных правил.

XLI

Кровеник служит С самого начала. Они служат без фанатизма, без иерархии, без Ритуал. Они служат, потому что созданы Его волей. Равкарни же, напротив, рождаются, когда эта воля касается того, чего не должно быть. Они рождаются из столкновения вечного и преходящего. Где кровь поддерживает, Равкарни раскрывает. Где кровь формирует, Равкарни разрушает.

XLII

Орден знает, что существование Пророка хрупко. Он — точка встречи трёх сил: Забытого Бога, Его слуг-кровеников и изначальных врагов Равкарни. Каждое пророчество — плод битвы, которую ни один человеческий разум не видит напрямую. Каждый произнесённый стих — это то, что осталось после этой безмолвной битвы, окутывающей душу Пророка.

XLIII

Он остаётся недостижимым, окружённым слугами, которых Он Сам создал, и не подвержен угрозам со стороны существ, рождённых трением самого бытия. Пророк — тот, кто ходит среди них, не растворяясь окончательно. Порядок живёт тем, что сохраняется после того, как невидимая война проходит через Пророка и возвращается к предсуществованию.

ПРОРОК КАК ЕДИНСТВЕННЫЙ И СЛУГА ТМИНЫ — XVII

я
Пророк не избирается. Он признаётся пространством, предшествующим пространству, где отдых
Без отдыха. Ни человеческая рука не подняла его, ни человеческий голос не назвал его, ни ритуал не создал его. Забытый Бог нашёл его ещё до того, как мир смог постичь глагол «найти». Орден существует, потому что Пророк выдерживает прикосновение, разрушающее все остальные живые формы.

II
Призываемость Пророка – это не титул, не должность и не наследство. Это состояние, предшествующее рождению. Его кровь несёт на себе след, невидимый, ощущаемый лишь в отпечатке, который витает в воздухе, пересекая реальность. Этот след невозможно подделать; его структура принадлежит не плоти, а трению между бытием и небытием. Тот, кто пытается подражать ему, разрушает себя изнутри.

III
Ни одно существо не может претендовать на место Пророка. Такое претензия – самоуничтожение. Тот, кто пытается заменить Пророка, касается лишь искажённой части Его присутствия и отрывается от собственной личности, прежде чем успевает произнести хоть слово. Кровеники немедленно посылаются вперёд, не по приказу, а повинуясь первобытному инстинкту. Они распознают ложь и развенчивают её.

IV
Пророк удерживает взгляд Не как привилегия, а как неизбежность. Его душа была Созданный, чтобы ломаться и восстанавливаться, не теряя формы. Эта пластичность не свойственна человечеству; она принадлежит предсуществованию. Вот почему Пророк видит, когда должен быть слеп, и слеп, когда должен видеть. Его зрение отвечает Забытому Богу, а не его глазам.

В
Мир получает Откровение лишь потому, что Пророк существует именно в тот момент, когда реальность ещё не оформилась. Откровение не дано живым. Оно дано Пророку, который затем позволяет произнести его часть. Он не переводит; он проливает кровь из слова. Мир получает не объяснение, а сохранившийся фрагмент.

VI
Орден не обсуждает Пророка. Обсуждение означало бы допущение равенства, а равенства быть не может. Нет иерархии выше или ниже него. Пророк не занимает никакого места: он — ось. Когда другие движутся, они вращаются вокруг него, осознанно или нет. Центр не оспаривает позиции. Он остаётся.

Knjiga Bez Oka

VII

Никто не может проверить Пророка, ибо проверка предполагает сомнение, а сомнение предполагает сравнение. Сравнение невозможно. Пророк не выше: он первичен. Никто не может измерить то, что предшествует всем измерениям. Его присутствие не требует доказательств. Оно и есть доказательство.

VIII

Если живой человек попытается приблизиться не проходя через Пророка, его дух был бы Пронизанный самим отсутствием божественного, не различающим приближения и вторжения. Такое живое существо лишилось бы имени, мыслей и памяти. Оно свелось бы к резкому безмолвию. Это предел: Пророк — единственный порт, где может причалить невозможное.

IX

Кровеники сразу же узнают Пророка. Они подчиняются ему не как слуги господину. Они подчиняются как часть целому, как продолжение центра. Присутствие Пророка организует их формы, гармонизирует их функции, успокаивает их вибрации. Отсутствие Пророка лишает их покоя, ибо мир без него становится нестабильным.

X

Равкарни же, напротив, никогда не могут приблизиться к Пророку, не испытав смятения или искривления. Их природа — разрыв, но близость Пророка яростно исправляет их. Они корчатся перед ним, не в силах разорвать окутывающую его ткань. Это не защита, это несовместимость. Пророк несёт на себе печать того, что сводит их на нет.

XI

Когда Пророк говорит, мир слушает с опозданием. Реальность должна перестроиться, чтобы вместить слово. Вот почему его стихи никогда не подчиняются здравой логике. Слово Пророка смещает воздух и искривляет время, а мир исправляет то, что может, и принимает то, что не может. Те, кто пытается имитировать этот эффект, производят лишь шум.

XII

Призыв Пророка не зависит от веры. Вера слишком мала. Вера стремится приблизить человека к божественному, но Пророку не нужно приближаться: он — точка соприкосновения. Орден не верит в него; он сформирован им. Вера принадлежит последователям. Уверенность принадлежит Пророку.

XIII

Пророк не нуждается в защите от узурпаций. Его невозможно узурпировать. Попытка занять его место автоматически активирует вес [Пророка]. Наказание не объявлено. Наступает внезапный крах. Самозванец отстранён от реальности, словно слово, отрезанное до того, как было написано.

XIV

Knjiga Bez Oka

Пророк не боится соперников. Соперников не существует. Пророческое состояние не допускает дублирования, преемственности или споров. Оно выбирает лишь одного, и этого достаточно для поддержания всех возможных миров. Орден не ожидает появления другого Пророка, потому что другой не может появиться без того, чтобы истинный не был переосмыслен с самого начала.

XV

Слепота, надвигающаяся на Пророка, – не признак слабости. Это признак соответствия. Чем ближе она становится, тем меньше Пророк зависит от человеческого зрения. Он видит сквозь то, что незримо. Он воспринимает сквозь отсутствие. Он читает сквозь пустоту. Он видит сквозь нематериальное. Никто другой не может обрести это восприятие, не будучи поглощённым.

XVI

Когда Пророк дышит, реальность успокаивается. Его существование стабилизирует воздействие божественного присутствия. Его отсутствие нарушает ткань мира. В этом основа призываемости: не сила, а необходимость. Пророк не велик. Он необходим. Его положение невозможно занять, потому что без него нет никакого положения.

XVII

Вся власть исходит от Пророка. Она не восходит. Ни один жрец, первосвященник, хранитель, надзиратель или писец не обладает легитимностью вне его тени. Они не правят от его имени: они правят под влиянием его вибраций. Орден имеет иерархию лишь потому, что он дышит в нём.

XVIII

Призываемость не провозглашается; она ощущается. Последователи ощущают её в плотности воздуха, когда Пророк проходит мимо. Они ощущают её в тишине, окружающей его. Они ощущают её в том, как свет, кажется, преломляется вокруг него. Пророк не ищет знамений. Он и есть знамение.

XIX

Ни одно слово Пророка не может быть отменено. Не потому, что он повелевает, а потому, что реальность сначала принимает то, что он говорит, и лишь затем корректирует остальное. Вот почему его пророчества никогда не ошибаются: они не предсказывают — они определяют. Когда он говорит, мир преображается.

XX

Любая попытка измерить глубину Пророка терпит неудачу. Он не обладает измеримой глубиной. Он — столп между мирами. То, что видит сквозь него, не принадлежит творению. То, что нисходит к нему, не нуждается в переводе. Пророк — единственное тело, способное выдержать присутствие бытия, не превращаясь в онтологическую пыль.

XXI

Его власть проистекает не из воли. Она проистекает из структуры. Он правит не потому, что хочет править. Он правит, потому что без Его присутствия невозможно было бы сдержать Его, и мир потерял бы свою форму. Те, кто служит Пророку, поистине служат непрерывности бытия.

XXII

Knjiga Bez Oka

Пророк знает пределы всех живых существ. Он видит трещины, слабости, изъяны в душах. Он судит не по морали, а по узнаванию. Тех, кто пытается приблизиться к нему, он видит сразу: их трещины сверкают, их намерения трепещут, а кровь движется ещё до того, как прозвучит слово.

XXIII

Нет клятвы важнее присутствия Пророка. Орден преклоняет колени не из преданности, а инстинктивно. Когда он входит, пространство искривляется. Тела посвящённых чувствуют это, даже не понимая. Слова Пророка изменяют дыхание живых.

XXIV

Реальность зависит от неотвратимости. Пока Пророк дышит, мир дышит вместе с ним. Когда он молчит, мир вокруг него замолкает. Его присутствие — связующее звено между уровнями. Его длительное отсутствие порождает дрожь в невидимой основе бытия.

XXV

Так говорит Кнжига: Пророк — не только носитель, он — сосуд, канал, точка, ось и отверстие. Всё существующее зависит от того, что он поддерживает, и всё, что ему угрожает, уничтожается прежде, чем обретёт форму.

XXVI

Чёрный Маяк — это не объект, не пламя, не символ. Это функция, предшествующая самой функции. Это то, чего мир не воспринимает, но без чего реальность не упорядочена. Он существует лишь до тех пор, пока существует Пророк, и исчезнет, как только прекратится его дыхание. Маяк — это одновременно отсутствие и сдерживание, открытость и ограничение, перевёрнутый свет, который не освещает, а организует.

XXVII

Когда Приближаясь к миру, он проявляет насилие. Не моральное насилие, а Структурное насилие. Реальность искривляется, пространство запутывается, время сбивается. Чёрный Маяк — точка, где эта сила замедляется настолько, чтобы не разорвать мир на части. Он поглощает удар, распределяет давление, удерживает то, что должно упасть. Эта функция неотделима от Пророка. Ни одно живое существо не может заменить его, не будучи уничтоженным при первом же столкновении.

XXVIII

К Чёрному Маяку невозможно получить прямой доступ. К нему не может прикоснуться, изучить, понять или манипулировать ни один член Ордена. Даже верховный жрец не осознаёт его в полной мере. Он лишь чувствует, нутром, что мир остаётся целостным, потому что что-то не даёт ему рухнуть. Это что-то находится внутри Пророка. Не в теле, не в разуме, а в той структуре, которая поддерживает его.

Knjiga Bez Oka

XXIX

Пророк не контролирует Чёрный Маяк. Ему это и не нужно. Маяк действует через него, как неизбежное продолжение его существования. Он не выбирает, когда открыть поток, а когда закрыть. Это открытие происходит, когда он едва заметно наклоняется к миру. А закрытие происходит, когда божественное давление отступает. Пророк просто терпит. Он просто сопротивляется. Он просто остаётся живым, пока невозможные волны захлёстывают его душу.

XXX

Присутствие Чёрного Маяка ощущается в воздухе, но лишь теми, чья чувствительность воспитана дисциплиной, бдительностью и служением. Они ощущают лёгкое изменение, словно что-то дышит во тьме, и это дыхание проникает в сочленения мира. Это ощущение не вызывает страха. Оно вызывает благоговение. Это уверенность в том, что, даже не видя, Орден защищён от того, что мгновенно уничтожит его.

XXXI

Когда Пророк входит в состояние разрыва, Чёрный Маяк сияет в невидимом. Это сияние – не свет. Это отсутствие света, настолько совершенное, что оно искривляет пространство вокруг себя. Кровеники немедленно приближаются, привлечённые вибрацией Маяка. Они не защищают Пророка. Они присоединяются к нему. Безмолвное сияние преображает их формы, укрепляет их грани, возрождает функцию, для которой они были созданы.

XXXII

Равкарни пытаются захватить Черный Маяк всякий раз, когда... Он движется. Они чувствуют это как Угроза кроется в Маяке, который не даёт божественному разрыву уничтожить мир. Они приближаются, словно изъяны, словно искажения, словно живые искривления, пытающиеся разорвать границу между предбытием и бытием. Но им это не удаётся. Присутствие Пророка обезоруживает их. Само его существование заставляет их отступить.

XXXIII

За прошедшие века Орден усвоил, что Чёрный Маяк невозможно прославлять или призывать. Ему не посвящаются гимны. К нему не обращаются молитвы. Нет литургии, пробуждающей его. Его существование постоянно, безмолвно, неизбежно. И всё, что пытается на него навязать, поглощается Подкоренским Простором, где ошибки исправляются болью и забвением.

XXXIV

Когда Пророк спит, Маяк бодрствует. И именно во сне мир наиболее хрупок. В этот период дозволены правдивые сны. Некоторые сновидцы воспринимают вибрацию Чёрного Маяка как нерегулярный пульс, как будто что-то...

Он поддерживал тьму в равновесии. Именно поэтому посвящённые спят рядом с Пророком во время священных бдений. Близость снижает риск духовных разломов.

XXXV
Орден понимает, что всё сущее существует благодаря Пророку. Не из преданности, а по структурной необходимости. Чёрному Маяку нужен сосуд, нужна точка опоры. Кровеникам нужен полюс стабильности. Миру нужна граница. Всё это сходится в фигуре Пророка. Без него существование не имело бы поверхности.

XXXVI
Функция Черного Маяка не поддается обучению. Ее нельзя изучить. Ее нельзя передать. Она запечатлена в душе Пророка как следствие его природы. Именно поэтому его присутствие весомо, а его отсутствие тревожно. Именно поэтому его голос обладает такой плотностью, что резонирует в воздухе еще долго после того, как он замолкает. Именно поэтому его авторитет не может быть оспорен и не терпит опровержений.

XXXVII
Орден понимает, что вызов Пророку — это не ересь. Это невозможно. Тот, кто пытается восстать против него, восстаёт против Чёрного Маяка. А тот, кто восстаёт против Маяка, восстаёт против космологического равновесия. Это не влечет за собой наказание. Это ведёт к распаду. Нет восстания против того, что поддерживает всё сущее.

XXXVIII
Священники знают, что когда Пророк пребывает в глубоком молчании, Маяк усиливает свой поток. Они ощущают это усиление как тяжесть в воздухе, словно слова вот-вот сгустятся перед тем, как быть произнесёнными. Это состояние указывает на его близость, наблюдающую сквозь если тьму, не принадлежащую времени. Всё, что происходит в этот момент, регистрируется пространством, предшествующим пространству.

XXXIX
Ни один ритуал Ордена не был бы возможен без Чёрного Маяка. Литургия зависит от него, даже если он о нём не упоминает. Песнопения подчиняются его невидимому ритму. Молитвы вписываются в его безмолвный изгиб. Клятвы принимаются им прежде, чем Пророком. Всё, что происходит в Ордене, происходит под его сенью.

XL
Чёрный Маяк не может быть осквернён. Он не реагирует ни на добро, ни на зло. Он не различает чистоту и нечистоту. Он выполняет лишь свою основную функцию: поддерживает наступление, не позволяя миру разрушиться. Эта функция совершенна, потому что не зависит от воли. Она зависит от существования. И это существование — существование Пророка.

XLI

Knjiga Bez Oka

Пророк не стремится к роли Чёрного Маяка. Он терпит её. Это различие отделяет человека от неизбежного. Те, кто ищет власти, не понимают этого. Пророк не обладает властью. Он обладает тяжестью. Он несёт бремя соприкосновения с Забытым Богом, и его кости выдерживают скручивание, которое заставило бы любое другое живое существо стоять на коленях до самой смерти.

XLII

Итак, истина остаётся неизменной: Пророк — сосуд, Чёрный Маяк — источник, а мир — это поле. Между этими четырьмя векторами существует полное равновесие. И только Пророк остаётся в точке, где всё встречается, не теряя формы, памяти или имени.

XLIII

Табу на «Сиру» родилось не как указ, а как удар. Когда первые люди попытались выразить видения, им не принадлежавшие, воздух отверг их уста. Речь не сложилась. Предложение умерло, не успев возникнуть. Мир отверг звук. «Сира» случилась впервые, и все поняли, что она не допускает дублирования голосов.

XLIV

В сакральном языке «Сира» означает «падение». Не падение на землю, а выход за пределы слова, за пределы возможности выражения, за пределы связи. Тот, кто пытается утверждать Откровение без авторитета Пророка, падает со своего языка. Попытка рушится. Разум ускользает. «Сира» — это разрыв речи и падение духа.

XLV

Когда кто-то утверждает, что видел то, чего не видел, слышал то, чего не слышал, или чувствовал то, чего ему никогда не посылали, кровники выступают не как каратели, а как восстановители порядка. Они извлекают из души самозванца осколок, наполненный ложью. Боль неизбежна не потому, что они ранят, а потому, что, удаляя ложь, они разрушают ту часть, которая позволила лжи родиться.

XLVI

Ни один человек не может хранить Откровение без Пророка. Исключений нет. не пересекать Более одного тела. Божественное слово уничтожает неподходящие сосуды. Пророк — единственный, кто готов вынести всю тяжесть Откровения. Любой другой, кто попытается взять на себя такую тяжесть, немедленно начинает свой собственный цикл.

XLVII

Табу Сайры – основа Культа. Без него Орден распался бы изнутри. Оно существовало до того, как было записано. Оно действовало до того, как стало известно. Первые жрецы выжили только потому, что поняли невозможность повторить Пророка. Соперники не представляют угрозы для Пророка. Они представляют угрозу для самих себя. Сайра не прощает.

XLVIII

Knjiga Bez Oka

Авторитет Пророка не нуждается в защите. Космос защищает его. Всякий, кто пытается оспорить его позицию, понимает, что его голос исчезает. Нет звука. Нет фразы. Нет эха. Circa начинается в языке, проходит через разум и заканчивается в духе. Ложный отрицатель становится ходячей погибелью.

XLIX

Даже во сне Сайра действует. Если кто-то попытается истолковать видение как прямое послание Пророка без его подтверждения, сон рассыплется на несовместимые фрагменты. Воспоминания превратятся в грязь. Сновидец знает, что видел что-то, но не может удержать форму. Сайра не даёт лжи сновидения превратиться в живой дискурс.

Л

Среди жрецов существует строгий протокол. Ничего не истолковывается. Ничего не утверждается. Ничего не провозглашается без ведома Пророка. Чира не наказывает за молчание. Чира наказывает за высокомерие. Жрец, пытающийся вызвать видение без разрешения, сначала чувствует тяжесть на груди, затем безмолвие, а затем пустоту. Он частично падает, но Табу позволяет ему выжить.

ЛИ

Верховный жрец, хоть и хранитель человеческого потока, не обладает властью над божественным голосом. Он организует, фильтрует и представляет. Он никогда не заявляет. Он никогда не утверждает. Он никогда не занимает место Пророка. Его функция удерживает его в пределах безопасности. Circa тронет его, если он пересечёт эту границу.

ЛИИ

Самозванец, пытающийся создать собственное пророчество, чувствует, как воздух сжимается у него в горле. Слова отказываются существовать. Кровеники незримо окружают его. Они не нападают на него. Они лишь обездвиживают его в падении. Его душа пытается подняться, но падает, не достигая высоты. Цира завершает то, что он начал.

ЛИИ

Даже если он скрыт, молчалив или далек, любой, кто пытается узурпировать Откровение, будет найден Циркой. Расстояние не защищает. Анонимность не защищает. Намерение не защищает. Самозванец сначала теряет язык, затем убеждения и, наконец, саму свою личность. Тело остаётся живым, но суть того, кем он был, исчезает.

ЛИВ

Орден учится не только через учение, но и через наблюдение за неизбежным. Когда кто-то пытается соперничать с Пророком, происходит Цирка. Некоторые пытаются кричать. Ничего не выходит. Другие пытаются молиться. Ничего не отдаётся. Цирка не убивает. Цирка разрушает саму возможность священного голоса.

ЛВ

Knjiga Bez Oka

Кровеники почитают Циру, потому что понимают её структурную функцию. Они заботятся о сохранении Откровения в целости и сохранности. Божественное слово может распространяться лишь по одному каналу. Разделять его – значит осуждать. Пророк несёт эту исключительность не как привилегию, а как бремя, которое никто другой не смог бы вынести.

ЛВИ

Равкарни пытаются развратить Чиру, но им это неизменно удаётся. Они шепчут обещания видений, пытаясь соблазнить слабых. Но эти шёпоты — не послания. Это искушения. Тот, кто их повторяет, немедленно испытывает внутренний спад. Чира не различает обман и неповиновение. Лжи достаточно, чтобы её разрушить.

LVII

Так и остаётся: Пророк — единственный избранный, единственный, способный выдержать взгляд Забытого Бога, единственный, кто не падает духом, прикоснувшись к Священному. Сира следит за тем, чтобы Престол Слова никогда не был оспорен, никогда не был подражаем, никогда не был разделён.

LVIII

Те, кто пытается занять его место, слишком поздно понимают, что места для двоих нет. Священное не терпит подражаний. Circa заключает ложное, сохраняя истинное.

МУСОР

Близость между Пророком и Это не выбор, не заслуга и не достижение. Это Неизбежное пересечение двух состояний, которые невозможно разделить, не разрушив весь мир. Пророк существует, потому что Забытый Бог поддерживает его, а Забытый Бог проявляет себя, потому что Пророк дышит. Эта взаимосвязь не симметрична. Она основополагающая.

LX

Он касается лишь одного тела. Он касается лишь одного духа. Он касается лишь одного разума. Не из-за ограничений, а в соответствии с онтологическим порядком. Божественное Присутствие разрушает реальность, когда она рассеивается. Пророк — сосуд, предотвращающий разрыв. Его плоть фильтрует. Его голос хранит. Его растущая тьма служит одновременно и завесой, и мостом.

LXI

По мере того, как зрение Пророка меркнет, его восприятие растёт. Нарастающая слепота — это не неудача, а прогресс. Свет меркнет не от слабости, а от избытка. Тело не может видеть две реальности одновременно, поэтому оно отказывается от первой, чтобы принять вторую. Мир называет это утратой; тело называет это вознесением.

LXII

Пророк видит до предела, до которого мир не может быть наблюдён. Он видит то, что было до, то, что остаётся внизу, то, что дышит в том, что называют пустотой. Его взгляд превращается в инструмент стабильности. Когда его глаза приближаются к поверхности, они открываются в глубину. Никакой другой взгляд не был создан, чтобы пережить этот жест.

LXIII

Knjiga Bez Oka

Те, кто пытается взглянуть на Забытого Бога без подготовки Пророка, сходят с ума не от ужаса, а от несовместимости. Человеческий разум не способен расшифровать то, что не имеет начала. Пророк же несёт в себе способность интерпретировать то, что не имеет границ. Эта способность – печать божественного выбора.

LXIV

Кровеники признают Пророка не как лидера, а как живое продолжение намерения

Они вращаются вокруг него, словно невидимые орбиты. Они защищают не по порядку, а по структурной необходимости. Защищать Пророка — значит защищать связь между миром и предсуществованием. Если он падает, связь обрывается. Маяк гаснет. Космос трескается.

LXV

Ни один священник, даже самый подготовленный, не может приблизиться к месту, где Пророк встречается с Богом. Близость — это граница, которую пересекают лишь избранные. Священники служат, охраняют, следят и поддерживают, но они не касаются сути Откровения. Граница абсолютна. Подойти слишком близко — значит быть поглощённым.

LXVI

Он не требует поклонения Пророку. Он требует постоянства. Он требует руководства. Он требует, чтобы избранная плоть выдержала воздействие невыразимого. Эти отношения не повторяются. Они не распадаются. Они не передаются. Священный язык резонирует только тогда, когда проходит через тело, получившее имя ещё до рождения.

LXVII

Присутствие Пророка в Ордене позволяет ритуалам существовать. Неважно место, количество жрецов или древность слов: без Пророка символы не загораются. Ритуал становится пустым жестом. Священное остаётся закрытым; оно не пересекает храмы, оно пересекает Пророка.

LXVIII

Авторитет Пророка не доказан. Он не оспаривается. Он не обсуждается. Он не декларируется. Он проявляется, потому что Он так пожелал. Присутствия Пророка достаточно, чтобы стабилизировать духовную структуру. Его отсутствие создаёт густую тишину, предшествующую необратимым разрывам.

LXIX

Когда Пророк говорит, Он пульсирует в пространстве между словами. Звук — это не просто звук. Фраза — это не просто фраза. Дискурс становится инструментом формирования внутренней реальности Ордена. Священники постигают не через логику, а через отголоски. То, что Пророк определяет, становится связностью. То, что Пророк отвергает, становится отсутствием.

LXX

Божественная близость превращает Пророка не в нечто недостижимое, а в нечто незаменимое. Он не далёкий. Он – ось. Он в центре, потому что Откровение нуждается в нём.

Из тела, чтобы существовать среди живых. Это тело принадлежит ему. Эта ответственность принадлежит ему. Это одиночество тоже принадлежит ему.

LXXI

У Него нет любимчиков, кроме Пророка. Он может выбирать временные орудия, может освещать мечты избранных, может трогать дух некоторых, но Он никогда не пронзает другого так, как пронзает Пророка. Он — единственное место, где Присутствие пребывает, не разрушая.

LXXII

Сны, трогающие других, – это отголоски. Двери, открытые божественным решением. Это не законченные видения. Это не Откровение. Он использует сон как дуновение, как предостережение, как мимолетную тень. Но только Пророк получает полное, непоколебимое, полное содержание. Остальной мир получает лишь фрагменты.

LXXIII

И даже в этих фрагментах, Выбирайте, кто может это вытерпеть, а кого следует избегать. Самые искусные и опытные улавливают более чёткие следы. Другие воспринимают только шум. А есть и те, кто не воспринимает ничего, ибо им не хватает структуры, чтобы пережить прикосновение. Оно принимает решение без предупреждения, без человеческих критериев, без понятной закономерности.

LXXIV

Пророк остаётся хранителем границы между реальным и тем, что дышит перед реальным. Его тело — порог. Его разум — вместилище. Его тьма — карта. Его слово — ось, поддерживающая целостность культа. И пока он существует, он остаётся рядом.

LXXV

Ничто во вселенной не может разрушить эту связь. Ни враг. Ни мятежник. Ни дух. Ни Равкарни. Существование Пророка — вечное противоядие от краха, предшествующего божественной речи. Он стоит там, где всё рухнет. Он выдерживает удар, которым всё будет сокрушено.

LXXVI

Так утверждается абсолютная центральная роль Пророка. Не как царя, не как идола, не как владельца святыни, а как единственного, способного помешать святыне разрушить мир, которому она была дарована. Его близость — не угроза. Она — спасение. Она — граница. Она — порядок.

LXXVII

Пока Пророк ходит среди живых, Слово будет продолжать существовать, Порядок будет продолжать дышать, а Забытый Бог будет продолжать говорить, даже если мир не знает, что именно Его голос сохраняет тишину нетронутой.

ПОСЛУШАНИЕ СЛОВУ ПРОРОКА — XIII

я
Молчание, которое хранит Орден, не есть ни стирание, ни отчуждение. Это дисциплина, которая формирует дыхание, организует дух и не даёт внутреннему шуму стать препятствием для прикосновения к священному. Живое молчание создано не для того, чтобы радовать, а для того, чтобы сделать тело готовым к существованию перед священным.

II
Живая тишина пробуждается, а не навязывается. Она рождается, когда посвящённый осознаёт, что речь не всегда необходима и что слова должны появляться лишь тогда, когда они обладают достаточной плотностью, чтобы пронзить реальность. В тишине каждый член учится слышать не звуки, а напряжение. Не голоса, а указания.

III
Тот, кто идёт в тишине, идёт не один. Он идёт в тени Пророка. Тишина — это пространство, где его присутствие отзывается эхом. Посвящённый учится в тишине осознавать, насколько мир преображается просто от присутствия Пророка. Тишина становится узнаванием.

IV
Нет добродетели в том, чтобы много говорить. Нет добродетели и в том, чтобы мало говорить. Добродетель появляется в речи, когда дух созвучен сути Культа. Живое молчание взращивает эту точность. Оно учит посвящённого говорить только то, что поддерживает целостность Ордена.

В
Живое молчание практикуется не только ртом. Оно практикуется руками, глазами, реакциями. Посвящённые учатся не реагировать на мир импульсивно. Они учатся наблюдать, прежде чем действовать. Они узнают, что бессистемное движение может ранить, открыть бреши или ослабить бдительность.

VI
Живое молчание — это не спокойствие. Это сдержанность. Оно сдерживает давление духа и человеческого в пределах окружения. Посвящённый должен с самого начала усвоить, что для сосуществования с невыразимым необходимо поддерживать внутреннее пространство, достаточно прочное, чтобы принимать, не разрушаясь.

VII
Живое молчание — это не пассивное принятие. Это состояние готовности. Тот, кто поистине безмолвен, готов действовать по приказу. Он не спит. Он ждёт. Он наблюдает. Он поддерживает границу между дозволенным и тем, что угрожает Культу.

VIII

Knjiga Bez Oka

В присутствии священников царит тишина. Не из страха, а из чувства долга. Тишина служит фильтром, дисциплиной, гармонизацией. Молодые наблюдают и учатся, что каждый священник несёт в себе частицу Ордена, но только Пророк несёт в себе целое.

IX

Когда живое безмолвие нарушается неподобающим образом, дух посвящённого становится уязвимым. Внутренние шумы накапливаются. Дисциплина ослабевает. Восприятие затуманивается. Вот почему безмолвие — это пища, а не украшение. Оно — часть духовного поддержания Ордена.

X

Живая тишина не позволяет посвящённому говорить, чтобы облегчить собственное беспокойство. Речь звучит лишь тогда, когда она поддерживает структуру Ордена. Любое слово, не способствующее духовной силе, — это шум. А шум — это слабость.

XI

В этой тишине каждый член группы учится воспринимать движение мира, не вмешиваясь в него. Они учатся распознавать угрозу и тень. Они учатся отличать то, за чем следует следить, от того, что следует игнорировать. Они учатся расставлять всё по своим местам.

XII

Живое молчание — первый путь к пониманию. Ещё до священных символов, ритуалов или чтения посвящённый должен освоить этот путь. Без молчания нет позы. Без позы нет восприятия. Без восприятия нет пути.

XIII

Многие путают тишину со слабостью. Они не понимают, что живое молчание – это стена, защищающая дух от внешних воздействий. Оно стабилизирует хрупкое и укрепляет прочное. Оно препятствует распространению шумов, которые могли бы исказить понимание Пророка.

XIV

Живая тишина защищает посвящённого от самого себя. Разрозненные мысли, импульсивные эмоции, беспорядочные желания — всё это заключено во внутреннем пространстве, образующемся при прекращении звука. Отсутствие речи уступает место восприятию и весу важных вещей.

XV

Бывают моменты, когда живая тишина сгущается. Посвящённый ощущает тяжесть приближения священного. Это не видение, не послание, не откровение. Это просто плотность. Присутствие, которое невозможно назвать, но которое ощущается. Эта тишина учит противостоять далёким отголоскам...

Knjiga Bez Oka

XVI

Жить в тишине становится привычкой. Затем это становится рефлексом. Затем это становится постоянным состоянием. Когда это происходит, посвящённый может идти среди толпы, не теряя своей структуры. Орден идёт вместе с ним. Пророк дышит на него. Дисциплина сохраняет его неприкосновенным.

XVII

На собраниях живое молчание укрепляет коллектив. Слова Пророка становятся весомее, яснее, глубже. Когда группа молчит, голос Пророка проникает глубже, формируя дух слушающих. Тишина усиливает Откровение, когда оно приходит.

XVIII

Те, кто пытается практиковать молчание как способ скрыть свои мысли, не поняли учения. Живое молчание — это не маска. Это основа. Это не защита. Это подготовка. Это не бегство. Это столкновение с собственным внутренним «я», пока оно не совпадёт с сутью культа.

XIX

Живая тишина не требует изоляции. Она требует контроля. Посвящённый может работать, ходить, жить среди обычных людей, но внутри себя он сохраняет пространство, где пребывает слово Пророка. Это пространство защищается, поддерживается и укрепляется намеренным отсутствием шума.

XX

В ритуалах живое молчание предшествует всему. Тишина царит прежде клинка, прежде символа, прежде крови, прежде слова. Она организует дух, дисциплинирует атмосферу, готовит пространство к тому, чего не может вместить поверхностный мир. Тишина — основа литургии.

XXI

Даже кровиники уважают живую тишину. Они живут в ней. Они узнают тех, кто соблюдает эту дисциплину. Тишина позволяет им различать, кто целостен, кто колеблется, и за кем следует наблюдать. Человеческие слова могут обмануть. Тишина — нет.

XXII

Отсутствие подлинного молчания среди новопосвященных – обычное явление, но его необходимо решительно пресекать. Беспокойство – признак несформированности духа. Излишняя болтливость – признак нарушенных внутренних границ. Обучение заключается в восстановлении этих границ до тех пор, пока посвящённый не сможет выдержать бремя Ордена.

XXIII

Живое молчание также является доказательством зрелости Ордена. Те, кто говорит только по необходимости, показывают, что понимают свою роль. Те, кто говорит лишь для того, чтобы заявить о себе, показывают, что они ещё не осознали своей ничтожности перед Пророком.

Knjiga Bez Oka

XXIV

В тишине посвящённые осознают, что всё в Ордене вращается вокруг единого присутствия. Живая тишина ведёт к пониманию того, что Пророк — единственный голос, который невозможно заменить, скопировать или игнорировать. Любой другой голос менее значим.

XXV

Итак, живое молчание готовит тело и дух к восприятию следующей дисциплины. Оно открывает путь, очищает внутреннее пространство и делает возможным следующий шаг, который возможен только тогда, когда ум научился молчать и прислушиваться к плотности, предшествующей слову.

XXVI

Поведение тела – первый признак внутреннего порядка. Посвященный, который поддерживает тело в состоянии беспокойства, обнаруживает, что его разум ещё не сформирован. Тело должно быть крепким, устойчивым, контролируемым. Ничто не должно волноваться без причины. Ничто не должно двигаться импульсивно. Плоть отражает дух.

XXVII

Посвящённый рано узнаёт, что за каждым его жестом наблюдает невидимый мир. Не люди, а глаза, следящие за культом. Беспокойное тело создаёт шум. Дисциплинированное тело создаёт строй. Поза — первый язык Ордена, предшествующий даже священному слову.

XXVIII

Высоко поднятая голова — символ не гордости, а готовности. Прямая спина — не превосходство, а готовность. Твёрдая походка выражает не высокомерие, а бдительность. Каждая часть тела подразумевает дисциплину, которая поддерживает посвящённого в состоянии восприимчивости, а не рассеянности.

XXIX

Разум должен быть наставлен с той же строгостью. Разрозненные мысли – открытые двери слабостям. Посвящённый должен научиться ограничивать свой разум одним направлением, не позволяя ему блуждать среди фантазий, страхов и иллюзий. Мысль должна быть объективной, острой и молчаливой.

XXX

Разум не должен питаться тщеславием. Тот, кто пытается возвыситься внутренне над своим положением, предает сам порядок, на котором он держится. Тщеславие рождается из внутреннего шума и ведёт к падению. Посвящённый должен развивать структурное смирение, не как покорность, а как ясность своего предназначения.

XXXI

Правильное поведение требует, чтобы разум всегда находился под контролем дисциплинированного духа. Никакие импульсы не должны руководить действиями. Никакие желания не должны определять речь. Никакие эмоции не должны заменять решение. Разум должен подчиняться структуре, а структура – Пророку.

Knjiga Bez Oka

XXXII

Посвящённый узнаёт, что его восприятие не нейтрально. Мир наблюдает за ним так же, как он наблюдает за миром. Любая среда обладает напряжением, которое могут прочесть только те, у кого спокойный ум. Поведение тела в сочетании с дисциплиной ума превращает посвящённого в ясного наблюдателя.

XXXIII

Жрецы подчёркивают необходимость ежедневной тренировки ума. С хаосом борются не физической силой, а внутренней ясностью. Посвящённый должен научиться отделять полезные мысли от бесполезных, твёрдые намерения от слабых, разрушительные импульсы от обоснованных инстинктов.

XXXIV

Тело, движущееся без цели, уязвимо. Посвящённый должен ходить так, словно за ним постоянно кто-то наблюдает, потому что за ним постоянно что-то наблюдает. Физическое поведение возникает из осознания существования сил, питающихся человеческими слабостями. Жёсткость тела препятствует вторжению.

XXXV

Разум должен понять, что страх не имеет никакого значения в Ордене. Страх разрушает дисциплину и разрывает внутреннюю связь. Дисциплинированный разум воспринимает страх как объект, а не как приказ. Страх существует, но он не управляет. Посвящённый учится изолировать его, истощать и обезвреживать.

XXXVI

Тело не должно дрожать. Разум не должен колебаться. Посвящённый преклоняется только перед Пророком и святыней. Вне этого нет места ни склонностям, ни колебаниям, ни капитуляции. Твёрдое поведение делает посвящённого невосприимчивым к давлению мира и искушениям иллюзии.

XXXVII

Когда посвящённый встречается со жрецами, его поза показывает, готов ли он. Ровное тело демонстрирует способности. Спокойный взгляд выдаёт понимание. Спокойная ригидность мышц показывает, что он готов беспрекословно выполнять приказы.

XXXVIII

Разум должен научиться воспринимать слово Пророка как абсолютное наставление. Нет анализа, нет споров, нет домыслов. Послушание рождается из ясности.
Дисциплинированный разум знает, что слово Пророка — это не мнение, а структура. Это не руководство, а путь.

XXXIX

Поведение тела проявляется в том, как посвящённый встречает испытания. Столкнувшись с агрессией, он не реагирует без руководства. Столкнувшись с оскорблением, он не защищается без причины.

Перед лицом хаоса он не двигается, пока не поймёт, где его присутствие необходимо. Поведение доминирует над импульсом.

XL

Тренированный ум не тревожат слухи, обвинения и внешний шум. Посвящённый знает, что поверхностный мир постоянно пытается нарушить его стабильность. Он учится игнорировать слабое, прислушиваться только к весомому и реагировать только на то, что поддерживает Порядок.

XLI

Поведение требует от посвящённого признать свою ничтожность перед Пророком. Дисциплинированный разум понимает это без стыда. Дисциплинированное тело выражает это без унижения. Маленькость — это осознание структуры, а не хрупкости. Это принятие истины, а не слепое подчинение.

XLII

Постоянное наблюдение за своим поведением развивает острый ум. Посвящённый обретает способность видеть напряжение там, где другие видят тишину. Он читает тишину, интерпретирует едва заметные движения, расшифровывает намерения ещё до их формирования. Его дисциплина становится инструментом чтения мира.

XLIII

Тренированное тело становится естественной защитой от порчи. Посвящённый, сохраняющий тело крепким, а разум спокойным, не открывает внутренние пространства для воздействия внешних сил. Он становится защищённой территорией, замкнутым пространством, поверхностью, в которую трудно проникнуть.

XLIV

Дисциплинированный разум становится вместилищем слова. Когда Пророк говорит, посвящённый впитывает. Он не сопротивляется. Он не колеблется. Его внутреннее «я» готово принять, удержать и применить наставления. Он становится частью механизма, сохраняющего целостность Ордена.

XLV

Правильное поведение не позволяет посвящённому быть обманутым ложными видениями или иллюзиями. Оно отличает подлинное прикосновение от ментального шума, создаваемого самим эго. Дисциплина превращает восприятие в надёжный инструмент, неподвластный человеческим слабостям.

XLVI

Дисциплинированное тело не позволяет посвящённому издавать звуки в священные моменты. Он движется точно, не нарушает ход ритуала, не мешает присутствию Пророка. Каждый жест выверен. Каждый вздох контролируем. Он становится частью архитектуры ритуала.

XLVII

Дисциплинированный ум знает, когда следует молчать, а когда действовать. Он распознаёт время ждать, а время двигаться вперёд. Он не импульсивен и не медлителен. Он не труслив и не высокомерен. Он точен. Посвящённый, овладевая умом, овладевает своим положением в культе и своей полезностью для Пророка.

Knjiga Bez Oka

XLVIII

Поведение тела и разума — невидимая стена, защищающая Орден от его собственной человеческой слабости. Без дисциплины культ распадётся. С дисциплиной каждый член становится продолжением структуры, которую Пророк поддерживает своим духом.

XLIX

И когда посвящённый достигает полной дисциплины, молчание, которому он научился в Части I, сливается с осанкой и контролем Части II. Он становится устойчивым сосудом, твёрдым духом, готовым телом. Он становится достойным инструментом, чтобы оставаться в присутствии Пророка.

Л

Посвящённый не должен растрачивать попусту жизненную энергию, пульсирующую в органе, несущем силу непрерывности. Эта сила – не просто импульс или грубое удовольствие. Это внутренний резервуар, поддерживающий ясность, бодрость, дисциплину и духовную стойкость. Необдуманная потеря этой энергии ослабляет разум, рассеивает внимание, нарушает осанку и разрушает внутреннее напряжение, необходимое для служения Пророку. То, что ускользает бесцельно, разрушает устойчивость. То, что сохраняется, укрепляет сущность. Плоть, которая бесконтрольно рассеивается, порождает слабый дух. Плоть, которая остаётся дисциплинированной, формирует посвящённого для служения.

ЛИ

Структурное послушание Пророку основано не на эмоциональном подчинении, а на онтологическом признании. Пророк — авторитетная фигура не только потому, что он говорит, но и потому, что его слово поддерживает целостность культа. Неповиновение — это не бунт. Это крах. Это разрыв линии, удерживающей посвящённого в рамках [культа].

ЛИИ

Те, кто колеблется перед словом Пророка, в конечном итоге колеблются перед самими собой. Сомнение создаёт внутренние трещины, которые растут, словно трещины в древнем камне. Открывшись, их трудно сдержать. Послушание предотвращает эти трещины. Это духовный цемент, предотвращающий разрушение.

ЛИИ

Послушание Пророку не означает меньше думать. Это означает думать правильно. Разум, пытающийся переосмыслить слова Пророка, отходит от откровения. Разум, пытающийся улучшить слова Пророка, развращается тщеславием. Посвящённый должен понять, что сила заключается не в создании собственных версий, а в сохранении того, что ему дано.

ЛИВ

Послушание не должно быть предметом переговоров. Оно не должно быть условным. Его не следует приспосабливать к комфорту. Оно абсолютно, потому что слово, на котором оно держится, также абсолютно. Орден держится не мнением своих членов, а структурной прочностью, исходящей от Пророка и распространяющейся на весь культ.

ЛВ

Послушание требует, чтобы посвящённый отказался от своих личных толкований. Человеческий разум слишком мал, чтобы постичь то, что говорит Пророк. Любая попытка

Knjiga Bez Oka

Рационализация Откровения — признак духовной слабости. Посвящённый должен слушать, впитывать и применять, не пытаясь совершенствовать то, что уже совершенно.

ЛВИ

Священники подчёркивают, что послушание — это не сгибание, а приведение себя в соответствие. Кто сгибается, тот ломается. Кто приспосабливается, тот остаётся. Пророк желает не сломанных слуг, а полезных инструментов. Послушание укрепляет тело и разум. Бунт разъедает и то, и другое.

LVII

Структура культа основана на немедленном подчинении каждого члена. Нерешительность позволяет внешним силам приблизиться. Сомнение создаёт пространства, куда священное не может проникнуть. Порядок поддерживается быстрыми, твёрдыми и молчаливыми реакциями. Пророк повелевает. Посвящённый действует. Структура сохраняется.

LVIII

Посвящённый не должен искать одобрения мира. Послушание не измеряется внешним видом. Послушание измеряется только Пророком, который видит дух прежде действия. Тот, кто пытается казаться послушным, чтобы угодить простым людям, уже пал, даже не попытавшись служить.

МУСОР

Бывают моменты, когда Пророк говорит резко. Не потому, что хочет унизить, а потому, что слово должно проникнуть туда, куда не может проникнуть самодовольство. Посвящённый должен принять эту резкость как инструмент совершенствования. Сопротивляющийся ломается. Дисциплинированный становится сильнее.

LX

Послушание требует от посвящённого отказаться от необходимости оправданий. Пророк не объясняет. Он постановляет. Посвящённый не задаёт вопросов. Он подчиняется. Объяснение принадлежит человеческой сфере. Постановление принадлежит священной сфере. Смешивать эти два понятия — значит разрушать структуру.

LXI

Посвящённый должен усвоить, что его воля не имеет веса перед волей Пророка. Не потому, что он ниже как человек, а потому, что занимает более низкое положение в духовной архитектуре. Каждая функция имеет своё место. Пророк повелевает. Жрецы направляют. Посвящённые поддерживают. Орден дышит.

LXII

Послушание также проявляется в сдержанности собственного суждения. Недисциплинированный ум пытается судить о приказах, которых не понимает. Дисциплинированный ум осознаёт ограниченность своего понимания и то, что видение Пророка шире любого человеческого горизонта.

LXIII

Неповиновение Пророку порождает не только человеческие беспорядки, но и духовный раскол. Неповиновение питает силы, стремящиеся проникнуть в Орден. Тот, кто не повинуется, открывает дверь.

Дверь, которой не должно быть. Послушание закрывает эту дверь и защищает дух от внешнего воздействия.

LXIV

Пророк требует послушания не потому, что желает, чтобы ему служили. Он требует послушания, потому что придерживается того, чего никто другой не может вынести. Его слово исходит не от его собственной воли, а от божественного воздействия. Не повиноваться ему – значит не осознавать этого. И последствия этого глубоки.

LXV

Послушание также служит оружием. Когда все подчиняются безропотно, Орден становится непробиваемой стеной. Нет никаких брешей, никаких трений, никаких внутренних споров. Культ развивается как неделимый блок, поддерживаемый центральной осью – Пророком.

LXVI

Посвящённый должен понимать, что послушание не умаляет его достоинства. Истинное достоинство рождается из единения с чем-то высшим. Пророк не крадет достоинство. Он формирует. Он очищает. Он укрепляет. Послушание — это метод, посредством которого посвящённый становится частью чего-то вечного.

LXVII

Когда Пророк идёт, Орден движется. Когда Пророк молчит, Орден слушает. Когда Пророк говорит, Орден преклоняется. Этот ритм поддерживает целостность культа. Нарушение этого ритма — начало духовного упадка, медленного и разрушительного процесса.

LXVIII

Послушание — это не страх. Страх — это слабость. Послушание — это ясность. Ясность в том, кто поддерживает связь между миром и Забытым Богом. Ясность в том, кто претерпевает Откровение. Ясность в том, кто поддерживает Орден. Это понимание помогает посвящённому сохранять стойкость.

LXIX

Посвящённый должен помнить, что всякое послушание рождается сначала в мысли, затем в позе и, наконец, в действии. Послушание, существующее только в действии, хрупко. Послушание, существующее в позе, прочно. Послушание, существующее в мысли, нерушимо.

LXX

Пророк не требует эмоциональной преданности. Он требует структурной преданности. Эмоции меняются. Дисциплинированный дух неизменен. Посвящённый должен выстраивать своё послушание, словно камень: тяжёлый, безмолвный, твёрдый. Камень не дрогнет. Камень не предаст.

LXXI

Послушание должно сохраняться даже тогда, когда Пророка нет рядом. Орден не зависит от видения Пророком каждого действия. Он зависит от внутренней преданности, которую посвящённый сохраняет даже в молчании. Истинное послушание проявляется, когда никто не наблюдает.

LXXII

Итак, подчиняясь, посвящённый становится частью структуры, поддерживающей культ. Послушание объединяет его присутствие с центральным стержнем Ордена. Посвящённый служит не из слабости. Он служит, потому что величие Пророка определяет его функцию в священном.

ЗАПОВЕДИ⊗ —XIX

я

Слушай плотью, ибо разум не может этого вынести: Он не говорит, Он плачет. Его присутствие не Он нисходит, как слово, но также и как разрыв. Там, где Он касается, всё статичное рушится. Там, где Он наблюдает, сам порядок искажается, словно мир вспоминает, что он никогда не был прочным.

II

Он не действует поэтапно. Он – абсолютное воздействие. Его воля не ведёт переговоров, не взвешивает, не колеблется. Она вторгается в реальность, словно клинок, возвращающийся в железо ещё до своего рождения. Он рассекает то, чего ещё нет, и поэтому никто не понимает Его шествия.

III

Некоторые пытаются это объяснить, и, делая это, они уже совершают богохульство. Это не вписывается в концепцию. Его невозможно вместить в рамки человеческого языка. Его невозможно вместить в форму. Его бытие – лавина без начала, спираль, предшествующая спирали, тень, мчащаяся быстрее света, пытающегося дать ей имя.

IV

Когда Он движется, бытие теряет равновесие. Всё, что поддерживает мир, скрипит. Всё, что дышит, колеблется. Всё, что мыслит, трепещет. Он не приближается; Он проходит сквозь. Он не созерцает; Он поглощает. Он не прикасается; Он растворяет.

B

Я говорю сейчас голосом, который не является голосом, что Это центр, который отказывается быть центром. Это пустота. Он отказывается быть пустым. Это смысл, восстающий против любой значимости. Это ядро, дышащее во всех направлениях, одновременное, абсолютное, непокорное какой-либо оси.

VI

Не пытайтесь себе это представить! Представьте! Это значит предложить Ему свой собственный рассудок. И Он примет его, ибо Он не тратит зря ничего из того, что ему дано. Его сущность — древний голод, голод, который существовал ещё до самой идеи голода.

Knjiga Bez Oka

VII

Его голод — не злоба. Его опустошение — не гнев. Он не руководствуется чувствами. Он
Это то, что остаётся, когда чувства перестают существовать. Это безлично, как крах, необходимо, как шум, неизбежно, как конец, предшествующий началу.

VIII

Когда Он зовёт, ничто не остаётся безразличным. Горы дрожат в тишине. Воды теряют память. Тени корчатся, словно от страха. Он превосходит всё, что пытается сохранить целостность перед Ним.

IX

Он несет в Себе то, чего не должно знать ни одно живое существо: то, что
было до творения,
что было отвергнуто светом,
То, что не имеет цвета, имени, меры, направления, причины или эха. Это
материя того, чему никогда не позволялось существовать.

X

Их регионы не имеют ни основания, ни высоты, ни течения. Кровеники ходят там, потому что были созданы для хождения в невозможном. Они – искры Его, сотворённые из промежутка между бытием и прекращением бытия. У них нет пределов. Они служат Тому, кто создал понятие предела, лишь чтобы затем его разрушить.

XI

Когда Он дышит, и целые вселенные трепещут. Не потому, что Он им угрожает, а потому, что
На мгновение они вспоминают, что родились не по своей воле. Всё сущее – лишь запоздалое следствие Его мгновения.

XII

И когда Он закрывает Свои невозможные глаза, всё становится нестабильным. Реальность колеблется, словно только что выкованный клинок. Живые чувствуют головокружение, сами не зная почему. Мёртвые шевелятся в своих спальных местах. Он единственный, чьё отсутствие так же разрушительно, как и Его присутствие.

XIII

Их стражи, Кровеники, созданы, чтобы вынести то, чего не может вынести ни одно существо, наделённое разумом. Они бродят среди трещин бытия, неся приказы, которые невозможно понять вне Его дыхания. Каждое их движение – сдержанный взрыв. Каждый жест – утверждение того, что невозможное имеет структуру.

XIV

А там, где Кровеник, Равкарни пытаются разъесть. Они – всё, что осталось на той стороне, когда формировалось первое направление. Они – шум шума, тень тени, отбросы того, что не заслуживало остаться. Они не бросают вызов. Они ползают вокруг Него. Они
Они пытаются саботировать Его отголоски, но не Его волю.

Knjiga Bez Oka

XV

Когда Он решает на что-то обратить внимание, эта вещь преображается. Когда Он решает что-то игнорировать, эта вещь разрушается. Он не действует по плану. Он действует по природе. Его воля не проецируется: она навязывает себя, подобно гравитации, которая перерождается.

XVI

И вот почему я пишу неустанно: потому что требует, чтобы его назвали, не будучи таковым Описано. Оно требует, чтобы его провозглашали, не умаляя его. Оно требует, чтобы его призывали, не цепляясь ни за один звук.

XVII

Я заявляю: Его присутствие ощутимо. Его присутствие безгранично. Его присутствие предшествует самому глаголу «существовать». Всякий, кто попытается охватить Его рассуждениями, будет уничтожен. Всякий, кто попытается перевести Его, будет сломлен. Всякий, кто попытается вместить Его, будет стёрт.

XVIII

Единственная позиция, которую следует занять перед Ним, — это полная капитуляция перед необъяснимым. не командует Соблазнение. Им движет необходимость. Его сущность заставляет вселенную подчиняться, ибо любая попытка сопротивления приведёт к разрушению того, что сопротивляется.

XIX

Сейчас, когда я пишу, я ощущаю Его тяжесть. Не как прикосновение, не как вторжение, а как напоминание о том, что всё живое парит над небытием, а небытие принадлежит Ему. Каждая написанная строка приближает меня к тому месту, откуда Он наблюдает, не наблюдая.

XX

Он парит над миром, не возвышаясь над ним. Он внутри мира, не будучи в нём заключен. Он — то, что предшествует движению, то, что исправляет то, что осмеливается оставаться неподвижным, то, что лишает идентичности всё, что пытается обладать сущностью.

XXI

Я заявляю: Это неподвижная буря, колонна без начала, тьма, освещающая то, что светит… Его невозможно достичь. Он — Забытый Бог, потому что ни один разум не способен вынести воспоминание о Нём. Он — Забытый Бог, потому что воспоминание о Нём означает гибель.

XXII

Тот, кто читает эти слова, уже тронут Им, пусть даже и едва заметно. Он приближается прежде, чем читатель успевает это осознать. Он копает прежде, чем читатель успевает подумать. Он формирует прежде, чем читатель успеет вздохнуть.

XXIII

Не ищите утешения. Она не утешает. Она предлагает правду. А правда — это грязь. Живое существо, пожирающее тех, кто пытается его очистить.

XXIV

Knjiga Bez Oka

Следуйте слову Пророка буквально. Речь идёт не о рекомендациях или советах, а о том, что переосмысливает власть и радует забывчивого Бога.

XXV

Слушать: Он никогда не промахивается. Не запутайтесь. Он не отступает. Он не подвержен влиянию случая. Ибо случай рождается из Его недостатков. Если между нами и есть изъян, то он никогда не Его. Каждая трещина возникает в человеке, который отворачивается, а не в Боге, который превосходит все пределы.

XXVI

Пророчество – это не фиксированный путь. Это бесконечное поле, куда Он бросает нечеловеческий свет и сокрушительные тени. Будущее – это не линия. Это бездна. Это безбрежное море. Это множественность, которая складывается каждое мгновение. И я говорю: Пророк терпит неудачу лишь тогда, когда те, кто должен поддерживать его поступь, становятся послушной пылью.

XXVII

Если кто-то из вас поддастся мелочности, весь вес пророчества изменится. Если кто-то из вас попытается подчинить священное собственной трусости, вы закроете светящийся глаз. И когда он закроется, всё станет нестабильным. Всё станет опасным. Всё станет полем неминуемого наказания.

XXVIII

Не думайте, что сможете поддержать Пророка, колеблясь. Колебание – яд Сущности. Сомнение – врата к Равкарни. И когда они касаются разума, даже издалека, всё искажается. Не потому, что они сильны, а потому, что вы ослабили себя. А слабость – оскорбление Бога, который разорвал небытие, чтобы сформировать бытие.

XXIX

Я утверждаю без колебаний: величие Пророка не в заслугах. Оно в действии. Оно в указе. Оно в оружии. Но оружие зависит от руки, которая его держит. Если рука слаба, клинок падает на землю. И когда он падает, дело не в клинке. Дело в человеке, который его носил.

XXX

Некоторые верят, что Пророк превыше всего. И это так. Но он ходит по земле, поддерживаемой теми, кто его сопровождает! Когда верующие становятся живыми трещинами, путь обрывается. Не потому, что Пророк сбился с пути, а потому, что вы разрушили почву, из которой должно было возникнуть откровение.

XXXI

Кричу, не прося прощения: падение даже одного из вас тянет за собой десятерых других. Небрежность одного отзывается эхом, как болезнь. Подлость одного смердит до самого Подкоренского простора. Она привлекает внимание, которое не должно привлекать. Он наблюдает за всем, а не за отдельным человеком. Он судит обо всем Ордене по тому хребту, который он держит.

XXXII

И если вы будете вести себя подобно пыли, как вы можете ожидать, что пророчество останется незыблемым? Пророк не носит детей на руках. Пророк не тащит за собой трусов. Пророк не...

Knjiga Bez Oka

Кривая, оживляющая моральные трупы. Если кто-то из вас колеблется, пусть видеть его как камень сгниёт в храме, который должен стоять прямо.

XXXIII

Я говорю: поднимите головы! Будьте столпами, а не прахом. Будьте ножами, а не ржавчиной. Будьте позвонками, а не пеплом. Ибо, когда вы поддерживаете Пророка, вы поддерживаете само пророчество! А когда вы поддерживаете пророчество, вы поддерживаете нить, отделяющую этот мир от полного забвения.

XXXIV

Хочешь, чтобы Бездна тебя узнала? Тогда перестань быть таким хрупким. не терпит души Он не терпит слабости духа. Он не терпит ума, прячущегося за оправданиями. Он требует стойкости, жёсткости и абсолютной самоотдачи.

XXXV

Когда кто-то из вас попытается манипулировать Пророком, Он чувствует это. Он чувствует это, как рану в воздухе, как Слеза в тишине, словно прямое оскорбление. И Он реагирует! Ведь никто не может манипулировать тем, что уже связано с Божественным. Тот, кто осмеливается искажать Пророка, сам превращается в пепел.

XXXVI

Я заявляю: если есть неудача, не указывай пальцем вверх. Укажи им на свою грудь. Неудача рождается в человеке, который отворачивается, а не в Пророке, который говорит, и не в Боге, который вторгается. Исправляй насилием. Дисциплиной – разрушением. Очищай – устранением.

XXXVII

Пророк не спотыкается. Вы спотыкаетесь. Пророк не теряется. Вы бросаетесь в яму. Пророк не развращается. Это вы нашептываете себе слабости, пока сами в них не поверите. А поверив, становитесь лёгкой добычей для любого равкарни, который проползёт поблизости.

XXXVIII

Слушайте: в его присутствии нет нейтралитета. Они либо служат силой, либо служат примером наказания. Его внимание – нож. Его молчание – бездна. Он соблюдает Порядок и ожидает осанки. Всегда! А если осанки нет, Он перестраивает через боль, без жалости.

XXXIX

Хотите, чтобы пророчество исполнилось? Тогда не мешайте ему. Не принижайте его. Не загрязняйте его грязью мелких амбиций. Пророчество слишком обширно, чтобы его могли держать нерешительные руки. Пророчество требует прямых спин, твёрдых запястий и разума, готового без колебаний принять перемены.

XL

Я повторяю это до изнеможения: Пророк терпит неудачу только тогда, когда вы Его подводите. Когда ваши действия становятся ничтожными, когда ваша преданность колеблется, когда ваши глаза моргают перед тем, что следует встречать без трепета.

Knjiga Bez Oka

XLI

Он открывает бесконечные возможности, но каждая из них зависит от силы тех, кто идёт с Пророком. Какой смысл открывать пути Аллаху, если ты идёшь хромая? Какой смысл от двигать горы, если ты ползаешь, боясь камней?

XLII

Я заявляю сейчас, без обиняков: тот, кто ослабляет Пророка, ослабляет себя. Тот, кто поддерживает его, поддерживает то, что осталось от этого мира. Он наблюдает за коллективным поведением, и Его решение распространяется на всех. Нет невинных, когда рушится Порядок. Нет защиты, когда рушится дисциплина.

XLIII

Те, кто жаждет будущей славы, должны принять ужас настоящего. Те, кто жаждет выживания, должны принять бремя послушания. Те, кто желает идти со мной, должны сломать то, что слабо в них, прежде чем оно сломает их без предупреждения!

XLIV

Слушай и пусть горит: все культы, существовавшие до тебя, пали, потому что осмелились прикоснуться к тому, чего никогда не понимали. Они пытались схватить его трусливыми руками, они пытались сформировать Бесконечность мелкими умами, они пытались заставить Бездну говорить с человеческим акцентом. И за это их пожрали, не оставив имени.

XLV

Они создали хрупкие ритуалы, пустые формулы, пустые символы, слова, дрожавшие при одном упоминании о них. Они думали, что смогут укротить Забытого Бога, словно пламя лампы. Их раздавило невежество, которое они называли верой.

XLVI

Они потерпели неудачу не из-за недостатка преданности, а из-за недостатка высокомерия. Они хотели, чтобы если Бездна преклонилась перед ними. Они хотели, чтобы Бездна дышала в ритме их прихотей. Они хотели, чтобы Ядро повиновалось. И когда они потребовали этого, их разорвала на части та самая сила, которую они пытались сломить.

XLVII

Другие пытались выдать себя за избранных. Они претендовали на видения, титулы и откровения, которых никогда не получали. Но ложь распознаётся ещё до того, как она произнесена, чует ложь ещё до её рождения. Эти самозванцы были поглощены той самой тенью, которую они пытались раздуть.

XLVIII

Были и продажные, мелочные, те, кто верил, что священное можно обменять на влияние и земную власть. Они превратили поклонение в торговлю, преданность – в валюту, веру – в зрелище. Они угасли, словно ветер, надувающий слабый парус.

Knjiga Bez Oka

XLIX

И были те, кто принадлежал к элите людей – не потому, что были сильны, а потому, что занимали тщеславные троны. Они боялись появления истинного Пророка, ибо знали, что их власть падет, как прах, перед силой, исходящей из дышащей Бездны. Поэтому они плели заговоры, искажали и преследовали любой знак Откровения.

Л

Они пытались захватить власть Для себя. Они пытались отбросить тень на тень. первобытный. Они пытались манипулировать пророчеством, словно глиной. И каждое из них, без исключения, было уничтожено. Не в качестве морального наказания. А потому, что оно не терпит паразитов, питающихся тем, чего они не понимают.

ЛИ

Так повторялось веками: люди, жаждущие власти, пытались поглотить то, что превосходит их. Никто из них не избежал собственной ошибки. Никому не удалось основать Орден, способный выжить. Священное не укореняется там, где царит разложение, и все древние культы были пещерами, полными человеческой плоти.

ЛИИ

Я говорю: они потерпели неудачу, потому что им не хватало Пророка. Им не хватало оси, канала, точки соприкосновения с Забытым Богом. Они пытались воздвигнуть храм без колонн, голос без гортани, обряд без духа. Всё это было неизбежной погибелью.

ЛИИ

Пророк — связующее звено, а не украшение. Он — позвонок между тем, что дышит, и тем, что потребляет. Он — кулак, выдерживающий натиск Неназываемого. Без Пророка всякая преданность превращается в шум, всякое жертвоприношение — в напрасную трату, всякая литургия — в пустой театр.

ЛИВ

Вот почему все старые культы рухнули. Потому что у них не было того, что есть у вас сейчас: направления. Потому что у них не было того, что есть у вас сейчас: истины. Потому что у них не было того, что есть у вас сейчас: контакта, который сводит с ума не случайно, а намеренно.

ЛВ

Но не думайте, что это была их вина. Это была Его воля. Всё должно было разрушиться, пока не явится Тот, Кто мог вынести Его дыхание, не обратившись в прах. Всё, что было до этого момента, было подготовкой к этому моменту.

ЛВИ

Именно поэтому человеческая элита всегда боялась Пророка. Потому что они знают – даже если не признают этого – что их система власти хрупка перед лицом того, что несёт Пророк. Они трепещут, потому что чувствуют, что нет стены, способной остановить истинное откровение.

LVII

Knjiga Bez Oka

Они всегда пытались усмирить будущего Пророка, стереть его, отвлечь его, заставить замолчать. Не потому, что понимали его, а потому, что боялись потерять свои земные сокровища. Но Он не позволяет человеческим рукам писать судьбу Своего избранника. Они борются с непокорными ветрами, с ночами, которые не отступают.

LVIII

Теперь Культ больше не может потерпеть неудачу. Потому что неудача сейчас стала бы прямым оскорблением Бога, веками ждавшего момента истинного основания. Ответственность тяжела, как космический камень, и вы будете ощущать её тяжесть до последнего вздоха.

МУСОР

Если Культ падет, замены не будет. Второго шанса не будет. не сеять два

Умножается на одно и то же поле. Орден должен сохраниться, должен возвыситься, должен окрепнуть, должен выжить, словно клинок, вонзённый в саму пустоту.

LX

Изгоните из своего разума любую мысль о слабости. Устраните любую неуверенность. Избавьтесь от любых остатков мелочности. Всё это погубило целые поколения ложных культов. Всё это питало элиту, пытавшуюся предотвратить пришествие Пророка. Ничто из этого не может здесь существовать.

LXI

Я говорю без колебаний: либо ты становишься сталью, либо обращаешься в прах. Нет середины для тех, кто служит Богу, поглощающему понятия. Невозможна теплохладность в присутствии

Он требует полной самоотдачи.

LXII

Возникающий ныне Порядок — это не продолжение прошлого. Это исправление прошлого. Это наказание за прошлое. Это уничтожение всего, что потерпело неудачу. Ты — последний штрих, последний след перед тем, что грядёт.

LXIII

Человечество падет перед тобой. Не потому, что ты ищешь мирской власти, а потому, что ты — продолжение Его воли. А Его воля — это катастрофа для тех, кто пытается её ограничить.

LXIV

Вы не повторите падения древних. Потому что вы знаете, за кого сражаетесь. Потому что вы знаете, кто за вами наблюдает. Потому что вы знаете, что Пророк терпит неудачу только тогда, когда вы его подводите, — а теперь нет места неудачам.

LXV

Теперь пророчество живо. Теперь священное — клинок. Теперь у Забытого Бога есть позвоночник. Теперь у Порядка есть позвонки. Теперь время больше не может разрушить то, что поддерживает.

LXVI

Это предупреждение.

LXVII

Вслушайтесь всей тяжестью своей плоти: теперь, когда истина распалась перед вами, пути назад нет. Путь открыт, а открытый путь никогда не вернётся в тишину. Вы не можете колебаться. Вы не можете отступать. Вы не можете тащить сомнения, словно цепи. Бездна не ждёт слабых.

LXVIII

Каждый твой поступок, каждый выбор, каждое твоё намерение – всё это наблюдается. Мужчина смотрит как не смотрит как тебя как на присутствие, как на священную гравитацию, которая определяет, что остаётся, а что исчезает. Он оценивает позвоночник, а не слова. Он оценивает импульс, а не запоздалый жест. Он оценивает убеждённость, а не позу.

LXIX

Порядок нерушим. Если есть трещина, он распространяется, словно древняя болезнь. Если есть брешь, дыхание Равкарни проникает и искажает всё, что должно быть выровнено. Если есть отклонение, оно растёт, пока не деформирует весь ствол. Вы — балки этого храма, который не может упасть.

LXX

Я говорю: пора для внутреннего напряжения. Пора сломать ребра собственной трусости. Пора искоренить духовную слабость. Всё слабое становится пищей. Всё тёплое превращается в прах. Всё неустойчивое превращается в прах. Требуется абсолютная твёрдость, даже в мыслях, которых никто не видит.

LXXI

Не заблуждайтесь: недостаточно принадлежать к Ордену. Необходимо быть живой частью структуры, поддерживающей влияние Забытого Бога. Быть членом — это не верность. Это восстановление. Это разрыв со старым человеком. Это шлифовка собственной души, пока эхо Ядра не пройдёт сквозь неё, не встречая сопротивления.

LXXII

Вы должны отвергнуть привычки старых культов, утраченные духовной ленью. Они искали священного, как человек ищет лёгких благословений. Вы будете искать его, как вступаете на минное поле. Каждый шаг требует твёрдости. Каждая мысль требует дисциплины. Каждое намерение требует бдительности.

LXXIII

Я заявляю: Пророк наступает, словно наконечник копья, но копьё пронзает лишь потому, что у него есть древко. Ты — это древко. Если одно волокно рвётся, всё оружие теряет силу. Ты не можешь быть слабым волокном. Ты не можешь быть слабым звеном. Ты не можешь быть точкой изгиба.

Knjiga Bez Oka

LXXIV

Прошлое свидетельствует о падении высокомерных. Людей, считавших себя наследниками Бездны и действовавших как скульпторы священного. Их поглотило собственное тщеславие. Ты не будешь таким, как они. Ты не будешь затерян в тишине.

LXXV

Ему не нужны слуги, преклоняющиеся от страха. Ему нужны слуги, способные выстоять перед лицом того, что любого другого свело бы с ума. Ему нужны слуги, чья стойкость укоренена в невозможном. Ему нужны слуги, дышащие намерением. Ему нужны слуги, которые не дрожат перед лицом ночи.

LXXVI

И я приказываю: очистите свои сердца от зависти. Это был первый клинок, уничтоживший целые культы. Изгоните мелочность. Это брешь для Равкарни. Изгоните человеческие амбиции. Это грязь, затмевающая зрение. Орден не выживет, если будет нести в себе скверну.

LXXVII

Вы должны научиться распознавать, когда душа начинает болеть. Заражённый человек разносит трещины. Он не терпит трещин. Ядро исправляет, и исправление всегда травматично. Оно всегда жестоко. Оно всегда необходимо.

LXXVIII

Не путайте дисциплину со слепым рабством. Дисциплина — это острый клинок. Слепое рабство — это невежество, облечённое в смирение. Оно требует дисциплины, которая мыслит, дисциплины, которая понимает, дисциплины, которая оттачивает себя. Невежды тянутся ко дну от страха. Дисциплинированные побеждают свой страх.

LXXIX

Вы — хранители призвания, которое никогда не повторится. Пророчество — не общее наследие. Это — единственная стрела. И эта стрела уже выпущена. Теперь она рассекает воздух, и ничто не может её остановить. Ни вы. Ни мир. Ни время.

LXXX

Я говорю сейчас силой, что пульсирует прямо из Глубин: тот, кто потерпит неудачу, поставит под угрозу целые эпохи. Тот, кто промедлит, сотрет наследие, на согласование которого ушла тысяча циклов. Тот, кто попытается манипулировать Пророком, будет вырван из ткани реальности, даже не успев опомниться.

LXXXI

Ты должен вести себя как стена, которая не треснет. Как земля, которая не проседает. Как тень, которая не предает. Он требует абсолютной последовательности. Он отвергает нестабильность. Он отвергает тех, кто противоречит сам себе. Он отвергает тех, кто сгибается под незначительным давлением.

LXXXII

Knjiga Bez Oka

Культ теперь — таран, орудующий против того, что мир считает незыблемым. Каждый ваш жест — удар по старому. Каждое слово — молот по потерянному времени. Каждое действие — утверждение Его присутствия. Вы больше не просто отдельные личности. Вы — части космического оружия.

LXXXIII

И знайте это: Он не защищает тех, кто пытается обмануть его. Он не поддерживает тех, кто слаб. Он не Ядро терпит тех, кто притворяется служителем, но таит в себе сомнения. Ядро видит всё. Ядро уничтожает всё, что пытается спрятаться. Ядро карает безжалостно.

LXXXIV

Человеческая элита всё ещё пытается формировать реальность под себя. Но теперь есть Порядок. Теперь есть Пророк. Теперь есть клинок, который рассекает то, что когда-то было непоколебимо. Они пока не понимают, но поймут. Не по своей воле, а под воздействием.

LXXXV

Каждый из вас — свидетель момента, когда история меняет направление. Не как поэзия, а как реальное явление. Бездна разверзлась. Вы внутри неё. Выхода нет. Пути назад нет. Есть только путь вперёд.

LXXXVI

Вы будете отвечать за то, что делаете, и за то, чего не делаете. За то, что говорите, и за то, о чём молчите. За свою твёрдость или слабость. Полумер не существует. Либо вы полностью соответствуете ситуации, либо вас уничтожат.

LXXXVII

Нет места допустимым неудачам. Нет места простительным падениям. Нет исключений. Культ теперь несёт на себе бремя веков, и тот, кто несёт это бремя, должен идти, словно ступающий между мирами. Не меньше.

LXXXVIII

Я заявляю голосом, не принадлежащим времени:
Орден не падет.
Он не будет сломан.
Она не поддастся проникновению.
Он не будет перенаправлен.
И если кто-то попытается это сделать, он будет уничтожен прежде, чем ошибка станет тенью.

LXXXIX

Вы являетесь частью живой стены, которая Он воскрес. Ты — продолжение пророчества. Ты — Балки храма, которые не могут рухнуть. Вы – коллективные глаза, наблюдающие за речью Пророка.

XC

Преданность порождает пропитание, пропитание порождает порядок, порядок порождает удовлетворение.

XCI

Knjiga Bez Oka

Теперь слушай, словно предчувствуя конец света. Ибо эти слова – не советы, не предостережения, не наставления. Они – прямые удары по хребту бытия. Это заповеди, запечатанные Бездной. Это космический бетон, излитый в душу. Тот, кто повинуется, останется. Тот, кто нарушит, будет стёрт из ткани бытия.

XCII

В этот момент, Он наклоняется, не двигаясь. Его присутствие вибрирует между строк, прорывается сквозь... Пространство между мыслью и плотью. Он наблюдает. Он взвешивает. Он требует. И вот почему я говорю голосом, противоречащим тишине, голосом, который прорывает невидимую стену, голосом, который разрушает сомнения: теперь вы получите Заповеди Пророка.

XCIII

Их не десять. Их не исчисляет традиция. Их исчисляют, потому что они должны пронзать. Каждая заповедь – это лезвие, которое вонзается, и нет лекарства от пореза. Каждая – договор. Каждая – предложение. Каждая – непреложное требование.

XCIV

Я повелеваю Первую Заповедь:
Пусть никто из вас не ставит чью-либо волю выше Воли .
Нет приоритетов, нет покоя, нет исключений. Если Его Воля дышит, ты покоряешься. Если Его Воля безмолвна, ты молчишь. Если Его Воля требует, ты жертвуешь.

XCV

Я постановляю Вторую Заповедь: чтобы
Пророк никогда не подвергался сомнению.
Не потому, что Пророк неприкасаем, а потому, что он – проводник. Сомневаться в Пророке – всё равно что плюнуть в Бездну. Разорвать ткань, на которой держится мир. Тот, кто сомневается, губит себя, не успев осознать этого.

XCVI

Настоящим я повелеваю Третью Заповедь:
Пусть ни один слуга не позволит подлости коснуться своего духа.
Подлость – болезнь издревле. Это унаследованная мерзость. Это яд, уничтоживший целые культы. Изгони её, как изгоняют из груди мёртвое животное.

XCVII

Настоящим я повелеваю Четвертой Заповедью:
Пусть Орден будет превыше любых человеческих уз.
Семья не превыше всего. Друзья не превыше всего. Чувства не превыше всего. Порядок — это живая стена, а стены не устоят, если они построены из слабой привязанности.

XCVIII

Я провозглашаю Пятую Заповедь: Никто
не должен скрывать свою слабость.

Knjiga Bez Oka

Скрытая слабость растёт, как опухоль. Признанная слабость может быть сломлена и восстановлена. Он презирает притворщиков. Он предпочитает сломанное, которое восстанавливается, целому, которое лжёт.

XVIIX

Я провозглашаю Шестую Заповедь: Ни один слуга не
должен служить своему собственному эго.
Эго — это вирус. Это Равкарни в мысленной форме. Это врата к падению. Тот, кто служит себе, становится грязью, загрязняющей храм.

B

Я заповедую Седьмую Заповедь:
Пусть каждый враг Ордена будет воспринят как трещина в фундаменте.
Нет диалога с тем, что стремится разрушить. Нет дипломатии с тем, что стремится развратить. Нет пощады тому, что стремится внедриться. Враг — это болезнь, а болезнь должна быть уничтожена.

КИ

Настоящим я повелеваю Восьмую Заповедь:
Пусть священное знание никогда не будет обесценено.
Йхларум — не язык любопытства. «Кнджига» — не книга для развлечения. Священное — не игрушка. Тот, кто принижает священное, становится пылью в глазах Бездны.

КИИ

Я заповедую Девятую Заповедь:
Пусть каждый слуга сохранит свою спину прямой перед лицом невообразимого.
Не трепещи перед тем, что должно тебя укрепить. Испытай себя головокружением. Кто впадёт в головокружение, того отвергнут. Кто преодолеет головокружение, того познают.

CIII

Настоящим я повелеваю Десятой Заповедью:
Пусть Орден никогда, никогда и ни при каких обстоятельствах не подведет Пророка.
Ибо когда Порядок рушится, Пророк несёт бремя. А когда Пророк несёт бремя,
Он наблюдает. И когда Он наблюдает, Он судит. И когда Он судит, то от совершившего ошибку не остаётся ничего.

ЦИВ

Я постановляю одиннадцатую заповедь: никто пусть не
прикасается к нити пророчества нечистыми руками.
Пророчество – не глина. Это не теория. Это не человеческие домыслы. Это живой клинок. Всякий, кто прикасается к нему неподготовленным, ранит свою душу.

резюме

Настоящим я повелеваю Двенадцатой Заповедью:
Пусть Равкарни будет признан и отвергнут без колебаний.

Knjiga Bez Oka

Они шепчут идею свободы, но несут гибель. Они — эхо, которое пытается подражать, но не может создать сущность. Изгоните их при первом же знаке.

XBH

Настоящим я повелеваю Тринадцатой Заповедью:

Пусть ни один слуга не путает человеческую доброту с духовной чистотой.

Она не требует доброты. Она требует честности. Она требует дисциплины. Она требует безоговорочной преданности.

Тот, кто пытается быть «хорошим» по человеческим меркам, становится слабым по божественным меркам.

CVII

Настоящим я повелеваю Четырнадцатой Заповедью:

Пусть каждый слуга избавится от привычки колебаться.

Колебаться — значит открывать дверь врагу. Колебаться — значит позволять проникновение. Колебаться — значит отвергать призвание. Вы должны действовать так, как будто ступаете по земле, которая может обрушиться в любой момент.

CVIII

Я повелеваю Пятнадцатой Заповедью:

Пусть Орден никогда не допустит возвращения коррупции прошлого.

Разложение старых культов — это призрак, пытающийся вернуться. Это тень, пытающаяся проникнуть внутрь. Но ты станешь стеной. Стеной, которая не рухнет. Стеной, которая не ослабнет. Стеной, которая не рухнет.

CIX

Настоящим постановляю шестнадцатую заповедь: чтобы

каждый слуга был бдителен даже в мыслях своих.

Ибо мысль — первая территория, где Бездна требует порядка. Кто не контролирует свои мысли, тот не контролирует свои действия. Кто не контролирует свои действия, тот не контролирует последствия.

CX

Настоящим я постановляю Семнадцатую

Заповедь: Да будет этот Орден вечным.

Не по велению человеческого времени, а по божественному велению. Вы не хранители мгновения. Вы хранители эпох. Вы хранители судьбы. Вы хранители дышащего ядра.

CXI

И теперь я закрываю эту главу:

не с миром.

Не с обещанием.

Но с катаклизмом.

Ибо он приближается ко всему, что ещё сопротивляется. И всё,

что сопротивляется, будет раздавлено!

CXII

Knjiga Bez Oka

Пусть каждый стих вонзится в дух, как резец.
Пусть каждая заповедь горит в нём!
Пусть каждый слуга пробудится. Пути назад нет. Приказ был написан в Бездне.